

ОПЫТ ПРАВОСЛАВНОЙ АСКЕТИКИ

Изучение жизни и литературного наследия подвижников благочестия имеет чрезвычайную важность для постижения истории Церкви, так как именно они во многом оказывали (и продолжают оказывать после своей смерти) влияние на ход и развитие церковного бытия.

Имя блаженной памяти старца-епископа Варнава (Беляева) в отечественной богословской науке пока еще остается малоизвестным. Встречающиеся в среде верующих читатели его сочинения, как правило, представляют собой ксерокопии машинописного текста, отпечатанного в 1960 – 1970-е годы хранильницей рукописного архива Преосвященного, его келейницей – инокиней Серафимой (Ловзанской), причем в большей части – это проповеди Владыки и «Опыт православной аскетики» в двух вариантах – полном и сокращенном. На самом деле епископ Варнава является чрезвычайно интересным и многогранным писателем-богословом. Из-под его пера вышли серьезные научно-богословские труды по аскетике, духовно-нравственные произведения, а также стихотворения на духовные темы.

Епископ Варнава (в миру Николай Никанорович Беляев) родился в Москве 12 мая 1887 года. Отец его был слесарем ткацкой фабрики села Раменского Бронницкого уезда, мать – дочь деревенского диакона, которая своим молитвенным настроением создала благодатную атмосферу религиозного воспитания сына.

Обучение мальчика началось в селе Раменском и продолжилось в Третьей Московской гимназии, которую он окончил в 1908 году с золотой медалью. Готовясь к конкурсному экзамену в Институт путей сообщения и перебирая книги в своем книжном шкафу, Николай наткнулся на брошюру митрополита Иннокентия (Вениаминова) «Указание пути в Царство Небесное», которую ему в детстве подарил гробовой монах у раки Преподобного Сергия, стал читать ее, и в его душе произошел переворот. Прямо с экзамена он направляется в Оптину пустынь, где сближается со знаменитым старцем архимандритом Варсонофием.

Летом 1910 года Николай познакомился со старцами Зосимовой пустыни – игуменом Германом и схиархимандритом Алексием (Соловьевым), духовным сыном которого он и стал.

В 1911 году Николай поступил в Московскую Духовную академию, и в том же году ректор Академии епископ Феодор (Поздеевский) постриг его в монашество. Перед постригом старец отец Алексий (Соловьев) дал ему наставление: «Да будут девизом и молитвой во всю твою жизнь эти слова: прими меня, Господи, в Свои отеческие объятия и не выпускай меня из них ни на какие распутия во всю мою жизнь. Да буду я всегда Твой».

Летом 1914 года Господь сподобил отца Варнаву посетить Святую Землю. Во время путешествия стало известно, что началась первая мировая война, и ему с трепетом сердечным и скорбью пришлось возвращаться на родину.

В 1915 году иеромонах Варнава окончил академию со степенью кандидата богословия. Его диссертация «Св. Варсонофий Великий. Его жизнь и учение» была положительно оценена в рецензии священника Павла Флоренского. Тогда же молодого иеромонаха, обладавшего обширным научным кругозором, знанием шести языков, направляют преподавателем гомилетики в Нижегородскую Духовную семинарию.

16 февраля 1920 года архимандрит Варнава хиротонисан во епископа Васильсурского, викария Нижегородской епархии.

Летом 1922 года, потрясенный тем, что правящий архиерей Нижегородской епархии архиепископ Евдоким (Мещеряков) присоединился к обновленчеству — церковному течению, насаждавшемуся властями для борьбы с верой, епископ Варнава, отвергнув компромисс с отступниками, решает уйти в затвор для всецелой отдачи себя писательскому творчеству. В октябре 1922 года, по благословению старцев Зосимовой пустыни, он принимает на себя подвиг юродства. Для властей он отныне — сумасшедший, а в домашнем уединении, отгородившись от мира «неполноценностью», пишет книги и ищет пути сохранения церковной культуры и духовного наследия в условиях нарастающих гонений на религию.

С того времени и по 1928 год он создает свой главный труд — «Опыт православной аскетики».

В 1933 году в Москве Преосвященный Варнава арестован якобы за создание тайного монастыря и антисоветскую пропаганду среди молодежи и по статье 58-й приговорен к трем годам лагерей. Срок отбывал он на Алтае, в Бийских лагерях, продолжая и здесь юродствовать; лагерными врачами признан сумасшедшим, переведен в Мариинские лагерь, откуда — по разрешению из Москвы — освобожден в 1936 году.

До 1949 года епископ Варнава жил в Томске, затем переехал в Киев. До последних дней жизни он продолжал работать над новыми произведениями.

Умер Владыка Варнава 6 мая 1963 года и похоронен в Киеве на Байковом кладбище.

Вниманию читателя редакция предлагает избранные главы основного труда епископа Варнавы «Опыт православной аскетики», содержащего 2080 страниц машинописного текста. Если говорить в целом об этом труде, то следует отметить, что он — не наука «Догматическое богословие», не догматическая система, а богословие практическое, назидательное, осуществленное в опыте самого автора. Труд всецело утверждается на святоотеческих наставлениях, по преимуществу на творениях святых подвижников-аскетов. Однако необходимо отметить, что труд епископа Варнавы создавался в 20-е годы, в атмосфере гонений на Церковь, исповедничества и мученичества, поэтому несет на себе отпечатки того времени: полемичность, крайность суждений, апологетическую заостренность.

Кроме того, некоторые используемые епископом Варнавой научные данные (из области медицины, биологии, диетологии и других наук) за прошедшие годы значительно устарели. Сама личность епископа Варнавы и тот не совсем обычный для церковного иерарха подвиг юродства, который он на себя возложил, создали особый самобытно-оригинальный стиль его повествования, не совсем традиционный для научных богословских работ.

Редакция сборника «Богословские труды», не вполне разделяя отдельные мнения и высказывания епископа Варнавы, считает возможной публикацию его работы (с сокращениями), так как она имеет такие важные качества, как глубина и высота содержания, широта и многосторонность охвата темы при простоте, доступности изложения почти для всякого читателя.

Редакция сборника «Богословские труды» располагает письменным разрешением (от 29 декабря 1993 года) на публикацию данного труда от хранильницы рукописного архива епископа Варнавы — инокини Серафимы (Ловзанской).

К. Е. СКУРАТ,
профессор Московской Духовной академии

Священник Сергей ЯВИЦ,
преподаватель Киевской Духовной академии

ОТДЕЛ 2. О ПРЕДМЕТАХ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЗНАНИЯ

§ 2. Ангелы. Создание ангелов — Природа добрых духов — Выводы (об ангелоявлениях)

Прежде всего сущего, то есть видимого неба и земли, а также и человека, прежде даже самого времени, Бог творит ангельский мир.

«Еще ранее бытия мира, — говорит св. Василий Великий¹, — было некоторое состояние, приличное премирным силам, превысшее времени, вечное, приснопродолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания, — разумные² и невидимые природы».

Также и блаж. Августин: «Мир духовный (ангельский) превыше времени, потому что, будучи сотворен прежде всего, предваряет и сотворение всякого времени. Мы не усматриваем никакого времени ни раньше их, ни в них самих, потому что они всегда наслаждаются лицезрением Бога»³.

Так думать заставляют: Быт. 1,1; Иов. 38, 7 — «Сыны Божии» — ангелы (LXX: πάντες ἄγγελοι μου (Иов. 1,6); (Иов. 2,1: οἱ ἄγγελοι τοῦ θεοῦ).

Св. Симеон, Новый Богослов⁴ говорит, что ангелы «задолго»⁵ до сотворения прочих тварей были произведены Богом.

* * *

Православно верующему христианину надлежит содержать следующие главные мысли о существе Ангельском⁶.

1. Ангел есть сущность, одаренная умом, всегда движущаяся, обладающая свободной волей, бестелесная, служащая Богу, по благодати получившая для своей природы бессмертие, каковой сущности вид и определение знает один только Создатель.

2. Ангел неспособен к раскаянию, потому что бестелесен. Ибо человек получил раскаяние по причине немощи тела.

3. Чем именно служит для людей смерть, этим для ангелов служит падение. Ибо после падения для них невозможно покаяние, подобно тому, как и для людей оно невозможно после смерти.

4. Ангелы — вторые, постигаемые только умом, светые, имеющие свет от первого и безначального Света; не имеющие нужды в языке и слухе, но без произносимого слова сообщающие друг другу собственные мысли и решения.

5. Они описуемы, ибо когда они находятся на небе, их нет на земле и, посылаемые Богом на землю, они не остаются на небе. Но они не ограничиваются стенами, и дверями, и дверными запорами, и печатями, ибо они — неограниченны. Неограниченными же называю потому, что они являются людям достойным, — которым Бог пожелает, чтоб они являлись, — не таковыми, каковы они суть, но в измененном виде, смотря по тому, как могут видеть смотрящие. Ибо по природе и в собственном смысле неограниченно только то, что несозданно. Ибо всякое создание ограничивается создавшим его Богом.

6. Что касается их природы, то ангелы не принимают вида так, как тела, и не имеют тройного измерения.

7. Они трудно склоняемы ко злу, хотя не непоколебимы; но теперь даже и непоколебимы не по природе, а по благодати и привязанности к одному только благу.

8. Ангелы будущего не знают, но если пророчествуют, то при содействии благодати Божией, когда Бог открывает им и повелевает предсказывать. Поэтому, что они говорят, сбывается.

9. В браке они не имеют нужды, так как не подвержены смерти.

10. Ангелы обладают великой силой (ср. 4 Цар. 19, 35; Мк. 16, 3 – 5), но, конечно, относительной (Пс. 71, 18), и имеют одно занятие: воспевать хвалы Богу и слушать Божественной Его воле.

Когда ангелы являются по повелению Божию людям, то они принимают самые разнообразные виды⁷, смотря по надобности: Быт. 3, 24; 18, 2 и след.; Нав. 5, 13; Тов. 5, 5 – 6; Дан. 10, 5 – 6; Мф. 28, 3; Откр. 4, 6 – 8, и др.

Равным образом в это время они принимают на себя образ и все свойства изображаемых ими сущностей, то есть ходят, летают, сидят, говорят, слышат, осязают, обоняют и проч.

Но православно мыслящему нужно твердо и постоянно помнить – на основании вышеуказанных догматических положений, что все это ими делаемое есть приспособление к нашей дебелой природе и немощному уму, не могущему мыслить иначе, как в трех измерениях, тогда как ангелы не подлежат ограничению последними⁸. Не принимая почему-либо в соображение последнее обстоятельство, человек может впасть в большие ошибки, запутаться в противоречиях и навлечь на себя тысячу зол⁹.

Когда являются ангелы людям, то последние видят не существо ангельское, ибо естество их, как бестелесное¹⁰, видеть нельзя, а только образ, принятый ими на время и взятый в очертаниях, доступных нашему пониманию¹¹. А когда, по особому Промыслу Божию, люди устаиваются освободиться от тягот наших земных понятий и измерений и видеть в раю вещи и лица так, как они есть, то тогда, возвратившись духом на землю, святые ничего не могут рассказать о том, что они видели, и понятно почему: потому что на человеческом языке нет понятий, соответствующих небесным, и сам рассудок (с духом не смешивать) наш не приспособлен к таковым созерцаниям (2 Кор. 12, 4).

Потому-то еще ученик самого апостола Павла – св. Дионисий Ареопагит, настоятельно убеждал верных не принимать слов Писания о небесных вещах в буквальном смысле. «Нужно, – говорит божественный муж, – чтобы мы не представляли грубо небесных и богоподобных сил имеющими много ног и лиц, носящими скотский образ волов и звериный вид львов, с изогнутым клювом орлов или птичьими крыльями; равно не воображали бы и того, будто на небе находятся огневидные колесницы, вещественные троны, нужные для восседания на них Божества, многоцветные кони, военачальники, вооруженные копьями, и многое тому подобное, показанное нам Священным Писанием под многоразличными таинственными символами (Иез. 1, 7; Дан. 7, 9; Зах. 1, 8; 2 Мак. 3, 25; Нав. 5, 13). Богословие употребило священные поэтические изображения для описания умных сил, не имеющих образа». И в другом месте говорит подобное: «Быть может, иной в самом деле подумает, что небо наполнено множеством львов и коней, что там славословия состоят в мычании, что там стада птиц и других животных, что там находятся низкие вещи, что ведет к неверному, неприличному и страстному»¹².

Итак, неужели человеку нельзя видеть потусторонние вещи, как они есть, без приспособлений? – Можно. Но для этого надо очиститься от страстей. Залоги, седалища их находятся в нашей плоти: уничтожь их, сделай при помощи Божией так, чтобы тело ни в чем, ни в малейшей части и ни на одну минуту¹³ не влияло на дух, и тогда узришь потусторонний мир, будешь читать чужие мысли (то есть видеть души окружающих), узришь бесов и ангелов. В этом заключается свойство прозорливости. О таком

уме говорится в святоотеческих книгах, что он прозорлив. Но, конечно, как теперь не самую сущность материальных вещей мы видим, а их свойства лишь воспринимаем (так называемая «вещь в себе», кантовская *Ding an Sich* для нас неизвестна), так и тогда не самое естество душ мы будем постигать, — это только доступно Божественному Духу, одному Богу, — а их свойства, настроения, чувствования.

«Совершенно очистившийся от страстей видит душу ближнего, — говорит св. Иоанн Лествичник¹⁴, — хотя не самое существо ее, но в каком она находится устроении и каковы ее расположения и чувствования». Также св. Исаак Сирин: «Души, пока осквернены и омрачены, не могут видеть ни друг друга, ни себя самих, а если очистятся от страстей и возвратятся в древнее состояние, в каком созданы, то ясно видят три чина: чин низший их (то есть бесовский), чин высший (ангелов) и друг друга»¹⁵.

Но так как вообще человеческое «душевное око проницательно и прекрасно (по перев. Афанасия Критского *Λαμπρά* — «светло»), так что после бесплотных существ (ангелов) оно проницательностью превосходит всякий вид тварей», говорит дальше св. отец, то «посему часто и те, которые побеждаются страстями, могут познавать мысли в душах других, от великой любви к ним, особенно же когда они не погрязают в плотских сквернах»¹⁶, (ибо даже простой появившийся помысел и воспоминание о мире помрачают ум (духовный, разумеется)).

Хотя это прозрение не то, что бесовское «ясновидение» медиумов, но, конечно, оно и не то, что духовное зрение святых, которые видят души людей на громадном расстоянии. Так св. Афанасий Великий, стоя однажды на молитве, видел душу преп. Аммона, возносимую ангелами после смерти на небо¹⁷.

§ 3. Служебное значение ангелов — Ангелы-хранители

Служение горних чинов складывается из двух сторон: из послушания их Богу на небе и на земле.

1. Небесное служение

«Дело ангелов на небе есть славословить Господа», — говорит равноангельный подвижник св. Симеон, Новый Богослов¹⁸, единственный после св. Григория Богослова, учителя первохристианских времен, получивший от Святой Церкви такое же наименование. В этом состоит их главное послушание, о чем свидетельствует многочисленный сонм других духоносных тайнозрителей¹⁹ и «собеседников ангелов»²⁰ (Откр. 4, 8; ср. 6, 1 — 3).

Другое занятие ангелов на небе, о котором мы знаем из Священного Предания²¹, — состоит в преемственном сообщении по степеням своей иерархии²² различных тайн, получаемых от Бога, и вышеестественных световидных озарений, приличных премирным духам. «Престолы, серафимы и херувимы поучаются непосредственно от Бога, как высшие из всех и ближайшие к Богу; потом они поучают и прочие чины, и таким образом по порядку высшие учат низших», — говорит св. Афанасий Великий.

То же читаем у св. Ефрема Сирина: «Когда небесные духи желают узнать что-либо о Сыне, то обращаются с вопросами своими к высшим ангелам, а эти научаются по мановению от Духа».

Как увидим ниже, то же продолжается и у нас, на земле: святых учат ангелы, остальных христиан — святые. В этом основной закон и священная, Божественная основа старчества.

II. Служение ангелов на земле

О служении ангелов св. апостол Павел сказал: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» (Евр. 1, 14).

По нашей греховной развращенности и злым делам здесь (на земле) ангелам много труда²³, и только такой могущественный дух, как ангел, в силах до некоторой степени²⁴ справиться с таким, хотя нищедушным, но сопротивным падшим созданием, как человек, своими страстями и своими добровольными призывами накликающим на себя к тому же страшных и сильных демонов. Но если нам честь от такого покровительства, то зато какую школу смирения, — иначе невозможно выразиться²⁵, проходят здесь ангелы! Пусть каждый представит себе: могущественный, прекрасный, светоносный дух повелением Божиим приставлен к нему, слабому и немощному, и должен за ним ухаживать, — и ухаживает, как никакая нянька, никакая мать! Это — к существу, которое постоянно оскорбляет его (а мы не можем перенести оскорблений со стороны подобных себе людей), поносит, причиняет жесточайшие страдания, скорбь...

Примеры на вышесказанное многочисленны в житиях святых. Приведу один из них.

Однажды славный тайновидец, св. Нифонт, епископ г. Констанции на о. Кипре (середина IV века), идя из церкви домой («в свою хижину»), увидел у дверей дома одной блудницы ангела в образе юноши, который сильно плакал. Нифонт спросил о причине такого плача. И тот ответил:

— Мне дан от Бога на соблюдение один человек, который в этом доме сейчас лежит с блудницей. Этим он меня сильно оскорбляет, потому что не могу смотреть на беззаконие, которое он совершает... Так как же мне не плакать при виде того, в какую тьму пал образ Божий?

— Что же ты не накажешь его, чтобы он отстал от греха? — сказал Нифонт.

— Не имею возможности приблизиться к нему, — отвечал ангел. — Ибо с тех пор как он начал грешить, — раб есть бесам, а я уже не имею над ним власти... Бог сотворил человека со свободной волей («самовластна»), показав ему тесный путь и пространный; каким хочет, таким и идет...

Прибавлю ради поучительности и слова блаж. Нифонта, с которыми он обратился после этого разговора с ангелом к своему ученику. «Нет ничего смраднее блудного греха, однако если блудник покается, то Бог принимает его скорее, чем иных беззаконников, так как грех этот происходит от естества диавольским наущением. Прогоняется же эта страсть прилежною молитвою, многим постом и различными телесными умерщвлениями...»²⁶

Из того, что Бог не требует для Себя служения ничьих рук — ни ангельских, ни человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, как сказал апостол Павел в своей знаменитой речи в афинском ареопаге (Деян. 17, 25), следует, что ангелы, хотя Ему и служат, но не делают услуги, и Господь потому пользуется их пособием в Своем Промыслении о мире, что это приносит им самим пользу. Вышеуказанные способы смирения и служения людям делают их достойными подражателями своего Владыки, Который, хотя и Бог, и мог родиться могущественным принцем, во дворце и золотой колыбели и иметь целый штат ливрейных слуг, однако благоволил произойти, правда, и от царской по человечеству крови, однако в вертепе, быть положенным в ясли для скота и прийти не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить другим (Мк. 10, 45). Праздность и бездеятельность всем воспрещается, да-

же ангелам. И они, кроме молитвы, имеют соответственно своей мысленной, невестественной природе, свое «поделение».

Климент Александрийский еще иной смысл извлекает из вышеуказанных слов апостола Павла (Евр. 1, 14), говорящего о будущей славе ангелов, имеющей возместить это их нынешнее смирение. «Он (Иисус) сделал нам служебными ангелов, господства и власти ради высокой награды, потому что и сами они освободятся от суетности мира при открытии славы чад Божиих»²⁷.

Речь здесь о том, что начала, власти, херувимы, серафимы, ангелы, несмотря на то, что привлечены Иисусом Христом (ср. Евр. 1, 6) к служению тленному миру и плоти, то есть чину, несравненно стоящему ниже их, получают, однако, великую духовную пользу от этого и еще большую получают в будущем веке, что и будет им наградой за временное служение тем, «которые имеют наследовать спасение». Еще подробнее эту мысль можно развить так. Уже и теперь высшие ангельские чины испытывают приращение своего блаженства и духовных тайн, открывающихся в течении человеческих и церковных дел на основе искупительного подвига Христа Спасителя. Раньше, до воплощения и смерти Господа, они ничего об этом, как и люди, не знали. Когда же эти тайны совершились, они с великим тщанием занялись их исследованием — богословским в полном смысле этого слова (1 Петр. 1, 12). В этом они нашли новое блаженство. И, однако, последнее своим источником наполовину имеет тленный круг вещей, поскольку и Сам Бог, точнее Вторая Ипостась Его, Господь Иисус Христос, не теряя ничего из Своей Божественной природы, соединился с тленным человеческим еством²⁸ и со всеми его немощами, кроме страстей. Но домостроительство спасения рода человеческого еще не завершилось, многообразная премудрость Божия все еще открывается шире и шире через Церковь (Еф. 3, 10), вместе с тем и ангелам открывается все большее и большее поприще в служении людям и в познании тайн, в которые они всеми силами (не как мы!) стараются проникнуть (Παρακῶσαι).

Когда же, после Страшного суда, откроется Церковь Славы и будет Бог всяческая во всем (1 Кор. 15, 28), тогда ангелы и все небесные силы восприимут восполнение своего блаженства уже до окончательной меры. Последнее св. Климент Александрийский и называет «высокой наградой» и «освобождением от суетности мира»²⁹.

Служение ангелов на земле имеет отношение к предметам неодушевленного мира и к людям.

1. Вселенная в полном своем составе (космос) не предоставлена, как думают некоторые деисты, самой себе, подобно раз и навсегда заведенным и пущенным в ход часам, но постоянно поддерживается в своем бытии Промыслом Божиим (Ин. 5, 17). В частности, царство природы и каждая стихия, мир органических и неорганических существ, открытые наукой и еще не открытые силы природы, отдельные предметы последней и произведения рук человеческих управляются и не существуют самостоятельно и находятся под наблюдением и в распоряжении особых ангелов, которые над этим господствуют и действуют среди всего этого по воле Всемогущего Бога.

Так, св. Иоанн Богослов видел в своих апокалипсических созерцаниях ангела, имеющего власть над огнем (Откр. 14, 18). Также слышал ангела вод, распоряжающегося водной стихией (Откр. 16, 5). Еще видел он четырех ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево (Откр. 7, 2). Еще одного ангела видел он, стоящего на солнце (Откр. 19, 17).

В Священном Предании также находится много свидетельств подобного рода. В одном памятнике первохристианской литературы, именно в книге «Пастырь», принадлежащей перу мужа апостольского, св. Ерма, говорится об ангеле,

поставленном над дверями, и указывается даже имя ему³⁰. Есть ангелы, господствующие над растительным царством природы³¹. В «Луге духовном»³² рассказывается об ангелах, охраняющих престолы храмов Божиих.

Вот один из этих рассказов. Однажды один отшельник вошел в пещеру на берегу Иордана, покинутую незадолго перед тем преп. Варнавою. Здесь он увидел ангела Божия, стоявшего пред престолом, который воздвиг и освятил последний, то есть Варнава.

— Что ты здесь делаешь? — спросил отшельник ангела.

— Я — ангел Господень, — отвечал он, — и этот престол вверен моему смотрению от Бога с той поры, как был освящен.

Можно кратко сказать, вместе с апологетом раннехристианской Церкви Афиногором: «Творец и Строитель мира, Бог разделил их (ангелов) словом Своим и поставил над стихиями, и над небесами, и над миром, и над тем, что в нем, и над его устройством»³³.

Как Бог приставил ангелов Своих к природе, чтобы они научали людей пользоваться ею во благо, так и сатана, во всем противоположный Богу, приставил своих демонов к ней же для того, чтобы они заняли все места (преимущественно нечистые) и предметы ее и действовали в противном направлении, то есть во зло.

В одной из заклинательных молитв св. Иоанна Златоуста перечисляется множество разрядов злых духов: «...Сам Господь запрещает тебе, диавол, страшным Своим именем: дрожи, трепещи, устрашись, уйди, сгини, исчезни, падший с неба, и с тобой все злые духи, всякий злой дух, дух распутства, дух злобы, дух ночной, дух дневной, дух полуденный, дух вечерний, дух полуношный, дух встречный или земной, или водяной, или в рошах, или в тростнике, или в долинах, в проходах и перекрестках, в озерах, в реках, в домах и в банях находящийся, вредящий и сводящий человека с ума...»³⁴ <...>

2. В отношении людей служение ангелов удобнее всего рассматривать сперва под общим углом зрения, будет ли то служение их целым обществам или только временное посланничество от Бога к отдельным лицам, и затем в особом отделе выяснить специальный род ангельского служения, направленный на каждого человека единично и по времени постоянный.

Из Священного Писания мы знаем, что есть ангелы-хранители целых областей и народов (Втор. 32, 8; Дан. 10, 13; 20, 21). Есть ангелы-хранители Церквей и христианских обществ (Откр. 1, 20). Знаем, как ангелы являлись многократно праведникам и даже великим грешникам³⁵, чтобы помочь им в чем-нибудь (Быт. 19, 1, 10 — 11, 15 — 22; 31, 10 — 12; Нав. 5, 13 — 15; Суд. 13, 3 — 5; Тов. 5, 4 — 5; Лк., 2, 9 — 12 и друг.).

Но знаем и обратное — как ангелы являлись страшными наказателями за беззакония (Быт. 19, 21 — 22; 4 Цар. 19, 35).

В Патерике рассказывается такой случай.

Два монаха искали в пустыне одного великого старца. По дороге к нему, на одной из гор, увидели они как бы человека.

— Братия, братия, — послышалось оттуда.

— Кто ты и что хочешь? — ответили они.

— Скажите авве одному, с которым будете беседовать, чтобы вспомнил о просьбе.

Найдя старца, они поведали ему об этом случае, и великий подвижник рассказал им следующее.

— Этот, которого видели вы, есть ангел Господень. Приходя сюда, он просил мою немощь: «Моли Господа, чтобы я был восстановлен на мое место, потому что исполнилось уже определенное Богом касательно меня время». Когда же я спросил

его: «Что за причина запрещения твоего?» — он сказал: «Случилось, что в некотором селении многие люди своими грехами весьма прогневали Бога, и послал Он меня с милостию наказать их. Я же, видя, что они весьма нечестивы, нанес им большую язву, так что многие погибли, и за это удален от лица пославшего меня Владыки». Когда же сказал я: «Как могу я молить Бога за ангела?» — говорит он: «Если бы не знал я, что слушает Бог ближних рабов Своих, не пришел бы и не беспокоил тебя...»

Рассказав сие, блаженнейший отец почил³⁶.

Что из этого следует? — При наказании надо быть милосердным, хотя бы люди и стоили того, чтобы их жестоко наказывали. «Как так? — спрашивает св. Иоанн Златоуст, — Бог наказывает, а я должен сострадать наказываемым?» — и отвечает: «Да. Этого желает Наказывающий. Он и Сам не радуется, когда наказывает, но также весьма скорбит... Не радуйся и ты. Но скажешь, когда наказываются справедливо, то, конечно, не должно скорбеть? Должно скорбеть о том, что они сделались достойными наказания. Когда кто страдает для венцов, тогда не скорби, как, например, Павел и Петр, но когда кто терпит достойное наказание, тогда плачь, тогда скорби. Так поступали и пророки. Потому один из них и сказал: «О, люте мне, Господи, еда потребляеши Ты останки Израилевы!» (Иез. 9, 8).

Мы часто видим наказываемых убийц и других преступников и сожалеем и скорбим. Не будем рассудительны чрез меру, но будем милостивы, чтобы и нам быть помилованными. Ничто не может сравниться с этим благом, ничто так не выражает наших человеческих свойств, как милосердие, как человеколюбие. Потому и законы предоставляют всякое наказание палачам, обязывая судью только произнести приговор к наказанию, а самое исполнение возлагая на них. Так, хотя бы наказание было справедливо, наказывать несвойственно душелюбивой, но для этого требуется кто-нибудь другой. Потому и Бог наказывает не Сам, но через ангелов.

Следовательно, ангелы — палачи? Да не будет! Я не говорю этого; но они — силы, служащие и для исполнения наказания. Когда был разрушаем Содом, все совершенно через ангелов; когда Египет — через них же: «послание, — говорит псалмопевец, — ангелы лютыми» (Пс. 77, 49). Но когда нужно было спасти, тогда действует Он Сам. Так, Он послал Сына Своего для спасения рода человеческого. Когда нужно было беседовать с Авраамом, то приходит Сам, а когда — идти в Содом, то посылает служителей. И еще: «Добре, — говорит, — рабе благий и верный... над многими тя поставлю». Этого восхваляет Сам, а раба лукавого не Сам, но слуги связывают (Мф. 25, 21 — 30)³⁷.

Если мы обратимся к церковной истории и особенно к истории монашества, то почерпнем в них бесчисленные сведения о нарочитой заботе о нас ангелов и об их служении в различных случаях и обстоятельствах нашей жизни.

Особенно много примеров подобного рода мы можем найти во времена первых христиан, но встречаются они и в настоящее время³⁸. Чтобы не оставить совсем без иллюстрации этих положений, приведу здесь первый попавшийся случай. Так, например, в Житии св. мученика Севастиана рассказывается, как один городской правитель-язычник, страдая от болезни, уверовал во Христа и стал сокрушать своих домашних идолов. И ревность его вызвала тотчас же отклик в ангелах. Один из них явился ему и исцелил от болезни. Замечательно продолжение этого рассказа. Начальник хотел было припасть к стопам явившегося Ангела и облобызать их, но тот сказал: «Смотри, не прикасайся ко мне, потому что ты не омыт еще святым Крещением от идольского смрада». И стал невидим³⁹.

Сколько здесь поучений! Ангел любовен и в то же время грозен и строг, снисходителен до смрадного грешника и в то же время недоступен... И как велика благодать святого Крещения!..

«Нужно ли говорить что о подвижниках, чуждых миру сему, и об отшельниках?» — скажем теперь словами преп. Исаака Сирина⁴⁰. — «Они пустыню соделали градом, обратили в селение и обитель ангелов. К ним, по благоустройству жития их, всегда приходили ангелы и, как слуги единого Владыки, иногда соратую, пребывали с теми, которые все дни жизни своей любили пустыню и из любви к Богу имели жилища свои в горах, вертепах и пропастях земных (Евр. 11, 38). И так как они, оставив все земное, возлюбили небесное и соделались подражателями ангелов⁴¹, то и сами святые ангелы по справедливости не скрывали за это от них зрака своего и исполняли всякое желание их, по временам же являлись им, научая, как надлежит им жить, а иногда объясняли то, в чем недоумевали они, иногда же сами святые вопрошали их, о чем надлежало; иногда ангелы наставляли на путь тех из них, которые заблуждались; иногда избавляли тех, которые впадали в искушения; иногда, при внезапной беде и угрожающей опасности, исхищали их от этого, спасая, например, от змия или от падения скалы, или от стрелы, или от брошенного камня; иногда, если враг явно нападал на святых, являлись видимым образом и говорили, что посланы на помощь им, и придавали им смелость, отважность и отраду; а в иное время совершали чрез них исцеления, иногда же исцеляли самих святых, подвергшихся каким-либо страданиям; иногда телам их, изнемогшим от неядения, прикосновением руки или словами сообщали сверхъестественную силу и укрепляли их; иногда же приносили им пищу, хлеба и даже овощи или какие-либо другие с хлебом вкушаемые снеди и некоторым из них объявляли время, а иным — и образ их преставления. И нужно ли перечислять многое, чем доказывается любовь к нам святых ангелов и всевозможное попечение их о праведных?..»

Вот несколько примеров на предыдущее высказывание.

1. Об авве Пахомии Великом рассказывали. Несли тело умершего по дороге. Встретив его, авва Пахомий видит двух ангелов, сопровождающих мертвого позади носилок. Размышляя о них, святой просил Бога, чтобы Он открыл ему касательно их. И пришли два ангела к нему и спросил он их:

— Зачем вы, будучи ангелами, сопровождаете мертвого?

— Один из них — ангел среды, другой — пятка, — ответили те. — И поскольку до тех пор пока не умер он, душа его не оставляла поститься в среду и пяток, то мы сопровождаем труп сей. Так как даже до смерти своей сохранял он пост, то и мы прославляем его, добре подвизавшегося для Господа⁴².

2. Однажды св. Паисий Великий был послан Богом в одно селение обратить в Православие одного заблуждающегося добродетельного старца, чтобы не пропали труды его. Когда святой возвращался домой и приблизился к своей пустыне, внезапно ему в лицо ударил сильный свет. Паисий взглянул и увидел, что вся пустыня его наполнена ангельскими полками. Удивился он и, недоумевая, что бы это значило, стал просить Бога объяснить видение⁴³. И тотчас святой ангел, ходивший всегда с ним, сказал ему: — «Это тебе показал Бог затем, чтобы ты удостоверился, что и в присутствии твоём и в отсутствии ангелы повелением Его хранят иноков, живущих в этой пустыне, как Сам обещал тебе Владыка»⁴⁴.

3. Рассказывал один из великих древних пустынников про свою жизнь некоему святому. «Я жил (сначала) в одной Фиваидской киновии, и было у меня занятие ткача⁴⁵. И пришел мне помысел: «Выйди и живи сам по себе, и можно тебе будет безмолвствовать, и принимать странных, и получить больше награды, чем за труды рук твоих». Когда я согласился на помысел⁴⁶, тотчас и выполнил его на деле. И когда построил монастырь⁴⁷, то были заказывающие мне работу, когда же много собралось у меня излишнего, я старался раздавать то бедным и странным. Враг же наш диавол,

позавидовав, как и всегда, имеющему быть мне воздаянию, уловил меня тем самым, что тщился я делать против него. Ибо, видя некоторую девицу, раз уже заказывавшую мне работу, которую я исполнил и отослал ей, внушил ей сделать мне другой заказ. А потом образовалась привычка и излишняя доверенность, напоследок — осязания рук, и смех, и сожительство, зачавши, родили грех... Когда же я провел в нем месяцев шесть, помыслил в себе: «Ныне ли, завтра ли, или чрез много лет, подвергшись смерти, я вечное получу наказание. Ибо растливший жену мужнюю по закону подвергается наказанию и вечному мучению. Каких же мук заслуживает растливший невесту Христову?...» Таким образом, бежал я в эту пустыню, оставив все жене. И, пришедши сюда, нашел эту пещеру, и этот источник, и это финиковое дерево, на котором плод приносят мне двенадцать ветвей, в каждый месяц — одна ветвь, чего достаточно мне на 30 дней, а после сего созревает другая. По некотором же времени выросли мои волосы, и когда износились одежды мои, ими я стал прикрывать нижние части тела».

На этом обрывается первая часть рассказа, объясняющая внутренние причины, которые вызвали событие, служащее иллюстрацией для моей темы о попечении ангелов. Опустить его было невозможно по приведенным сейчас основаниям и в силу исключительной назидательности.

Отшельник, выслушав этот рассказ, спросил его, не было ли трудно ему вначале. Тот продолжал:

«Сначала я весьма страдал, так что на земле лежал от боли печени⁴⁸ и не мог стоя совершать молитвословие, но, лежа на земле, взывал к Всевышнему. Когда же был я в пещере в великой скорби и болезни, так что не мог выйти из нее, вижу — вошел ко мне муж. Он стал вблизи меня и говорит мне: «Чем ты страдаешь?» Я показал ему место. Он же, соединив пальцы руки своей прямо, рассек место как бы мечом и, вынув печень, показал мне раны и, рукой соскоблив их, положил в платок, и опять вложил печень, и рукою замазал место и сказал мне: «Вот, стал ты здоров, работай Владыке Христу, как следует». И с того времени я стал здоров и без труда живу здесь», — закончил свою повесть пустынный⁴⁹.

Здесь дано прекрасное описание произведенной ангелом операции. По виду она похожа на наши хирургические, но какая простота, чистота, быстрота! Без наркоза, без крови и пинцетов, и сам больной — в роли постороннего зрителя... Одним словом, у Бога всего много.

* * *

Еще в Ветхом Завете знали о существовании ангелов-хранителей. Патриарх Иаков, благословляя при смерти сыновей Иосифа, молится: «Ангел, избавляющий меня от всякого зла, да благословит отроков сих...» (Быт. 48, 16)⁵⁰. Также один из друзей Иова, показав, как Бог, желая спасти душу человека от гордости или еще от чего-либо, наказывает его иногда страшными болезнями, доводя его, чтобы тот устранился и покаялся, до самого края могилы, говорит: «Если есть у него (у этого человека) ангел-наставник, один из тысячи, чтобы показать человеку прямой путь его, Бог умилосердится над ним и скажет: «Освободи его от могилы; Я нашел умилоствление». Тогда тело его делается свежее, нежели в молодости; он возвратится к дням юности своей» (Иов. 33, 17 — 22, 23, 24 — 25. Ср. Пс. 90, 11 — 12).

Но со всею ясностью говорят об ангелах-хранителях новозаветные свидетельства Самого Христа, Его апостолов и Святой Церкви.

Беседа однажды о том, что только имеющие простые сердца, как у детей, войдут в Царство Небесное и какой величайший грех есть их соблазн, Господь Иисус

Христос заключил Свою речь следующими словами: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих (по связи речи «малых сих» относится к младенцам не по возрасту, а по отношению ко злу — «на злое будьте младенцы» (1 Кор. 14, 20), то есть к взрослым, но просто и смиренно верующим)⁵¹, ибо говорю вам, что ангелы их (οι αγγελοι αυτων — не вообще ангелы, тогда выражение было бы без уточняющего определения, но здесь прибавлено еще αυτων, а определенные, «их собственные») на небесах всегда видят Лице Отца Моего Небесного (Мф. 18, 10).

Не менее знаменателен и ценен в этом отношении отрывок из Деяний (12, 1 — 17). Выпишу только относящиеся сюда стихи, сохраняя все же связность рассказа, чтобы не лишать его целостности и благоуханности, веющей от простоты изложения первохристианского автора.

«...Итак Петра стерегли в темнице, между тем церковь прилежно молилась о нем Богу»(5).

По этой молитве ангел Господень выводит его ночью из запертой и сильно охраняемой темницы и оставляет на одной из городских улиц.

Св. апостол Петр, «осмотревшись, пришел к дому, ...где многие собрались и молились. Когда же Петр постучался у ворот, то вышла послушать служанка, именем Рода, и, узнав голос Петра, от радости не отворила ворот, но, вбежав, объявила, что Петр стоит у ворот. А те сказали ей: в своем ли ты уме? Но она утверждала свое. Они же говорили: это ангел его (ο αγγελος αυτου εστιν). Между тем Петр продолжал стучать. Когда же отворили, то увидели его и изумились. Он же, дав знак рукою, чтобы молчали, рассказал им, как Господь вывел его из темницы...» (12 — 17).

Греческий перевод показывает, во-первых, что речь здесь идет не вообще об ангеле, например хотя бы выведшем апостола из темницы, а об ангеле личном, ангеле-хранителе, ангеле, приставленном к апостолу Петру и, следовательно, также и к каждому из нас, христиан; во-вторых, что это мнение не единичного человека, а всей Церкви.

Истину слов Господа и Его учеников доказывают воочию весьма многочисленные примеры из жизнеописаний подвижников и общей церковной истории.

Так, в Житии вышеупомянутого⁵² уже Паисия Великого рассказывается, что однажды некоторый брат пришел к нему, чтобы повидать его, но застал его спящим. В головах же увидел св. ангела-хранителя, прекрасного видом. «Поистине хранит Бог любящих Его!» — сказал в удивлении пришедший и, не дерзнув разбудить спящего отца ради ангельского присутствия, ушел к себе, благодаря Бога⁵³.

Св. Онуфрий Великий передает о себе, что когда он захотел идти в пустыню спастись и только что вступил в нее, то вдруг увидел пред собою сияющий луч света. Онуфрий испугался и хотел было вернуться уже назад, но услышал из приближавшегося луча голос: «Не бойся, я — ангел, ходящий с тобою от рождения твоего. Я приставлен Богом хранить тебя, и ныне я получил от Него повеление отвести тебя в эту пустыню...»⁵⁴.

Итак, у людей есть ангелы-хранители, как равно, с другой стороны, есть и ангелы-губители, то есть бесы.

Желающему встать на путь спасения надо это хорошо знать и помнить. Как Бог с рождения человека, точнее, с Крещения, приставляет к нему Своего ангела, так и сатана для соблазна человека назначает к нему одного из своих падших духов. Об этом можно прочесть как у святых отцов-догматистов, так и у аскетов⁵⁵.

Приведу здесь отрывок из разговора на эту тему между ангелом покаяния, или Пастырем⁵⁶, и тайнозрителем Ермом, мужем апостольским. Последний так рассказывал об этом:

— Послушай теперь, — говорит он (ангел мне)⁵⁷, — сперва о вере. Два ангела с человеком: один добрый, а другой злой.

Я спросил его:

— Каким образом, господин, я могу узнать действия их, когда оба ангела живут со мною?

— Слушай, — говорит, — и разумею. Добрый ангел тих и скромен, кроток и милосерден. Поэтому, когда войдет он в твое сердце, постоянно будет внушать тебе справедливость, целомудрие, чистоту, ласковость, снисходительность, любовь и благочестие. Когда все это взойдет на твое сердце, знай, что добрый ангел с тобою. Верь этому ангелу и следуй делам его. Послушай и о действиях ангела злого. Первее всего он злобен, гневлив и безрассуден; и действия его злы и развращают рабов Божиих. Поэтому, когда войдет он в твое сердце, из действий его разумею, что это ангел злой.

— Каким образом, — спросил я, — узнаю его, господин?

— Слушай, — говорит он. — Когда приступит к тебе гнев или досада, знай, что он в тебе; также, когда взойдет на сердце твое пожелание многих суетных дел, разных и роскошных яств и питий, чужих жен, гордость, хвастовство, надменность и т. п., тогда знай, что с тобой злой ангел. Поэтому ты, зная его дела, удаляйся от него и не верь ему, потому что дела его злы и несвойственны рабам Божиим. Таковы действия того и другого ангела...»⁵⁸

Из всего вышеизложенного рассуждения, думается, что ангелы-хранители приставлены не ко всем без исключения людям, но лишь к имеющим «печать Бога Живаго» (Откр. 7, 2).

Правда, и у язычников и неверных есть ангелы-хранители, и их Господь не оставил без попечения, но эти ангелы приставлены по одному ко всему народу, но не к каждому человеку в отдельности. Если же Бог видел, что кто-либо из них нуждался в особом вспомоществовании, то посылал и особого ангела, как, например, к язычнику Корнилию (Деян. 10, 2 — 4; 22, 34, 35). Но иметь постоянно ангела-хранителя — это преимущество одних верных христиан.

Некоторые подробности относительно этого положения мы можем почерпнуть из слов (сказанных, в общем, по иному поводу) рассудительнейшего мужа — св. Иоанна Лествичника, который сам сказал однажды про себя: «Ангел просвещал меня, когда я жаждал больших откровений»⁵⁹. Следовательно, слова его — не догадки, а сама истина. Преподобный говорит: «...Совесть есть слово и обличение ангела-хранителя, данного нам при Крещении. Посему-то мы и примечаем, что непросвещенные Крещением не столько бывают мучимы в душе за свои злые дела, сколько верные, но как-то неясно»⁶⁰. Иными словами: у непросвещенных святым Крещением сего ангела нет. Почему так? Без сомнения, потому же, почему ангелы-хранители отходят иногда и от самих христиан⁶¹.

«Когда человек пребывает в гордости, — говорит св. Исаак Сирин⁶¹, — тогда удаляется от него промыслительный ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности. И когда человек оскорбит сего ангела, и он удалится, тогда приближается к человеку чуждый ангел (то есть бес), и с того времени нет уже у него никакого попечения о праведности».

В другом месте тот же святой, убеждая одного брата охраняться от блудного демона, пишет: «Умоляю тебя любовью наблюдать, чтобы враг, вместо сладостного размышления о Кресте Христовом и любви ко Господу и дерзновения пред Богом, не стал во время бодрствования твоего наполнять душу твою многими мечтами, а во время сна твоего пленять ее нелепыми грезами, зловония которых не терпят святые ангелы Божии»⁶². «Молись, — убеждает поэтому св. отец каждого христианина, —

чтобы не отступил от тебя ангел целомудрия твоего, чтобы грех не воздвиг на тебя пламенеющей брани и не разлучил тебя с ним»⁶³.

В заключение, — к тому же принуждает и ход последних мыслей, — необходимо сказать несколько слов о почитании ангелов. Как их не почитать?! Особенно, как не почитать каждому своего ангела-хранителя?! Он всегда печется о нас, помогает нам, как его не благодарить?! Он может оставить нас за грехи, — а мы грешим со сладостью, — как же его не умолять?! Неужели мы должны остаться бесчувственными в отношении лица, которое глаз с нас не спускает, следит за каждым движением демона, ищущего нас поглотить каждую секунду? (1 Петр. 5, 8). Неужели не должны почитать ангела-хранителя своим целомудренным житием, раз он не оставляет нас никогда ни в каких случаях? Оставаясь наедине и запираясь, мы — не наедине, а с нами остается он — хранитель. Я уже не говорю о Боге. А иначе как же он будет защищать нас на мытарствах от клеветы бесов? Хотя мы и тяжело и много грешим, они могут насказать на нас еще больше...⁶⁴ Итак, подумай, читатель, о сем и об ином прочем, касающемся твоего ангела-хранителя, который смотрит сейчас, как ты читаешь, серьезно ли принимаешь к сердцу святыя слова церковных преданий и Самого Господа, или сомневаешься в них, почитаешь их за легенды, сказки, миф... Не заставляешь ли ты его удаляться от себя и плакать вдаль о твоей гибели? То же должен сказать и каждый из нас, и я о себе. Поэтому Святая Церковь и влагает в наши уста такие молитвы и песнопения к ангелам⁶⁵:

«Избавитися мне страстей обдержания, о, херувими и серафими, силы, власти, ангели, архангели, начала же, и престолы, и господствия, Христа молитесь прилежно!...»

«Ныне, яко пчелы сот, невидимо окружают мя богомерзции губителие демони...»

«Покрый мя, хранителю мой, якоже покрывает орел птенцы своя...».

ОТДЕЛ 3. «ДУШЕВНЫЙ ЧЕЛОВЕК» В БОРЬБЕ СО СТРАСТЯМИ

Глава 1. Душевный и телесный состав падшего человека

§ 5. Общее состояние тела у падшего человека — Наше отношение к нему по учению Священного Писания, святых отцов и данным современной медицинской науки

Мы уже видели, что вместе с грехом пришла в душу и тело человека смерть. Тело из здорового и прекрасного, каким оно было в раю, стало безобразным и болезненным. Так что и то юношеское, цветущее его состояние, когда оно носит название «здорового», в сущности — нездоровое. И у юноши тело устает, подвержено заболеваниям, а про девушек я уже и не говорю. Если же человек начинает жить по своим страстям и похотям, то вконец измощает себя и живо начинает гнить. Тело страстного человека, будучи сластолюбивым и изнеженным или болезненным и привередливым, конечно, в этом состоянии страшится подвига и не способно к нему. Понятны и страхи нынешних людей, боящихся постов, длинных церковных служб, неудобного спанья при богомольях и проч. Поэтому всякий, призванный благодатию Божией ко спасению, вскоре чувствует нужду так или иначе, но что-нибудь поделать со своим телом, чтобы оно помогало душе в борьбе со страстями, а не было бы для нее само наветником.

Святые отцы давно уже выработали известные правила в отношении к своему телу. Они отвешивали ему все мерою и весом. В меру пили, в меру ели, в меру спали,

в меру занимались физическим трудом. Всё в меру, ничего лишнего. В общем, их жизнь, конечно, была подвижническая, но это потому, что они сами обостряли свой труд и утончали эту меру.

Но если откинуть в их аскетическом делании все крайности, на которые к тому же и среди них не все были способны⁶⁶, то мы ясно увидим, что общий строй их внешней жизни был очень ровен, нормален, вполне соответствует законам, положенным Творцом для бытия тварей, в высшей степени помощен к сохранению здоровья душевного и телесного — и к продлению самой жизни человека до наибольших пределов. Строгое отношение к телу у святых отцов не к самоумерщвлению вело, а к долготе жизни и здоровью человека.

К сожалению, в настоящее время в обществе принято думать совершенно наоборот. Чуть-чуть где-либо раздастся голос пастыря или просто даже благоразумного члена в семье, что нужно-де жить более простой жизнью, сейчас закричат со всех сторон: «Вы в монахи хотите наших дочерей и сыновей записать», «молоды они, им надо повеселиться», «подкормиться», «не всем быть подвижниками», подразумевая под этим, что все монахи наживают от постной пищи только малокровие и чахотку, а от недосыпания — мигрень и проч. Я говорю, понятно, об истинных монахах. Не есть только мяса, не пить вина, не курить и т. п. для нынешних людей есть уже не только подвиг, но, повторяю, и самоумерщвление. Аскетика, в задачу которой входит, кроме всего прочего, указание лучших способов обращения со своим телом, потому что оно есть друг души и без него последняя не может спастись и приобретать добродетели, — аскетика, говорю, считается наукой (если только еще наукой!) необоснованной, странной, сумасбродной⁶⁷. А по делу надо сказать лучше — неизвестной. Даже в Духовных академиях кафедру по ней только перед войной 1914 года открыли, и замещавшие их профессора, конечно, ничего не успели сделать для этой науки, а если выразиться более точно — для спасения душ верующих.

По всему этому аскетический писатель, желая быть принятым и понятным в среде, если уж не неверующих, то интеллигентов, воспитанных на доверии к так называемым научным истинам, — я разумею ту часть из них, которая нелицемерно хочет спастись и идти ко Христу тесным Его путем, но не знает, где Он, — поневоле должен иметь опору для своих мнений во внешних источниках, в светских эмпирических науках, столь любезных культурным людям. Чисто святоотеческие доводы были бы для последних неприемлемы, невероятны, непонятны, недостоверны. Известно, что коза приманивается сеном, свинья — грязной лужей и пчела — душистыми цветами. Каждому — свое. Снисходя к немощи таковых людей, что делали в свое время и святые Василий Великий, Григорий Богослов и другие, и показывая, что лучшие, то есть наиболее беспристрастные и неослепленные, представители науки не были против основных точек зрения аскетики во взглядах на трактуемый предмет, аскетический писатель тем самым получает надежду заинтересовать и привлечь внимание и светских людей. Не погибать же им, и не из монахов только должно ведь состоять Царство Небесное. Когда они увидят, что их наука, которой они так верят, одобряет все то, чему учит и аскетика, то сами уже возьмутся дальше за самостоятельную работу. По крайней мере, те из них, кто хочет искренно презреть мир и кто познал его суету. Вот почему я вообще часто привлекаю светские научные данные в качестве положительного или отрицательного доказательства в своих основах, чего до сих пор богословы-аскеты не делали. А по какой причине, мне нет необходимости здесь говорить. Что мне до того, у меня свой путь...

В дальнейшем изложении достаточно еще будет показано и обоюдное значение науки (то есть будет вскрыта правая и левая ее сторона)⁶⁸ и учение отцов-аскетов об

отношении спасающихся к своему телу в целях его умерщвления. Здесь же я хочу обратить внимание читателя и усвоить себе хорошенько только то, что все излагаемое ниже не есть что-либо подвижническое. Ни о каком подвижничестве здесь речи нет, ибо, во-первых, о подвижнических правилах будет говорено после специально, а во-вторых, врачи, которых рецепты, методы лечения и охрана здоровья имеют быть предложены читателю ниже, преподавали их не подвижникам, а всем людям, и не только здоровым, но и больным и маломощным. И последним чаще, чем первым.

Я нарочно здесь (ниже) не приведу ни одной цитаты из писаний подвижников, но предоставляю слово одним врачам-гигиенистам и представителям школы так называемых «естественных методов лечения», или «природолечения» (Naturheilmethoden). И мы увидим любопытнейшую вещь — ученых, и притом докторов (среди естественников ведь наибольший процент считается неверов и ненавистников «постнических» обетов), в роли апологетов настоящего, прямо-таки святоотеческого образа жизни! Это еще, конечно, не значит, что они и во имя тех же убеждений ратуют, но и то внушительно, и для неверующих (или кричащих: «Мы — не монахи...») устыдительно, что их же вожаки и учителя с «научными» дипломами плетутся вслед за монахами...

Материал же, из которого я намерен почерпнуть краткие данные на поднятый мною вопрос, есть трехтомный труд М. Платена, награжденный на различных выставках 14 золотыми медалями, 6 почетными медалями, 3 почетными крестами и выдержавший 38 изданий и разошедшийся за границей в сотнях тысяч экземпляров! Успех, которым я не знаю, сочинения каких ученых и профессоров могут похвалиться и который о чем-нибудь да говорит...⁶⁹

* * *

Платен начинает свою книгу с выяснения причин болезней, обдергающих весь культурный мир, и находит, что «человечество потому хиреет и болеет, потому подпадает влиянию сотен болезней, что оно почти совершенно отшатнулось от естественного образа жизни⁷⁰ и живет жизнью, вполне противною законам природы». Среди этих причин находятся: боязнь свежего воздуха (ср. наши спальни, которые на ночь плотно, со всех сторон, закрываются, чтобы в них не попала ни одна струя холодного воздуха; многие из врачей даже это поощряют из боязни простудить своих пациентов), неправильное питание, непроницаемая и нерациональная одежда и такое же укутывание в постели, неправильное распределение движения и покоя, бодрствования и сна и еще многое другое. Все это требует подробного рассмотрения, к которому Платен (и мы с ним) и переходит. Начинает он с выяснения вопроса о питании и о том, «каково оно должно быть и каким оно обыкновенно не бывает».

Что мы должны есть?

«Дорогой читатель, — поучает симпатичный (сужу по портрету) доктор, — если ты принадлежишь к среднему классу, если ты ремесленник или рабочий, или вообще вынужден, в силу обстоятельств, ограничивать свой выбор пищи и питья и соблюдать некоторую экономию, то в большинстве случаев ты будешь утверждать, что ты мог бы быть сильнее и здоровее и работать энергичнее, если бы, подобно богатым

людям, мог есть много хорошего мяса и пить много пива и вина. Это воззрение тем глубже укоренилось в тебе, что сам ты, — что весьма возможно, — не получаешь ежедневно к обеду мяса или даже в состоянии его иметь к столу лишь по праздничным дням. Далее, ты, быть может, принужден совершенно обходиться без вина, пиво пьешь довольно редко и в большинстве случаев прибегаешь к водке, чтобы, как ты думаешь, сохранить свои силы, а в зимнее время достаточно согреть свое тело.

В этом отношении ты ужасно заблуждаешься! Выдающееся брюшко более состоятельных людей, их красные, одутловатые и разгоряченные лица, обнаруживающие в них тяжелое состояние прилива крови, все это служит хорошим показателем того, какого рода это кажущееся здоровье. Поистине наружность обманчива, и за этим здоровьем и силой, которым ты завидуешь, глядя на зажиточных людей, скрываются два зловещих призрака — «подагра» и «удар».

Итак, роскошный образ жизни дает первый толчок к развитию вышеуказанных страданий. К сожалению, однако, многие продолжают пить и есть так, точно у них несокрушимый желудок, а в запасе имеется второе здоровье. Не преувеличивая, можно утверждать, что добрая половина людей ведет борьбу со своим желудком. Появление большей части болезней можно отнести на счет расстройства пищеварения. Подагра, ревматизм, болезни мочевого пузыря, печени и почек, ипохондрия, пресыщение жизнью и многие виды нервных страданий обязаны своим возникновением болезненному состоянию органов пищеварения. Худосочие, неправильности кровообращения и малокровие развиваются вследствие нашей неумеренности и страдания желудка...⁷¹

Старинная, но вечно справедливая поговорка гласит: «Когда пища кажется наиболее вкусной, тогда именно надо остановиться есть». Как мало, однако, людей следует этой поговорке, и именно в тот момент, когда входят во вкус, они только и принимают основательно за еду.

Попробуй хотя один раз прервать еду, когда пища тебе будет казаться наиболее вкусной, когда у тебя, так сказать, только что разыграется аппетит к ней. За твое воздержание ты несомненно скоро получишь награду: после еды ты будешь чувствовать себя совершенно иначе, чем прежде. Вместо полноты в желудке и тяжести во всех членах, вместо сонливости и лени, ты будешь чувствовать особую легкость во всем теле, охоту к работе и приятное веселое настроение. Не бойся того, что ты можешь повредить себе тем, что съешь слишком мало. Так легко ты не умрешь от голода и упущенное всегда успеешь наверстать. Но чрезмерной едой ты наверно повредишь себе, так как она явится излишним отягощением для твоего тела, и если это бремя не будет вовремя удалено при посредстве органов выделения (кишки, почки и кожа), то оно непременно вызовет дурной состав соков и отложится в каких-либо органах в виде посторонних веществ. Мы получаем силу, необходимую для поддержания жизни, не от того, что мы съедаем, а от того, что и как переваривает наш желудок. Если мы вводим в наш организм более пищи, чем требуется для его поддержания, то мы требуем от него такого напряжения сил, которое содействует лишь сокращению жизни. К сожалению, однако, есть немало людей, для которых желудок стал богом и которые желают жить только для чревоугодия. Болезни, дряхлость и преждевременная смерть — вот неизбежные последствия их невоздержности. Они не просто умирают, они убивают себя, они своими зубами роют себе могилу...

До сих пор я говорил тебе, дорогой читатель, лишь вскользь о пользе воздержания, но тебе будет небезынтересно узнать, как я докажу, что многие пищевые и в особенности вкусовые и раздражающие средства, как, например, мясо и спиртные напитки, приносят телу более вреда, чем пользы.

Начнем с мяса. Я приложу все старания, чтобы доказать тебе, что в мясе отнюдь нельзя видеть того укрепляющего средства, каким ты его считаешь. «Оно содержит такие составные части, как креатин, креатинин, мясомолочную кислоту и фосфорнокислые соли, которые несомненно вредны, действуют на организм возбуждающим образом и особенно неблагоприятно влияют на нервы» (*д-р Док*). Лучше всего ты можешь заметить это на самом себе, если для пробы некоторое время воздержись от мясной пищи и потом вновь начнешь есть мясо. Ты наверное заметишь тогда общее возбужденное состояние организма, усиленное биение артерий и беспокойный сон. Один известный врач сказал: «Диспепсия (плохое переваривание) находится в зависимости от желудка, которому доставляется обильное количество мясной пищи и пикантных соусов». Дальнейший вред, приносимый мясной пищей, состоит в том, что обыкновенно она вызывает потребность в других раздражающих веществах. И действительно, после хорошего бифштекса едва ли ты сможешь удовольствоваться стаканом воды, и стакан вина или пива покажется тебе особенно заманчивым. Сидя же за вином или пивом, тебе захочется выкурить хорошую сигару или трубку. Так одно раздражение влечет за собой другое. Если же ты вместо всего этого поел бы хорошего и питательного молочного супа с прибавкою хлеба, а потом плодов, то ты не почувствовал бы потребности ни в вине, ни в пиве, ни в табаке, и ты сберег бы и часть денег, и здоровье.

Ученые доказали, что мясная пища приводит в воспалительное состояние стенки желудка. Возбужденное состояние, испытываемое после приема в пищу мяса, бульона или после потребления спиртных напитков, считают ошибочным образом за проявление силы, и, несмотря на то, что возбуждающее действие скоро исчезает и возвращается прежняя слабость, все-таки все продолжают считать эти раздражающие продукты первоклассными укрепляющими и питательными веществами.

О бедное, ослепленное, обманутое, больное человечество! Вечно увлекает его привычка подкреплять себя возбуждающими и раздражающими веществами, между тем, по неизменным законам природы, за всяким возбуждением нервов обязательно должно следовать их расслабление.

Я далек от того, дорогой читатель, чтобы убеждать тебя сразу сделаться вегетарианцем, но ты должен согласиться, что преимущественное питание мясом скорее вредит, чем приносит пользу. Мясная пища горячит. Это ты можешь видеть уже из того, что всякий доктор, найдя у тебя лихорадку, прежде всего запрещает тебе мясную пищу и спиртные напитки, чтобы не усиливать лихорадочного повышения температуры. Но, с другой стороны, ты должен ведь понимать, что те продукты, которые вредны больному, не могут быть полезны и здоровому. Даже в то время, когда тебе кажется, что ты здоров, у тебя, благодаря питанию мясом, скрытое лихорадочное состояние, и если ты не замечаешь этого, то только потому, что обманчивое возбуждение организма принимаешь за выражение действительной силы и здоровья. Однако же, в один прекрасный день у тебя обнаружится либо более, либо менее сильная болезнь, что, впрочем, может случиться и довольно поздно, если твой организм обладает достаточной силой сопротивления. Известно, что люди, едящие много мяса и пьющие много спиртных напитков, легко заболевают болезнями, сопровождаемыми лихорадкой, как-то: тифом, воспалением легких и т. д. Известно также, что такие люди труднее выздоравливают и что их приходится лечить дольше, чем пациентов, живших до болезни проще и воздержнее.

Я мог бы сообщить еще многое о вреде мясной пищи, указав, например, на то, что причина появления кариозных (гнилых) зубов зависит главным образом от порчи соков, вызванной употреблением мяса, что дурной запах изо рта бывает преимущественно

шественно у питающихся мясом и пьющих спиртные напитки (а не у постников, подвижников и святых), что столь распространенное малокровие именно и вызывается излюбленным теперь «укрепляющим» лечением, что, наконец, ряды нервных, истериков, ипохондриков, меланхоликов и душевнобольных пополняются почти исключительно из приверженцев мясной пищи и спиртных напитков, а также табака, чая, кофе и т. д.

Как доказали физиологи, в человеческом желудке переваривается только чисто растительная пища, тогда как при употреблении мяса только продолжается процесс разложения трупа животного. Потому-то гастрономы предпочитают мясо диких животных с *haut gout* (с душком), то есть в таком состоянии, когда процесс разложения продвинулся уже довольно далеко, так как при этих условиях мясо становится легче переваримым и желудку сберегается часть работы⁷².

Поэтому не думай, что ты, будучи слабым и больным, увеличишь свои силы усиленным мясным питанием. Напротив, от такого питания ты станешь чувствовать себя только гораздо хуже, чем прежде. Подумай только о большом числе детей богатых родителей, о бесконечной массе женщин и девушек, страдающих малокровием и бледной немочью, а их ли не откармливают всевозможными укрепляющими кушаньями и напитками (мясо, яйца, бульон, вино, баварское пиво и т. д.). И что же? Исчезают ли от этого их болезни? Не кажутся ли дети богатых людей, несмотря на укрепляющую пищу, зачастую болезненнее и слабее детей небогатых родителей?!

Питание преимущественно растительной пищей делает нас выносливыми и дает возможность работать равномерно и без преждевременного утомления. Весь секрет заключается лишь в целесообразном выборе и смешении пищевых продуктов и во внимательном и правильном их приготовлении.

Бобовые растения — горох, чечевица и бобы — всего более превосходят мясо своей питательностью и не содержат в то же время вредных и возбуждающих составных частей этого последнего. Они содержат очень много альбуминатов (белковых веществ) и в общей сложности имеют на 10 — 15% более питательных веществ, чем имеется таковых в мясе, а с другой стороны, они беднее водой. Хорошо, — скажешь ты, — все это, быть может, и правда, но ведь плоды бобовых растений трудно переваримы и вызывают развитие газов. Разумеется, — отвечу я, — они нелегко переваримы, если их неправильно готовят или если тому служит причиной неправильный, неестественный образ жизни, так как не только бобовые растения, но и вообще растительная пища несовместима с сидячим образом жизни. Растительная пища, как естественная диета, требует много движения и работы на свежем воздухе, но зато она укрепляет тело положительно чудесным образом и в то же время сообщает необыкновенную энергию мозговой и вообще духовной деятельности.

Тем, кому плоды бобовых растений до сих пор казались слишком тяжелыми для желудка, я советую готовить их следующим образом, причем прилагаемый мною рецепт равно пригоден для приготовления бобов, гороха и чечевицы. Плоды бобовых растений обмывают водой и оставляют в воде на целую ночь. Утром их варят в той же воде, то есть не сливают воды, в которой они размачивались, как это часто ошибочно делают; это важно потому именно, что часть питательных веществ переходит в воду при размачивании бобов и проч. Когда бобы и т. п. разварятся и сделаются мягкими, их протирают через решето для удаления шелухи, и тогда они готовы для еды. Для вкуса можно, еще во время варки, прибавить немного соли и масла.

Если плоды бобовых растений, считаемые вообще тяжело перевариваемыми, готовить указанным образом, то даже человек, ведущий сидячий образ жизни, может есть их без вредных последствий для своего здоровья. Для рабочего, который должен до

крайности напрягать свои силы, гораздо полезнее питание чрезвычайно питательными бобовыми растениями, чем излюбленная «водочно-картофельно-кофейная»⁷³ диета».

Непосредственно за бобовыми растениями по содержанию питательных веществ идут хлебные растения: рожь, пшеница, рис, овес, ячмень, маис и т. д. Зерна злаков содержат также все составные части, которые необходимы для питания, а именно: альбуминаты, или белковые вещества, большое количество крахмала, растительную слизь и немного жиров.

Важнейшую роль играют зерна злаков в деле приготовления хлеба. Разумеется, хлеб в том виде, как его пекут и едят, то есть подкисленный и соленый, не соответствует требованиям, которые предъявляет естественный образ жизни к столь важному пищевому продукту. Прежде всего, для приготовления теста не следует брать ни дрожжей или кислой закваски, ни соли. Зерна перемалываются на особых мельницах в грубую муку. Последняя содержит в себе и отруби, важное значение которых для питания и пищеварения, к сожалению, еще мало известно большинству людей. В так называемой клейковине, находящейся в отрубях, содержатся наилучшие и питательнейшие части муки и, главным образом, фосфаты⁷⁴, так что надо считать прямой расточительностью удаление отрубей из муки, как это теперь, к сожалению, сплошь и рядом делают, откармливая отрубями скот.

Питание хлебом Грэгема⁷⁵, или хлебом с отрубями (бывает ржаной и пшеничный отрубной хлеб), имеет следующие преимущества (см. прим.)⁷⁶.

Каких только вкусных, питательных, легкоусвояемых и дешевых блюд мы не изготовим из риса, манной крупы, ячменя, овса и маиса, отчасти с молоком, отчасти и без него! Особенно овес является таким пищевым продуктом, для восхваления питательности которого не хватает выражений. Так, чистую овсяную кашу дают родильницам, потерявшим слишком много крови и нуждающимся в восстановлении сил, а также и в тех случаях, когда требуется усилить отделение молока.

А какую громадную роль играет овес при кормлении грудных младенцев и вообще детей! <...>

Рис содержит более углеводов и менее альбуминатов; ввиду этого он требует прибавки молока или яиц, или же лучше всего варить его вместе с плодами бобовых растений, которые богаче альбуминатами, или белковыми веществами.

Молочные каши, ячменный отвар и т. д. — также прекрасные пищевые продукты для здоровых и лекарства для больных. Далее пшено, манная крупа, гречневая крупа и саго весьма питательны и пользуются всеобщим распространением.

Что касается овощей, то они являются прекрасным освежающим и охлаждающим пищевым продуктом. Они содержат главным образом сахар, крахмал и декстрин (камедь крахмала), но меньше белковых веществ. Ввиду этого они составляют действительно хорошую пищу только в смеси с другими пищевыми продуктами; надлежаще приготовленные овощи можно с успехом рекомендовать хроническим больным. Шпинат даже сильно способствует образованию крови (кровотворению), так как содержит много железа. С другой стороны, лицам, страдающим расстройством пищеварения, не следует есть некоторых сортов капусты.

Картофель состоит главным образом из крахмала и является необходимым дополнением к плодам бобовых растений, хлебным растениям и овощам. Крупный мучнистый картофель, жареный или вареный, является даже весьма тонким кушаньем. Подобно хлебу и овощам, мы можем есть его ежедневно, не опасаясь каких-либо неприятных последствий. Однако картофель, подобно рису, нуждается в приправе; лучше всего есть его с небольшим количеством растопленного масла, с молоком или пахтаньем.

Плоды и ягоды, в сыром и вареном виде (компот), являются прекрасной и здоровой пищей и в вопросе о питании заслуживают гораздо большего внимания, чем то, какое им вообще уделяют. Плоды содержат главным образом сахар и декстрин и лишь немного альбуминов. При употреблении их вместе с другими пищевыми продуктами их главнейшее преимущество состоит в том, что они несколько уменьшают питательность кушаний, богатых белками, например, хлеба с отрубями, бобовых растений и т. п. и, следовательно, препятствуют тому, чтобы в наше тело вводилось слишком много белков; нельзя упускать из виду, что белковые вещества, принятые в чрезмерном количестве, приносят безусловный вред. Дети очень лакомы до освежающих плодов, да и взрослые едят их часто и весьма охотно. Плодам приписывают способность улучшать состав крови, и это действительно имеет место, так как, очевидно, не безразлично, дается ли материал для крови из пива и колбас или же из хлеба с отрубями и плодов. В первом случае мы получаем густую кровь, а во втором — жидкую. Плоды дают несомненно очень чистую и хорошую кровь, так как они содействуют пищеварению и усиливают обмен веществ. Питание плодами устраняет застой крови в органах нижней части живота⁷⁷ и побуждает к усиленной деятельности органы мочеотделения. При болезнях груди и органов брюшной полости виноградное лечение приносит прекрасные результаты. При хронических запорах, воспалительных состояниях органов пищеварения, ревматизме, подагре, болезнях печени, почек и мочевого пузыря плодовая диета заслуживает исключительного внимания. Нет достаточных возражений, чтобы не рекомендовать питание плодами при всех этих болезнях⁷⁸. Вследствие того, что плоды содержат много воды и кислот, они прекрасно освежают во время лихорадочного состояния, при котором и врачи по большей части назначают различное кислое питье.

В нашем климате одни плоды не могут прокормить человека, который для поддержания своего существования должен слишком много работать физически и умственно, но в тропических и вообще жарких странах есть немало людей, питающихся исключительно плодами. Плоды хлебного дерева, финики и винные ягоды могут уже одни вполне хорошо питать человека. Араб, странствующий со своим верблюдом по знойной пустыне, питается исключительно финиками и винными ягодами, запивая их небольшим количеством воды.

Автор этой книги (то есть Платен. — *Е. В.*) жил несколько лет в Парагвае, в Южной Америке, и во время продолжительных и утомительных поездок верхом, длившихся ежедневно по 10 — 12 часов, питался исключительно жареной кукурузой, вареными корнями маниока⁷⁹ и апельсинами. И как раз эта простая и невозбуждающая пища, состоявшая главным образом из плодов, делала его сильным и способным выносить все тяготы пути под палящими лучами тропического солнца. Крайне сомнительно, был ли он в состоянии все это вынести при так называемом укрепляющем питании (мясо, яйца, вино). <...>

Среди пищевых продуктов важное место занимают яйца, молоко, масло, сыр и сахар. Молоко и яйца содержат, например, все питательные вещества, необходимые для молодого организма, для которого, собственно, и предназначены эти пищевые продукты. Молоко хорошо переносится людьми, ведущими воздержный образ жизни, делающими много движений, употребляющими мало мяса и не пренебрегающими питьем воды. Для детей — это наилучшая пища. Многие больные желудком отлично чувствуют себя при употреблении молока, для других оно не особенно пригодно. Страдающие болезнью печени или переполнением желудка слизью совершенно не переносят его.

Рекомендуется не кипятить⁸⁰ молоко, а только подогревать его перед употреблением. Процесс пищеварения, совершающийся в человеческом организме, есть процесс брожения, а потому, если отнять у молока заранее возможность подвергнуться брожению в желудке, то оно становится непереваримым.

Кислое молоко (простокваша) и пахтанье⁸¹ также считаются хорошими пищевыми продуктами. Пахтанье особенно пригодно для больных желудком и не переносящих молока. Пусть больной пьет пахтанье, когда он голоден, и пьет его, когда чувствует жажду (*д-р Виль*).

Сыр также очень питателен, хотя он и трудно переварим. Пословица говорит: «Сыр утром — золото, днем — серебро, вечером — свинец». Я признал бы трудную переваримость уделом более жирных сортов; хотя уже молодой сыр и даже творог считаются трудно переваримыми. Впрочем, эти последние заслуживают этого упрека лишь в незначительной степени и достойны рекомендации более всех других сортов. По мнению проф. Реклама, творог с солью и с маленькою прибавкою толченого тмина, растертый с небольшим количеством молока, должен быть признан по питательности продуктом, стоящим не ниже вареного мяса, а по переваримости даже превосходящим его. Творог является прекрасным добавлением к картофелю или каше.

Проф. Реклам, выдающийся гигиенист, говорит дальше: «Молодой, еще белый и лишь снаружи пожелтевший сыр может вполне заменять мясо и в этом отношении заслуживает особого внимания. Старый, сплошь пожелтевший сыр служит лишь вкусовым средством (раздражающим средством! — *д-р Платен*) и добавлением к пище, яковы способствующим пищеварению для взрослых; для детей он прямо вреден».

Коровье масло, то есть жир, добытый из молока, здорово, если только оно свежее и не посолено. Рекомендуется есть его лишь в умеренном количестве. «Масло, а равно растительные жиры, кокосовое, оливковое, льняное (подсолнечное, конопляное. — *Е. В.*), маковое и другие масла особенно полезны для поддержания здоровья у лиц, занятых тяжелой работой, долго остающихся на открытом воздухе, едящих грубую пищу, и вообще тех, чье тело подвержено охлаждающему влиянию окружающей среды» (*проф. Реклам*).

Сахар есть безусловно необходимый пищевой продукт, добываемый из сока сахарного тростника, а еще чаще из сахарной свекловицы. Он вводится в наш организм и с другими пищевыми средствами, в которых он также находится в известном количестве, таковы: овощи, корнеплоды, плоды, молоко, зерна злаков, мясо и т. д. Сахар является не только сладкой приправой для наших кушаний, но также очень легко переваримым, прекрасным, питательным веществом. Употребление его только ради лакомства, не в качестве добавления к другой пище, приносит вред как зубам, так и желудку. Уже ввиду этого ни в коем случае не следует ежедневно есть сладкие пирожки и печенье.

Мед в такой же мере здоров, как и сахар, если только его употреблять в умеренном количестве: лучше всего есть его, намазывая на хлеб.

Яйца, сырые или вареные, следует считать одним из лучших и полезнейших пищевых продуктов. Крутые яйца считаются обыкновенно тяжело переваримыми, но если хорошо их пережевывать и не глотать большими кусками, то они так же легко перевариваются, как и сваренные всмятку. Этот факт, к сожалению, еще слишком мало известен.

Теперь я перечислил тебе, любезный читатель, употребительнейшие пищевые продукты... для того, чтобы ты мог разумно относиться к господствующей ложной

теории питания и не верил в то, что мясо есть единственное средство, могущее укрепит твоё тело.

Д-р Нихольс в своей книге «Die Diätikur» говорит следующее: «Коршуны и вороны едят падаль, а гастрономы, столь падкие до дичи «с душком», следуют их примеру, но трупы животных нельзя признать самой чистой, естественной, а следовательно, и самой здоровой пищей для человека. Последний чувствует себя лучше всего, когда ест пищу, наиболее соответствующую его природе. В той же мере, в какой уклоняется от такой пищи, он удаляется и от целей здоровья; всякое же отклонение влечет за собой различные расстройства и нарушения в жизни человека. Противоестественная пища трудно переварима и вызывает слабость пищеварения, за которой следуют воспалительные процессы и приливы крови. <...> Грубая и жирная животная пища обуславливает болезненное состояние почек и печени. Кожа также не в состоянии удалять излишних веществ. Лица, злоупотребляющие мясной пищей, заболевают подагрой и получают предрасположение к удару. Нечистая кровь, образованная противоестественной, часто нездоровой пищей, вызывает скорбут, золотуху, заболевание легких, чахотку, кожные сыпи и рак⁸². Одним словом, нет ни одной болезни, разрушающей человеческий организм, которая не могла бы быть вызвана неправильным питанием. Все, что мы вводим в наше тело, вдыхаемый нами дурной воздух, плохая пища, грязная вода, возбуждающие и опьяняющие напитки, все это делает нас больными, заставляя нас раскусод, разжигает наши страсти и укорачивает нашу жизнь. Мы обезображиваем сей лучший из миров; мы наполняем его болью и болезнями, грехами и преступлениями, несчастьем и преждевременной смертностью...».

Что мы должны пить?

Дорогой читатель, если ты спросишь меня, что ты должен пить для утоления жажды, то раз ты только что прочел внимательно предыдущую главу и обратил внимание на мои указания, касающиеся естественной диеты, ты не можешь ожидать иного ответа, кроме следующего: воду, здоровую, чистую воду, так как все спиртные напитки — вино, пиво и водка, равно как и все наркотические напитки — кофе, чай и шоколад — являются лишь возбуждающими, раздражающими и одуряющими средствами.

Всего целесообразнее пить утром, восстав от сна, стакан хорошей ключевой или источниковой воды, повторив залпом то же самое через час или полтора после обеда и на ночь.

Вода, попавшая в желудок, содействует удалению из него находящихся в нем загрязнений, способствует растворению еще не переварившейся пищи, охлаждает слизистую оболочку желудка и усиливает деятельность желез, выделяющих желудочный сок. Затем вода поступает в кровь и удаляет из нее болезнетворные начала через легкие, кожу и почки. Разумеется, только хорошая питьевая вода обладает такими растворяющими качествами⁸³.

Итак, дорогой читатель, когда ты чувствуешь жажду, пей только чистую, прозрачную ключевую воду, раз ты можешь иметь таковую. Это — самый естественный напиток из всех существующих в мире⁸⁴. Конечно, есть много людей, настолько удалившихся от естественного образа жизни, что их желудок не может переносить свежей воды. Такие люди должны начинать пить воду маленькими глотками, постепенно увеличивая количество выпиваемой воды до тех пор, пока они не будут в состоянии выпивать ежедневно по 3 — 4 стакана без всяких неприятных последствий и не отягощая своего желудка.

Когда, сколько и как мы должны есть и пить?

Для людей здоровых, не производящих особенно большой физической работы, а более занятых умственным трудом, вполне достаточно есть три раза в сутки. В первый раз — утром в 7 — 8 часов, причем завтрак этот должен состоять из легких кушаний. Во второй раз следует есть между 12-тью и 1 часом дня. В третий раз надо есть лучше всего в 7 — 8 часов вечера; по количеству и качеству съедаемого ужин должен быть подобен завтраку, состоя из легко перевариваемых кушаний.

При известного рода расстройствах пищеварения иногда бывает слишком много и трех приемов пищи в сутки. В таких случаях полезнее всего бывает есть два раза в день: приблизительно в 11 часов утра и в 5 часов вечера. Д-р Нихольс, в особенности лицам, страдающим расстройством пищеварения, советует есть в 8 часов утра и в 4 пополудни. Такое распределение времени еды, пожалуй, полезно и для здоровых. Обедом, собственно, должна завершаться дневная работа. Ужин оказался бы тогда излишним. Какое необычайно важное гигиеническое и экономическое преимущество! Таким путем человеку был бы обеспечен покойный, хороший сон, желудок в часы сна мог бы вновь набраться сил, всегда имелся бы прекрасный аппетит.

Д-р Нихольс говорит на страницах своего «*Diätkur*»: «Бесчисленное множество несчастных, страдающих расстройством пищеварения (а все хронические болезни — диспептического характера), могли бы выздороветь, если бы они решились есть один или, самое большее, два раза в сутки. На деле же, по совету малосведущих, беспринципных врачей, они едят чуть не через каждые два часа, притом всевозможные смеси — мясной экстракт Либиха, крепкие бульоны, заливное, рыбу, мясо, дичь и т. д., а в промежутках употребляя крепкий «питательный» портвейн, а может быть, и водку, наряду с обычными успокаивающими и укрепляющими средствами. Приходится удивляться, что люди вообще еще не умирают от такой диеты. Человечество еще поразительно живуче». «Аллопатия, — говорит далее д-р Нихольс, — в тысячах случаев прямо убивает пациентов и всегда в большей или меньшей степени замедляет выздоровление»⁸⁵.

Начинать обед жидким супом, да еще в большом количестве, вредно⁸⁶, так как желудочный сок, приготовленный для пищеварения, теряет тогда должную концентрацию. Пей мало во время еды и то лишь тогда, когда почувствуешь жажду! Ты можешь влить в желудок известное количество жидкости только после того, как пищеварение подвинется уже настолько вперед, что содержимое желудка будет представлять густую кашицу. Это даже полезно, так как пищеварение требует некоторого разжижения «пищевой кашицы» (д-р Виль). Питательные вещества имеют значение лишь в растворенном состоянии, а лучшим растворителем является вода. Испытываемая тобою жажда, определит сама, сколько воды ты должен выпить. Если ты во время еды или вскоре после нее будешь пить, не имея жажды, то твой желудок будет неестественно растянут, а желудочный сок разжижится настолько, что не будет в состоянии проявить достаточно пищеварительной силы.

Далеко не безразлично, сколько ты съешь во время приема пищи. Если ты съешь или выпьешь слишком много, то ты повредишь своему желудку и всему организму. Переутомляя свой организм пищеварительной работой, ты уменьшаешь как умственную, так и физическую свою производительность. Итак, никогда не ешь больше, чем необходимо для утоления голода и для поддержания твоего организма до следующего приема пищи. Прекращай еду в тот момент, когда пища начнет тебе казаться особенно вкусной!⁸⁷ Больные желудком должны себе поставить за правило — никогда не есть до полного насыщения. Большие количества пищи отягощают желу-

док и кишки. Поэтому никогда не сожалею о том, что раз-другой тебе пришлось по-есть лишь в очень умеренном количестве. Если ты съешь «слишком мало», то такую ошибку легко поправить, но за «слишком много» тебе придется расплачиваться всякого рода неприятными последствиями. Если же, дорогой читатель, ты уже привык есть слишком много, то начинай медленно и постепенно уменьшать количество принимаемой пищи.

Приемом пищи ты должен утолить голод, но ни в коем случае не уничтожать аппетита!⁸⁸

— Как так? — спросишь ты. — Разве голод и аппетит не одно и то же?

— Нет! Голод и аппетит — два совершенно различных понятия.

Аппетит есть раздражение нёба и возникает благодаря желанию попробовать кушанье или напиток ради вкусового ощущения. Здоровый⁸⁹ человек всегда имеет аппетит, даже и тогда, когда не ощущает голода, но само собою разумеется, пока он не почувствует голода, он, в согласии с законами природы, не должен есть только ради того, что у него есть аппетит.

Голод, наоборот, есть состояние раздражения желудка, возникающее вследствие сокращения стенок последнего. У некоторых людей сокращение это (судорожное движение) представляется слабым, и у них голод обыкновенно бывает не силен; у других же сокращение бывает сильнее, и такие лица испытывают уже сильнейшее чувство голода («сосет под ложечкой»).

Итак, заметь себе, дорогой читатель, надо утолять голод, но не уничтожать аппетита. Аппетит будет всегда налицо, если ты только будешь соблюдать важное правило — переставать есть в тот момент, когда пища будет казаться особенно вкусной. Если ты не будешь поступать так, то и аппетит будет исчезать с окончанием еды, а это будет лучшим доказательством того, что ты съел больше, чем нужно⁹⁰.

Так наука вплотную подходит к воздержанию и постам монахов.

Разжевывай пищу медленно и хорошо⁹¹. Многие расстройства пищеварения зависят от неправильного способа еды: недостаточное разжевывание пищи, малое смачивание ее слюною, слишком поспешное глотание — все это, к сожалению, случается на каждом шагу. «Хорошо разжевано — наполовину сварено», — говорит известная пословица. Недостаточное разжевывание не только возлагает на желудок двойную работу, но еще необычайно затрудняет растворение пищи желудочным соком. Грубые куски сильно раздражают стенки желудка. Многие люди, потерявшие зубы и лишенные возможности жевать остатками зубов, стали хорошо жевать лишь после того, как вставили себе искусственные зубы, и этим путем избавились от желудочных страданий, на которые они раньше жаловались. Слюна обильно выделяется при разжевывании пищи и смешивается с нею, что и является первым шагом к превращению пищи в материал, годный для усвоения организмом. Так, например, крахмал хлеба превращается слюной в сахар и декстрин. Без примеси слюны пища попадает в желудок не подготовленной для переваривания и является излишней тяжестью для желудка. Вследствие этого супы, каши и вообще мягкие кушанья часто бывают трудно переваримы, так как их обыкновенно сразу проглатывают, не перемешивая со слюной. Ввиду этого, употребляя жидкую или кашицеобразную пищу, надо одновременно жевать и хлеб; еще лучше придерживаться таких пищевых средств, которые по своей консистенции требуют разжевывания и смешения со слюной, чтобы попасть в желудок, не вызывая в нем расстройства.

Никогда не пей и не ешь ничего слишком холодного и слишком горячего! Это очень важный диетический закон! Горячие супы, кофе, чай и проч. приносят желудку такой же вред, как и ледяная вода, холодное пиво и т. п., в особенности при гло-

тании большими глотками; при этом безразлично, разгорячено тело или нет. В результате получаются катары желудка; желудочные спазмы и даже обмороки после потребления таких «противоестественных» вкусовых средств представляют явление обыденное. Но и внезапный переход от горячего к холодному равным образом вредит как зубам, так и слизистым оболочкам рта, пищевода и желудка. Поэтому после горячего супа никогда не пей ни единого глотка холодной воды или пива. Избегай также мороженого, которым в жаркие дни так охотно лакомятся для «прохлаждения».

После еды воздерживайся также от всяких напрягающих телесных движений и от всякой умственной работы. Лучше всего лечь немного вздремнуть после обеда. «У здорового человека глаза сами слипаются после обеда, — пишет д-р Виль, — и если ты взглянешь на домашних животных, то ты увидишь то же самое». Однако спать после обеда больше часа не следует, иначе вместо свежести и бодрости ты будешь чувствовать усталость и будешь в дурном настроении. Напротив, страдающим желудком не всегда можно рекомендовать спать после обеда, так как после такого сна, если вообще он наступает, они всегда чувствуют себя по пробуждении расстроенными и в сквернейшем расположении духа. Такие больные должны следовать старинной поговорке, гласящей: «После еды надо стоять или пройти тысячу шагов»⁹². С другой стороны, весьма важно не ложиться спать тотчас после ужина. Надо подождать 2 — 3 часа и только тогда идти спать.

Как мы должны одеваться?

Первое и главнейшее требование гигиены по отношению к одежде состоит в том, что верхняя и нижняя одежда должна быть пористой, то есть легко проницаемой.

Мы дышим при посредстве кожи, как и при посредстве легких, хотя, правда, это кожное дыхание ускользает от нашего субъективного ощущения. Достаточно известно, что через кожу выделяются ядовитые продукты разложения (стоит лишь вспомнить о зловонных потовых отделениях некоторых людей, о сильном и тяжелом запахе под мышками, о зловонной потливости ног и т. п.); с другой стороны, вполне доказано на опыте, что продукты выделения человеческого тела вообще действуют, как яд, если они будут задержаны в организме и начнут в нем скопляться и отлагаться. Таким образом, задержание деятельности кожи весьма опасно для человека и может повести к самым тяжелым последствиям.

Итак, одежда должна быть легко проницаемой, чтобы не затруднять кожного дыхания, чтобы не преграждать доступа воздуха к поверхности кожи и давать свободный выход выделяющимся и собирающимся выделиться через кожу уже использованным веществам.

Одежда должна быть не слишком узка, но и не слишком широка. Узкое платье стесняет движение, вызывает неправильности кровообращения и иные болезненные явления, задерживает обмен веществ и испарение с поверхности кожи.

Для мужской верхней одежды можно особенно рекомендовать чисто шерстяное трико. Сюртук и жилет (последний — в том случае, если не желают носить застегнутого до верха сюртука по модели Иегера) должны быть сделаны на легко проницаемой подкладке (шерсть)⁹³. Столь излюбленные непромокаемые резиновые пальто и плащи совершенно непроницаемы, а потому весьма вредны для здоровья...

Обстоятельством, заслуживающим осуждения в женском костюме, является обыкновение навьючивать чрезмерное количество слоев одежды на нижнюю часть туловища. Вследствие этого живот пребывает в излишнем тепле, и представляется

серьезное препятствие к распределению крови и правильному испарению в этой области тела (Иегер).

Верхнюю одежду женщин также необходимо делать из проницаемого материала. При шерстяном верхнем платье можно с удобством уменьшить число нижних юбок. Не следует, однако, думать, что шерстяное платье пригодно только для зимы. Шерсть, в особенности неокрашенная (натурального цвета) или светлая, обладает всеми качествами плохого проводника тепла: летом она задерживает солнечную теплоту, а зимой препятствует быстрой теплоотдаче тела.

Весьма важно поговорить еще о головном уборе и об обуви.

То обстоятельство, что женщины лысеют гораздо реже, несомненно зависит от их более гигиеничного головного убора; он не только легче, воздушнее, проницаемее мужского, но, кроме того, покоится только на прическе, так что между кожей головы и шляпой всегда происходит беспрепятственное передвижение воздуха. Конечно, лучше всего было бы вовсе не покрывать головы, но против этого восстают люди, обычай, а во многих случаях и погода. Поэтому, прежде всего, надо рекомендовать мужчинам носить легко проницаемые шляпы. Их следует делать без подкладки и снабжать несколькими дырочками по бокам и сверху. Кожаной подшивки у основания шляпы безусловно не следует делать: она препятствует правильному испарению⁹⁴. Нельзя также рекомендовать войлочных, суконных и меховых шапок даже в сильные морозы. Они слишком греют голову и нередко вызывают на ней испарину. При таких условиях легко простудить голову при снятии шляпы, так как внезапно может произойти охлаждение кожи. Те же недостатки мы наблюдаем в цилиндре и других жестких и тяжелых шляпах. Следует, насколько возможно, больше ходить с открытой головой или постепенно приучаться к этому. Воздух и свет окажут лишь благотворное влияние на кожу головы и на рост волос.

Говоря об одежде для ног, следует иметь в виду как сапоги, так и чулки. И те, и другие для удовлетворения требованиям гигиены должны быть легко проницаемыми. Это необходимо, во-первых, чтобы избежать «холодных ног», что происходит от оттока крови из них, а во-вторых, потому, что ноги вообще играют чрезвычайно важную роль в деле распределения крови по всему организму.

Как мы должны спать?

Гигиена требует от постели того же, чего и от одежды: постель должна быть проницаемой.

Как известно, перья сильно греют, и потому в такой постели перегревается все тело. Человек самой природой предназначен для жизни в чистом воздухе, богатом кислородом, теперь же, благодаря нерациональной одежде и постели, он является существом, наиболее удаленным от своего жизненного элемента, и днем и ночью тело его пребывает в миазматической атмосфере собственных испарений.

Родители и воспитатели должны помнить, что столь часто наблюдаемые «тайные пороки» у детей обоего пола в значительной степени зависят от сна на перинах или под перинами, от разгорячающего действия пуховиков, которые во время сна создают своего рода тропический климат и по физиологическим законам⁹⁵ вызывают конгестии, то есть приливы крови к половым частям, а вместе с тем и преждевременное появление половой зрелости.

Половые излишества лиц, состоящих в браке, равным образом и в большинстве случаев зависят от горячащего влияния пуховиков. «Подушки, набитые перьями, бе-

зусловно следует изгнать из употребления, — говорит Фалькенгорет в своей книге «Gesunde und practische Wohnung». Не парадоксально ли (противно разуму), что человек в течение дня не задумывается подвергать свою голову, которая всегда должна быть прохладной, действию воздуха, солнца и непогоды, а ночью зарывает ее в пуховые подушки, оказывающие на нее горячее действие». С другой стороны, спящему приносит еще большой вред то, что обильно выделяемая им углекислота не в состоянии улетучиваться вполне из глубоко вдавленной подушки, а уже 1% углекислоты делает воздух негодным для дыхания. Проф. д-р Леман в Юрибурге, производивший исследования у постели спящего, находит в углублениях пуховых подушек до 7% углекислоты!

Итак, последний из упомянутых фактов нам прекрасно объясняет, как возникают легочные болезни, малокровие, анемия, нервная слабость и прочие страдания. Человек не умирает теперь естественной смертью — он отравляет себя! «Зарывание головы в пуховые подушки, покрытие их кисеею, устройство пологов — все это средства для самоотравления и источники разнообразнейших болезней и недугов, и, к сожалению, на них вовсе не обращают внимания, а если и обращают, то слишком поздно» (д-р Гартман-Гиггер).

Как же должна быть устроена нормальная постель, отвечающая всем требованиям гигиены?

Если ты для блага здоровья хочешь преобразовать постель, расстанься со своими перинами и пуховиками. Если твое материальное положение вынуждает тебя быть очень расчетливым в расходах, то возьми для подстилки мешок с соломой. Поверх этого ты можешь постлать дешевую шерстяную покрывку (попонку), на которой тебе будет удобно и тепло лежать. Для изголовья берется подушка, набитая конским волосом и обтянутая шерстяной наволочкой, подушка, набитая овечьей шерстью («система Иегера»), или подушка из конского волоса, обтянутая трико («система Штейнер»). Для покрывания следует брать одеяла из овечьей или верблюжьей шерсти или стеганные одеяла; для покрывания ног берут шерстяные одеяла. Для наволочек и простынь следует брать шерстяное или бумажное трико. Кровать лучше всего выбирать железную.

Вот еще некоторые правила, касающиеся самого сна.

Ложиться следует в подходящее время. Для взрослых это время будет 10 — 11 часов вечера. Два часа до полуночи укрепляют и освежают лучше, чем 8 часов после полуночи или в течение дня.

Не следует класть голову на высокие подушки, так как от этого нарушается правильность кровообращения. Продольная сторона кровати не должна прилегать к стене. Кровать надо ставить ногами к стене, а головой — к середине комнаты. Необходимо заботиться о том, чтобы в спальне был чистый, хороший воздух. Днем надо оставлять открытыми все окна, ночью также можно допускать в спальню чистый воздух, открывая для этого одно или несколько окон в самой спальне или в соседней комнате; в последнем случае дверь из соседней комнаты должна оставаться открытой. Итак, днем и ночью свежий воздух для нашего тела! Он самой природой предназначен для этого; а потому окна настежь! Летом в течение целого дня, а зимой — насколько только возможно!..

Проф. д-р Реклам (Gesundheitsschlüssel, с. 50) говорит следующее о проветривании жилых помещений: «Если одна половинка окна (форточка! — Е. В.) была открыта утром в течение часа, то многие воображают, что комната была проветрена. Это все равно, как если бы мы вздумали налить чайную ложку чистой воды в стакан грязной болотной воды; от такой прибавки вода в стакане не будет ни чище, ни здоровее, и всякий понимает это, потому что видит мутную воду. С воздухом же дело

обстоит иначе, так как обыкновенно видеть его нельзя, а носы взрослых и детей слишком мало привыкли отличать хороший воздух от дурного, и большинство, не задумываясь, принимает последний за неизбежное зло. Кто хочет поддержать у себя обмен веществ в полной силе, то есть сохранить здоровье и способность к работе, тот должен заботиться о чистоте воздуха в своем жилище, должен возможно чаще отправляться за город, лучше всего — в лес⁹⁶ и, наконец, так проветривать свою квартиру, чтобы по возвращении с прогулки ни в передней, ни в комнатах нос не чувствовал воздуха».

Для спальни следует выбрать лучшую комнату в квартире, просторную, высокую, сухую и легко проветриваемую. В ней не должно ставить лишней мебели, и особенно не следует ее делать складом для грязного белья и т. п. Не надо также оставлять в спальнях ночных горшков, сильно пахнущих цветов и остатков еды. К сожалению, надо констатировать печальный факт, что ни в какой другой комнате наших квартир (за исключением отхожих мест) не бывает такого плохого воздуха, как в спальне, и что она является очагом для развития всякой гнили и продуктов разложения. В частных квартирах обыкновенно для спален, для работы и проч. отводят самые плохие комнаты, а лучшие комнаты предназначают для приема, устраивая в них целый мебельный магазин ради нескольких посетителей, которые иногда появляются всего 2 — 3 раза в год. Таким образом, живя и спя в нездоровых, маленьких, тесных и душных «чуланах», предпочитают жертвовать своим здоровьем для показной жизни и стремления выказать себя перед другими в блестящем виде при помощи прекрасной мебелировки «парадных комнат» или «салона». Итак, дорогой читатель, вынеси поскорее мебель из «парадных комнат» и устрой там спальни для себя самого и твоей семьи.

Здоровый человек не должен спать слишком долго. Долгий сон вреден для здоровья. Здоровому человеку довольно 6 — 8 часов сна. Раннее вставание есть средство для сохранения здоровья и prolongation жизни, поэтому вставай, как только проснешься утром, и не переворачивайся на другой бок, чтобы вновь уснуть. «Утренний час — золотой!». «Кто рано встает, тому Бог подает», — гласит народная мудрость⁹⁷.

* * *

О многом еще говорит Платен, о чем не бесполезно бы было упомянуть здесь. Но довольно и сего. Важно показать, что тот путь внешнего поведения христианина, который будет раскрываться мною постепенно на дальнейших страницах моего «Опыта», не совсем уже непонятен и неприемлем для людей науки и вообще интеллигентного человека в хорошем смысле этого слова. Лучшие из этих людей не считают для себя унижением приближаться к святоотеческим взглядам и даже хвастаться как своими учителями духовными лицами. Такого рода врачи хотят уверить погибающих кругом людей в следующем.

Чтобы не хворать, надо жить согласно с природой, то есть воздержанно. А если ты заболел, то лечись не лекарствами, то есть ядами (чего и сама официальная медицина не скрывает), а естественными средствами, иными словами, помогай самой природе бороться за тебя с болезнью. Никакой медицины, в том смысле, в каком она восхваляется у культурных людей, не должно быть. Она не пользу приносит, а только вред, а в тех случаях, когда человек выздоравливает, происходит настоящее чудо: человеческий организм борется и побеждает не только саму болезнь, но и разрушительные действия прописываемых ему лекарств!.. Из длинных доводов на этот

счет вышеупомянутого Платена выпишу только следующую цитату (вывод): «...Таким образом, очевидно, что лекарства (за исключением целебных растений — трав, корешков, побегов, листьев, цветов, плодов и проч., действие которых на человеческий организм хорошо изучено и испытано) не могут излечивать никакой болезни. Случаи наступления полного выздоровления после употребления лекарства доказывают только, что целительная сила природы была настолько велика, что могла одолеть одновременно и болезнь, и вредное влияние лекарства. Можно с уверенностью сказать, что такой больной выздоровел не благодаря лекарству, но вопреки ему, исключительно обязанный этим своей жизненной силе. К сожалению, подобная благоприятная случайность наблюдается не часто. Обыкновенно же болезнь с ее явлениями подавляется лекарствами, и организм подвергается затяжной хилости, которую многие принимают за «здоровье»⁹⁸. Болезни, вызванные лекарствами, — различные хронические отравления (морфинизм, кокаинизм, отравление хинином, салициловыми, йодистыми, карболовыми, ртутными и другими препаратами) — составляют ныне заурядное явление. Больной, у которого подавленная лекарствами болезнь сравнительно скоро проявляется вновь в той же или иной форме, может почитать себя еще счастливым...»⁹⁹

Медицина во все времена столько имела (и будет постоянно иметь)¹⁰⁰ недостатков, что против нее ополчаются и самые ярые из ценителей вообще культуры и даже сами врачи¹⁰¹.

Реклю¹⁰², известный ученый, анархист по убеждениям, ненавистник христианства и воспеватель цивилизации, то есть человек, который бы прежде всего должен был радоваться успехам всякой науки, так говорит против нынешней, как он выражается, «спекулирующей новыми методами лечения и патентованными средствами, придумывающей и деятельно популяризирующей новые болезни» медицины: «Что бы ни говорили, но и маги и кудесники, наследники древних волхвов и шаманов (какая же сила у этих?! — *Е. В.*), — не все шарлатаны; традиционные средства, сохраняющиеся в некоторых семьях против той или иной болезни, не всегда являются вредными микстурами, хотя они и не подписаны первоклассным аптекарем; травы, пластыри добрых старушек или дикарей могут иногда дать исцеление там, где оказываются бессильными новейшие средства медицины. Терутак, «лекарь» с острова Алемама (архипелаг Жильберта), лечил Р. Л. Стивенсона от насморка. Какой дипломированный ученый мог бы поступить более просто и в то же время более радикально?»¹⁰³ Ритуальная ограда, несколько магических пассов, глубокий сон и — больной просыпается вполне здоровым...».

«Дипломы — это гарантия», — говорят нам, но не являются ли они скорее мистификацией, давая призрак знания невеждам, умеющим только изложить фразы из учебника. Сами экзаменаторы считают испытания пустой формальностью, лишённой смысла.

Разоблачить эту «мистификацию» брались и другие авторы. Во Франции много шуму наделал в свое время Доде своим романом «Morticoles», у нас — врач Викентий Смидович, ассистент заразной больницы имени Боткина¹⁰⁴ (литературный псевдоним — В. Вересаев). Его книга «Записки врача», была какая-то литературная бомба, выпущенная впервые из «Мира Божия» в 1901 году. Когда она разорвалась, то осколки ее рассыпались по всем концам России и отовсюду послышались крики раненых. Действительно, вопросы, затронутые здесь, самые жгучие. Автор от первого лица шаг за шагом, день за днем, обнажает свои душевные тайны, думы, чувства, настроения, со времени своего студенчества и кончая зрелыми годами. Но кроме этого психологического материала, его исповедь давит и кошмарными фактами. Ве-

ресаев «разоблачает»¹⁰⁵ гнусное отношение студентов и профессоров (в университетских клиниках) к женщине, которой приходится терять всякую стыдливость, раздеваться перед целой аудиторией, выносить грубое прикосновение десятков лиц, и все это только в силу того, что она сделалась жертвою болезни, не имеет средств заплатить достойному частному врачу и т. д. Описывает «поругание»¹⁰⁶ трупов в анатомическом театре, что приводит в бешенство даже «мещанина-сапожника» (заставшего врачей за этим занятием над его собственным ребенком) и заставляет его кричать на них: «Что вы тут делаете, разбойники?!... Ребят здесь свежуете, а?!»¹⁰⁷ Рассказывает, как он сам делал неудачные операции, после одной из которых у него «иногда в сознании вдруг ярко вставала мысль: «Да ведь я убил человека!» И тут нельзя было ничем обмануть себя; дело не было бы яснее, если бы я прямо перерезал мальчику горло... он лежал, ... а я, его убийца, смотрел на него... Осиротевшая мать рыдала в углу»¹⁰⁸ Возмущается тем, что так как «венерические болезни составляют специальный удел людей, и ни одна из них не прививается животным, то многие вопросы, которые в других отраслях медицины решаются животными прививками, в венерологии могут быть решены только прививкой людям. И венерологи не остановились перед этим»¹⁰⁹, забыв «о различии между людьми и морскими свинками...»¹¹⁰. Много еще кое-чего можно рассказать¹¹¹. В конце концов, все это заставляет его разочароваться в своей душегубительной деятельности ординарного врача и прийти к следующим мрачным выводам и заключениям: «Какой смысл может иметь врачебная деятельность? Для чего эта игра в жмурки, для чего обман общества, думающего, что у нас есть какая-то медицинская наука?... Сказал когда-то средневековый арабский писатель Аверроес: «Честному человеку может доставлять наслаждение теория врачебного искусства, но его совесть никогда не позволит ему переходить к врачебной практике». «И для чего продолжать служить этой бессмыслице?»¹¹² «Наши успехи идут через горы трупов», — с грустью замечает Вильрот¹¹³. «Врач, целитель, убивающий больного! Ведь это такие противоречия, которые допустить прямо невысказано. А между тем никто этого противоречия как будто и не замечает! Я испытывал такое ощущение, как будто попал в школу к авгурам. Мы — те же будущие авгуры... стесняться нечего»... «Разговаривая о медицине с немедиками, я многозначительно улыбался и говорил, что, сознаваясь откровенно, вся наша медицина одно лишь шарлатанство»¹¹⁴. <...>

Здесь хорошо сказано про «духовную природу» человека и «духовно-динамическую силу» причин, вызывающих болезнь, но не договорено и не выяснено, что под этим разумеется. А сказать многое бы можно. Если бы я был на месте д-ра Ганнемана, то договорил бы так свою речь.

О «духовной природе» пока не стану говорить, скажу дальше. А «духовно-динамические силы»¹¹⁵ — это ангелы или бесы. Дело в том, что никакие болезни и никакие бактерии не могут повредить человеку, если не будет на то воли Божией¹¹⁶ или попущения. На это мы в Библии находим замечательные примеры: 2 Пар. 21, 12 — 14; Иов. 2, 6 — 7 и др. Эти добрые и злые духи являются, по повелению или по попущению Божию, главными возбудителями болезней¹¹⁷. А когда в Промысле Божиим не положено нам страдать, то те же бактерии не причиняют нам вреда. Сколько мы их глотаем ежедневно вместе с воздухом, с пищей, через прикосновение, но заражаются только те, кому положено. Старца схииеримандрита Гавриила Спасо-Елеазаровского врачи нарочно заражали из ненависти потихоньку дурной болезнью, да ничего не вышло. Многое бы, повторяю, можно сказать на эту тему, но не позволяет место и время мне.

Прибавлю только несколько слов о признаках, по которым можно отличить, какая болезнь от Бога, какая от диавола. Если в болезни страсти не беспокоят челове-

ка, то такая болезнь от Бога, ибо она уничтожает телесную брань, и телу в этом случае можно оказать послабление, не боясь блуда или чревоугодия. А если, несмотря на то, что тело мечется от боли и жара, действует одновременно и страсть в нас¹¹⁸, то дело ясно — болезнь от бесов, и в этом случае поблажки телу не должно быть, потому что снисхождение еще более увеличит брань. На болезнь здесь нечего смотреть, иначе, помогая телу, повредим душе. Если же, наконец, причина изнеможения телесного очевидна, например, от причинения себе ран, тяжелого труда, переутомления и проч., можно успокоить тело, но осторожно, помня, что бесы рядом наблюдают за нами и примешивают свое¹¹⁹.

На этом можно бы и кончить. Но вопрос о значении медицины и дозвоительности медицины и некоторых отдельных ее дисциплин настолько важен и столько возбуждает запросов у современного человека, что я разовью его дальше самостоятельно, под углом зрения Священного Писания и святых отцов, положения коих для нас, христиан, собственно, только и авторитетны.

Сперва разберемся в том, имеет ли право на существование медицина, не грешно ли лечиться, освящена ли Священным Преданием сама профессия врача. И выясним этот вопрос с общей, принципиальной точки зрения, не касаясь пока самых методов лечения, которые в настоящее время, конечно, разнятся от подобных же во времена библейские и которые несколько не влияют на существо дела, то есть подлежащего выяснению вопроса¹²⁰.

Все эти вопросы вытекают из одного главного: откуда взялась сама медицина или, ближе к делу, болезнь? Ведь если бы не было последней, не было бы и никакой медицины, а с нею вместе и всех вышепоименованных искушений.

Об этом было уже сказано, что болезнь есть наследие греха. Здесь остается только развить и подчеркнуть сказанное под углом требования нашей нынешней темы.

Нам все кажется, что Адам когда-то согрешил, когда-то и понес наказание и Ева когда-то хворала, а мы-то причем? Я не хочу этим сказать, что мы не верим в тайну первородного греха, нет, верим, но этот догмат создается нами только чисто теоретически, не затрагивает всего нашего существа и чувства, хотя они каждую минуту и находятся под гнетом этого следствия грехопадения.

А дело просто. Грех, живущий в нас и который мы не хотим выкинуть вон, но всячески питаем его и услаждаемся им, несмотря на это, мстит за себя. И болезнь есть один из видов наказаний за грехи. Никаких болезней с нами не приключилось бы, если бы мы не грешили. А если бы почему-либо и случилось с нами нечто подобное, то врачей бы звать не нужно было. Сам Бог бы нас исцелял непосредственно. Порукой в том Он Сам.

«И сказал Господь: Если ты будешь слушаться гласа Господа, Бога твоего, и делать угодное пред очами Его, и внимать заповедям Его,... то не наведу на тебя ни одной из болезней, ... ибо Я Господь Бог твой, целитель (ἰσχυροζ σέ, sanatos) твой» (Исх.15, 26).

В Новом Завете Господь снова подтвердил это и указал ясно на зависимость между грехами и болезнями. Не греши — и не заболеешь (Мф. 9, 2; Ин. 5, 14). Некоторые свидетельства из святых отцов на этот счет будут приведены впоследствии. Есть, понятно, и исключения из этого правила, но они не отменяют его¹²¹.

Итак, болезни — от грехов. Но грехи бывают разные — плотские и духовные. А духовные, в свою очередь, также имеют много подразделений: непослушание, нерадение, нечистые помыслы и проч. Если человек сильно пьет и после наживает цирроз печени, то грех, за который мы несем наказание от Бога в виде болезни, ясен. Также и объедающимся любой доктор, не ошибаясь, предскажет

хронические болезни желудка. Но грехи иных видов, вызвавшие болезнь, не могут быть так легко различимы. Разобраться здесь в каждом отдельном случае может лишь человек духовный, точнее сказать, духоносный. Одна и та же болезнь может случиться у одного человека за непочтение к родителям, у другого — за воровство; и даже у одного и того же один раз — за один грех, а другой — за иной¹²².

Пример. Однажды к авве Аммону, знаменитому Египетскому подвижнику, принесли скованного цепями отрока, находившегося в бешенстве, которое открылось в нем от укушения бешеной собакой. От несносной боли отрок всего себя искусал до крови. Св. Аммон, видя родителей его, пришедших просить о сыне, смиренно сказал им: «Что вы меня утруждаете, требуя того, что превышает мои силы? У вас в руках готова помощь. Вознаградите вдовицу, у которой вы тайно закололи вола, и отрок ваш будет здоров». Пораженные уликою, они с радостью исполнили, что было повелено. И, по молитве Аммона, отрок стал здоров¹²³.

Здесь мы видим, прежде всего, ближайшую причину болезни — укус мальчика бешеной собакой. Если бы родители в наше время обратились в этом случае ко врачу, то он нашел бы у мальчика *rabies canina*, *lyssa*, «водобоязнь», смотря по тому, какое название больше ему понравилось бы, разъяснил бы (и то неуверенно), что возбудителем болезни являются особые тельца (*peggi*) в центральной нервной системе (в Аннониевом рогу), и только. Отсюда понятны и меры лечения: прижигание щелочами или дымящейся азотной кислотой, прививки (Пастеровские). А в общем, — я уже за него скажу, — наука не знает действительных и спасительных средств от этой болезни.

Но на самом деле есть еще здесь другая, более сторонняя, но более прямая причина — что даже как будто противоречит мирской логике — это грех родителей. О ней знали на основании Священного Писания (Исх. 20, 5; Втор. 5, 9) и тотчас же спросили при взгляде на слепорожденного апостола (Ин. 9, 2). Но Христос, как совершенный Бог и крайний по святости и совершенству Человек, открыл им, что, кроме личных грехов и грехов родителей, есть и другие причины болезней.

Эта духовная причина требует и духовного врачевания. Но дело здесь сложнее предыдущего. Тут мало того, чтобы исправить согрешение, но надобны еще и молитвы праведников за нас, чтобы Бог принял покаяние. Так и во всех случаях.

На эту тему, как и по другим духовным вопросам, всегда без конца можно говорить, ибо «широка заповедь Твоя зело», восклицает св. пророк Давид (Пс. 118, 16). Но мое дело натолкнуть только ищущих спасения на тропинки, а дальше пусть сами идут. В руководители не берусь себя предлагать, да и время, и место не позволяют это сделать. Посему кончаю на этом.

Итак, раз это так, то есть болезни посылаются человеку за грехи, то отсюда следует, что если ты захворал, то есть страсти, добровольно нажитые тобой, произвели беспорядок в теле и нарушили даже видимо правильные взаимоотношения между его частями, то надо перетерпеть это болезненное состояние и потерпеть этому телесному разрушению. Тело долго бесчинствовало, что хотело, то ему и давали. Теперь пусть оно научится посредством физического страдания вести себя прилично, то есть пусть благодаря истощению телесному страсти в нас умалются, улягутся немножко. Не забудем, что за всем этим следит Бог, что не без Его воли и сама-то болезнь с нами случилась. Если так будем рассуждать, то скорее будем считать последнюю за милосердие Божие¹²⁴, чем за наказание (Иак. 1, 2, 12; Евр. 12, 6 — 12).

Великие подвижники и святые поэтому никогда не лечились и желали скорее, чтобы болезнь продолжилась, чем окончилась. Тому много примеров.

1. Преп. Пимен Многоболезненный (Печерский) сам просил себе у Бога пожизненной болезни и, получив просимое, 20 лет лежал на одре, не вставая. Поучительно наставление его одному брату, которое я передаю вкратце: «Терпение убогих не погибнет напрасно; но тем, которым здесь скорбь и печаль — малый недуг, там — им будет радость и веселие... И потому-то, брат, я терплю все. Бог, исцеливший тебя через меня от болезни, может и меня восстановить от сего одра, но я не хочу: претерпевый бо до конца (сказал Господь), той спасен будет (Мф. 10, 22). Лучше мне в этой жизни всему сгнить, лишь бы в той плоть моя была нетленной, лучше терпеть здесь смрад, только бы там исполняться неизреченного благоухания...»¹²⁵

2. Когда преп. Варсонофия Великого братия попросила помолиться о здравии его любимого ученика, а их игумена, то он ответил: «О здоровье сына моего могли бы помолиться Богу некоторые из находящихся здесь святых (о чем я и известил его), чтобы он не был болен ни одного дня, — и это исполнилось бы. Но тогда он не получил бы плодов терпения. Разве он не знает, что претерпел я — болезни, горячки, скорби, пока пришел в это благонадежное пристанище? Болезнь эта весьма полезна ему для терпения и благодарения»¹²⁶.

3. Великая в подвижниках — преп. Синклитикия Египетская, поучения которой почитались древними наравне с писаниями святых отцов, говорит: «В том состоит истинный подвиг, чтобы терпеть в болезнях и воссылать благодарственные песни к Всеблагому Богу»¹²⁷. Лишаемся ли мы очей? — Перенесем это без отягощения, потому что через это мы лишаемся органов ненасытности и просвещаемся внутренними очами. Оглохли ли мы? — Будем благодарить Бога, что мы совершенно потеряли суетный слух. Руками ли ослабели? — Но мы имеем внутри себя руки, уготованные на борьбу со врагом. Нemoшь одержит все тело? Но от сего, напротив, возрастает здравие по внутреннему человеку»¹²⁸.

4. Кратко сказать, святые старцы почитали болезни необходимым условием спасения. Один из древних выразил это общепринятое тогда положение в следующих словах: «Как воск несогретый и неумягченный не может принять наложенной на него печати, так и человек, если не будет искушен трудами и болезнями, не может принять силы Христовой» (2 Кор. 12, 9)¹²⁹.

Итак, достижения совершенства представляли все дело Богу и, как бы им ни было трудно, просили у Него терпения, но не исцеления. Это и понятно. Ибо кто такой совершенный? — Это человек, до смерти научившийся отсекал свою волю. Только совершенные могут без лжи молиться: «Да будет воля Твоя!» И иначе они не молятся. Как же после этого он будет настаивать на своем хотении? Будет просить об исцелении, когда самый факт болезни говорит за то, что такова воля Божия, чтобы он хворал (особенно, когда бесстрастный и грехов не имеет таких, чтобы быть наказанным сильно).

Но есть еще случай, когда человек, и не достигший совершенства, отказывается в страданиях от врачевания: это — при сильной вере¹³⁰.

Кто действует согласно вышеуказанному, тот блажен. Господь — Целитель его, и похвала ему от Бога. Великие венцы непорочного мученичества он приобретает¹³¹.

Но... не во всех вера, — скорбел еще апостол Павел (2 Сол. 3, 2). Как же тогда быть? Перейдем теперь к рассмотрению тех положений и состояний, в которых пребывает большинство людей, людей маловерных, мнительных, немощных, боязливых, нетерпеливых, неблагодарных. Господь и о них заботится, снисходит и к их немощам. Лишь бы они были смиренны и надеялись опять-таки на Него, а не на врачей.

Так еще в Ветхом Завете¹³², через закон Моисеев, Господь допустил медицинскую практику, которую и отдал в руки жрецов (Лев. 13, 3 — 59). Конечно, познания врачев-

ные у последних были еще несовершенны, но известной уже опытности нельзя у них отрицать. В эпоху же царей медицина уже широко распространилась (4 Цар. 8, 29; 9, 15; Ис. 1, 6, Иез. 30, 21). Случаи излечения стали настолько многочисленны, что к ней стали уже пристрашаться и впадать в ныншнюю ошибку, то есть приписывать это излечение не Богу, а самой врачебной науке. В этом отношении характерно замечание Библии об иудейском царе Асе, заболевшем подагрой: «И сделался Аса болен ногами на 39-м году царствования своего, и болезнь его поднялась до верхних частей тела. Но он в болезни своей взыскал не Господа, а врачей». Не замедлило и наказание. «И почил Аса с отцами своими» (3 Цар. 15, 24) и умер на 41-м году царствования своего.

В Новом Завете¹³³ употребление медицинских средств не вызвало также запрещения со стороны Христа (Мф. 9, 12; Лк. 10, 34; Откр. 3, 18). Один из Его учеников (от 70-ти), св. Лука, сам был врачом (Кол. 4, 14)¹³⁴.

Среди занятий первых христиан мы встречаем и профессию врача. Святые мученики Косма и Дамиан (†284) были врачи-бессребреники, св. великомученик Пантелеимон (†303) также изучал медицинскую науку (был студентом, — сказали бы теперь)¹³⁵. Церковный историк Евсевий описывает страдания св. мученика Александра в Галлии, который был «по происхождению фригиец, по науке врач»¹³⁶.

Освещению вопроса о профессии врача у первых христиан может служить и каткомбная эпитафия. Любопытна в этом отношении одна из надгробных надписей: *εὐθαδε κείται ἀλεξάν — Δρὸς ἰατροῦ χριστιανὸς καὶ πνευματικὸς* («Здесь лежит Александр, врач, христианин, вместе и духовный»)¹³⁷.

Эта новая черта, когда врач духовный и телесный совмещается в одном лице, — у первых христиан не редкость. Священники и даже епископы занимались врачеванием телесных недугов своих пасомых¹³⁸. И как это хорошо — не к язычникам же и иноверным им идти?...¹³⁹ Но понятно, что духовные лица не брали себе в специальность те роды медицинской науки, которые были несовместимы с их саном¹⁴⁰.

На этом я историю медицины, поскольку она не противоречит заповедям Божиим, и кончу.

Но есть разные врачи. Их нельзя смешивать. Те имена врачей, о которых я сейчас упоминал, святые. Их специальность не помешала им быть совершенными христианами. Однажды авве Антонию Великому даже было открыто Богом в пустыне: «Есть в городе (то есть Александрии. — Е. В.) некто подобный тебе (!), искусством врач, который избытки свои отдает нуждающимся и с ежедневным поет с ангелами Трисвятое»¹⁴¹. В Библии отличительным качеством богоугодных и богобоязливых (ср. Исх. 1, 21) врачей служит то, что «они молятся Господу, чтобы Он помог им подать (больному) облегчение и исцеление к продолжению жизни (Сир. 38, 14). Но есть, как мы видели, и иные врачи, которые и в Бога-то не веруют, которым до больных, как братьев во Христе, дела нет (ибо больные для них только «объекты» опыта), врачами, которыми даже сам мир возмущается. Понятно, что они не могут подать никакого исцеления больному, но приводят его, как кровоточивую в Евангелии, «еще в худшее состояние» (Мк. 5, 26). Исключения бывают только тогда, когда Благодати и Промыслу Божию нужно для чего-нибудь подействовать через недостойные руки, то есть когда сам больной уже умоляет за себя Бога или окружающие люди молятся за него. Это (то есть почему у современных врачей удачи бывают) и полезно. Первого рода врачи не сами лечат, а Бог через них лечит. «Мы только руки на вас возлагаем», — говорили святые Косма и Дамиан больным в объяснение своих поступков и способа лечения: «Силою же своею ничего не можем сделать. Все действие производит всемогущая сила Христа, Единого Истинного Бога, в Которого если несомненно уверуете, тотчас же выздоровеете...»¹⁴² А врачи второго рода, не будучи проводниками си-

лы Христовой, — беспомощны и всецело зависят от пресловутой науки. внешних обстоятельств, обуславливающих болезнь пациента, от собственного опыта и смекалки. Пытаются и они теперь «накладывать руки» (разумею лечение гипнотизмом, гипнотическими пассами), но лучше, если бы они этого не делали. Нельзя отрицать, что они проводят при этом силу, но — бесовскую. Вот почему св. Иоанн Златоуст так категорически, особенно в последнем случае, утверждает, что эти врачи, «только кажется, что вылечивают, а на самом деле и не вылечивают, — совсем нет»¹⁴³. Но говорить так, скажут некоторые, значит, идти против очевидных фактов выздоровления ежедневно многих тысяч больных благодаря существующим больницам и врачам. Увы, и сами они не все так думают. По этому поводу д-р Э. Бернадский, совсем не наш сторонник, говорит откровенно: «Лечение болезней существует, несмотря на большие недочеты в их познании, но только потому, что болезни в сущности излечиваются сами собою». И еще: «Львиная часть всякого излечения, а часто все излечение, приходится на долю самоисцеляющей силы природы, а наше участие оказывает в сравнении с нею крайне ничтожное действие»¹⁴⁴. Это все то же, что сказать, — Бог лечит. Так и будем говорить.

У меня речь может, конечно, идти только о христианских церковно настроенных врачах, а внешних что мне судить? — «Внешних судит Бог», — говорит Апостол (1 Кор. 5, 13). О них и о лечении у них я и поведу дальше свои рассуждения.

Служение больным, даже в качестве санитаря или сиделки¹⁴⁵, — превосходная и полезнейшая для души вещь. Лишь бы оно проходило с разумной целью. Кроме места, указанного под этим примечанием, приведу еще слова старца известной Серидовой обители Иоанна Прозорливца, который говорит: «Сострадать больным и помогать им врачеваниями — доброе дело» и: «Врач, пекущийся о больном, получает награду»¹⁴⁶ от Бога. Но для всего этого надобно, чтобы он был благочестив, чтобы как сам питался Таинствами Святой Церкви, так и своим пациентам не только не запрещал бы того же, но и первым делом советовал бы¹⁴⁷. Он должен быть смиренным и думать не о своей славе, а о Божией, помня, что «для того Он и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его» (Сир. 38, 6). Врач должен свои отношения и предписания больному постоянно контролировать заповедями евангельскими и церковными, не насилуя без нужды его совести в отношении нарушения постов, целомудрия (раздеваться, например, во многих случаях совершенно излишнее дело; за границей существует целая медицинская школа (направление), производящая диагнозы по одному лицу больного). Если так и подобным образом будет врач поступать, то сам увидит, что некоторые вещи, — которыми, как мы видели, соблазнялось и возмущалось общество, — личная совесть ему запретит делать. И в них легко ему разобраться. Например, случай, рассказанный Вересаевым про неудачную, со смертельным исходом операцию горла, он сам приравнивает к так называемому в церковных канонах невольному убийству, караемому епитимией в пять лет и более; случай с американским д-м Нитце есть уже вольное убийство. Епитимия ему 20 лет и более¹⁴⁸. Сюда же относятся аборт, употребление таких средств, которые влекут за собой выкидыш и т. п., хотя наказание за них несколько (наполовину) и уменьшено¹⁴⁹. Совесть доброму врачу подскажет, где он действует по долгу, а где по страсти.

Но ведь практически, скажут, все это невозможно выполнить. Для истинных Своих рабов, — а таких мало, — Бог всегда найдет место и случай, где смогут исполнить без труда Его заповеди. Невозможно только для неверующих и не желающих спастись, они сами создают себе эту невозможную обстановку, которая им приятна, с которой они и не пожелают расстаться. Что из того, что невозможно? Если

невозможно, делай то, что возможно. Если и это совесть не позволяет тебе исполнять, уйди и делай то, к чему душа твоя стремится (вплоть до ухода в монахи). Поэтому правильнее вопрос задавать не о возможности или невозможности быть в настоящее время одновременно ученым по всем правилам науки врачом и истинным христианином, а о возможности и необходимости каждому исполнять заповеди Христовы в данном положении и по мере своих духовных сил. Брать же с точки зрения Церкви под свое покровительство всю без исключения современную медицину, конечно, не приходится.

Что же касается больных, то их дело менее ответственно пред законом Божиим. Их за перенесение скорби, мучений, страданий только венцы ожидают. Лишь бы они были смиренны. Во всяком случае, греха нет лечиться. В ответах св. Варсонофия Великого одному мирянину читаем: «Касательно же того, чтобы показать себя врачу, скажу: предоставить все Богу есть дело совершенного, хотя это и трудно, а немошнейшего дело — показать себя врачу, потому что это не только не грех, но и знак смирения, когда он, как немошнейший, пожелал показать себя врачу. Но и тогда надобно признавать, что без Бога и врач не может ничего сделать; если же уютно будет Богу, Он подаст здравие больному»¹⁵⁰.

Сами величайшие из святых в некоторых случаях не отказывались от медицинских средств. Стоит вспомнить только, как св. Василий Великий писал, не без иронии над собой, в письме к некоему большому гражданскому чиновнику, по-нашему бы сказать, с курорта¹⁵¹, ... извиняясь за свое отсутствие в городе и невозможность встретить его, как подобает. «Целый уже месяц лечусь водами самороднотеплыми, чтобы получить от этого какую-нибудь пользу. Но понапрасну, видно, тружусь в пустыне или даже многим кажусь достойным смеха, не слушая пословицы, которая говорит, что «мертвым не доставит пользы и теплос» и т. д.¹⁵²

Припомним еще, как светильник Церкви святой Златоуст, писал из ссылки в письме к Олимпиаде (своей духовной дочери), благословляя ее позаботиться о своем здоровье и побуждая к тому собственным примером: «...Твою честность умоляю и как величайшей милости прошу больше заботиться об излечении болезни твоего тела. Правда, и уныние...¹⁵³ производит болезнь; но когда еще и тело исстрадалось и совершенно ослабло и остается в большом пренебрежении, не пользуется ни врачами, ни благорастворенностью воздуха, ни обилием необходимых вещей, то сообрази, что отсюда бывает немалое приращение опасности. Поэтому прошу твою честность пользоваться и разными опытными врачами, и лекарствами, которые могут устранять такого рода болезни. Так и мы, за несколько дней перед этим, когда, вследствие состояния воздуха, желудок у нас был расположен к рвотам, воспользовавшись и другими родами попечения, а равно лекарством, присланным от господи моей, благопристойнейшей Синклитикии, устранили болезнь, не встретив при этом нужды употреблять его больше трех дней. Поэтому прошу тебя и самой пользоваться им и позаботиться, чтобы нам опять послали его, потому что когда мы снова стали чувствовать расстройство, то опять воспользовались им и все исправили»¹⁵⁴ и проч.

Такие примеры не единичны, их можно удвоить. Все они показывают, что и у подвижников даже есть известная свобода в отношении к своему телу, изможденному подвигами и скорбями, но что этой свободой надо пользоваться умеючи. Не имеющие разума Василия и Златоуста или даже просто доброго христианина, то есть новоначальные, должны и в дозволенном спрашивать благословения своего старца и духовного руководителя. «Кто имеет какую-либо болезнь, — учат древние святые¹⁵⁵, — тот должен вопрошать о ней одного из отцов и делать все по его сове-

ту. Ибо иногда случается, что старец имеет дарование и тайно подает исцеление, так что и телесные врачи не всегда бывают нужны больному»¹⁵⁶. Впрошата старцев тем более необходимо, что нет таких определенных правил, по которым ясно бы было, кому и когда надо лечиться и когда нет. Пол, возраст духовной и телесной жизни, обстоятельства и проч. видоизменяют ответ, который, как мы видели выше, может уклоняться в сторону лечения болезни и обратно. Впрочем, это так и во всякой иной добродетели. Желающие подвизаться должны все-таки помнить, что для них общий уклон должен быть в сторону воздержания от лечения, ибо часто бесы обманывают нас. Бывает так, что кажется человеку, будто смерть пришла, когда ему надо стать на молитву, а пересилит себя — моментально как «рукой все снимет»¹⁵⁷. Поэтому тот же святой отец, который разрешил в одном случае лечиться, в другом же, когда замечал у кого-нибудь излишнее пристрастие к телу, учил: «Брат! Вижу, что ты много заботишься о врачевании телесных болезней и думаю, что отцы не заботились о сем. Второй помысл твой (предоставить все Богу. — *Е. В.*) лучше первого, ибо второй заключает в себе совершенную веру в Бога, а первый (обратиться ко врачу. — *Е. В.*) — неверие. Один заключает в себе терпение, от которого происходит искусство (опытность), а из этого рождается упование, не посрамляющее (Рим. 5, 4, 5); другой заключает в себе душевное изнеможение — сестру малодушия, в которой живет маловерие — мать сомнения, отчуждающая от Бога и низводящая людей в погибель. Один помысл делает людей друзьями Божиими, другой — врагами Божиими: один есть ходатай Царствия Небесного, а другой -- геенны... Один помысел руководится таким рассуждением: «Видящий сокровенные недуги может исцелить и мою болезнь»; другой же исполнен неразумия относительно Бога, что Он, может быть, исцелит его, а может быть, и нет...»¹⁵⁸

Но раз уж человек решил во что бы то ни стало позвать врача, то, исходя из всего предыдущего, мы должны, по крайней мере, держаться следующего порядка: 1) раскаяться в душе своей во всех прежних грехах, без всякого самооправдания и выгораживания; 2) дать торжественное обещание исправить свою жизнь на лучшую; 3) призвать священника (а где можно, еще лучше епископа) и закрепить, освятить эти новые душевные расположения в Таинствах Покаяния, Елеосвящения и Причащения; наконец уж, чтобы не понуждать Господа на явное чудо и не давать повода к возрастанию в себе скверного тщеславия и гордости («Бог мне Сам поможет»); 4) нужно смириться под крепкую руку Всевышнего и призвать к постели земного врача. Не мешает при этом (опять, если дело идет о сильном духом человеке, то вместо врача и лекарств) освящаться и благословенным маслом от святых мошей и чудотворных икон, святой водой, особенно богоявленской, освященной на мошах и у святынь ватой, кусочками камней (преп. Серафима Саровского) и проч. вещами из благодатных мест. Через них при умиленной молитве и вере святые, которым принадлежат эти вещи, помогут нам. По крайней мере, лекарства (порошки, микстуры и проч.) нужно разводить и разбавлять святой водой, ею же кропить постель больного, углы его комнаты, всю квартиру. Не забудем кадить ладаном, служить за здравные молебны дома и в церкви и т. п. Тогда есть несомненная надежда на выздоровление, хотя всё в руках Божиих.

На сем я этот параграф и кончу. Многие вопросы в нем остались невыясненными, но это неизбежное свойство всего моего «Опыта». *Ars longa, vita brevis (est)*¹⁵⁹, к месту будет здесь привести афоризм знаменитого врача всей древности Гиппократ. Если это должно сказать о врачебном искусстве и прочих науках, то что говорить о бездонной глубине безбрежного моря «Искусства святости»...¹⁶⁰

Глава III. Духовные страсти (с противоядиями)

§ 2. Осуждение (злословие). Злорадство. Жестокость

Все эти страсти представляют собою исчадия гнева, ненависти, злопамятности. Если среди спасающихся последние пороки встречаются сравнительно реже, то первый из них (осуждение) — поистине бич не только всякого собрания, начиная количеством с двух человек, но и каждого человека в отдельности. Языкоблудие — болезнь самая распространённая. Как будто язва какая у каждого на языке сидит, мешающая ему молчать и не говорить злое про ближнего. Иному легче, кажется, раскалённый уголь на языке продержат, чем худое слово не высказать¹⁶¹. Что касается собственно духовной жизни, то страсть эта производит великие опустошения и лишает человека возможности приобрести основные добродетели спасительного делания, разумею, плач и любовь.

Приведу несколько положений на этот предмет из «Лествицы» преп. Иоанна¹⁶².

1. «Услышав, что некоторые злословят ближних, — говорит святой отец, — я запретил им; делатели же сего зла в извинение отвечали, что они делают это из любви и попечения о злословимом. Но я сказал им: «Оставьте такую любовь, чтобы не оказалось ложным сказанное: оклеветавшего тай искренняго своего, сего изгоняя (Пс. 100, 5). «Если ты истинно любишь ближнего, как говоришь, то не осмеивай его, а молись о нем втайне; ибо сей образ любви приятен Богу».

2. «Кто хочет победить духа злословия, тот пусть приписывает вину не согрешающему, но подушающему его бесу. Ибо никто не желает грешить против Бога, хотя каждый из нас согрешает не по принуждению».

3. «Никогда не стыдись того, кто перед тобой злословит ближнего, но лучше скажи ему: «Перестань, брат, я ежедневно падаю в лютейшие грехи, и как могу его осуждать?»

4. «Это один из самых кратких путей к получению прощения грехов, то есть чтобы никого не осуждать. Ибо сказано: не судите и не судят вам (Лк. 6, 37)».

5. «Если бы ты увидел кого-нибудь согрешающего даже при самом исходе души из тела, то и тогда не осуждай его, ибо суд Божий неизвестен людям. Некоторые явно впадали в великие согрешения, но большие добродетели совершали втайне; и те, которые любили осмеивать их, обманулись, гоняясь за дымом и не видя солнца».

Осуждение имеет свои степени.

«Иное дело злословить или порицать, иное осуждать, и иное уничижать, — говорит авва Дорофей...¹⁶³ — Порицать — значит, сказать о ком-нибудь: такой-то солгал, или разгневался, или впал в блуд, или сделал что-либо подобное. Вот такой злословил брата, то есть сказал пристрастно о его согрешении. А осуждать — значит сказать: такой-то лгун, гневлив, блудник. Вот этот осудил самое расположение души его, произнес приговор о всей его жизни, говоря, что он таков-то, и осудил его, как такого; а это — тяжкий грех. Ибо иное сказать: «он разгневался», и иное сказать: «он гневлив» и, как я сказал, произнести таким образом приговор о всей его жизни. А грех осуждения столько тяжелее всякого другого греха, что Сам Христос сказал: лицемере, изми первое бревно из очесе твоего, и тогда прозриши изъяти сучец из очесе брата твоего (Лк. 6, 42), и грех ближнего уподобил сучку, а осуждение — бревну. Так-то тяжело осуждение, превосходящее всякий грех».

Приведу несколько случаев, показывающих, как грешно осуждать, какой мы терпим вред от этого и как поступали святые, когда видели согрешающих, и какие враг строит козни, чтобы ввести людей в сей грех, ибо два занятия у демонов, как говорит преп. Иоанн Лествичник¹⁶⁴: «человекоубийцы-бесы побуждают нас

или согрешить, или, когда не грешим, осуждать согрешающих, чтобы вторым осквернить первое».

1. К некоему отшельнику ходил один пресвитер, совершая для него приношение Святых Таин. Пришед некто к сему отшельнику, наговорил на пресвитера, что он грешник. Когда пресвитер пришел по обычаю совершать приношение, отшельник, соблазнившись, не отворил ему двери. Пресвитер ушел. И вот, был глас от Бога, говорящий отшельнику: «Люди взяли суд Мой!» Отшельник пришел как бы в иступление (экстаз) — и видит кладезь золотой, и бадью золотую, и веревку золотую, и воду весьма хорошую; видит и некоторого прокаженного, черпающего и наливающего в сосуд. Он, томясь жаждою, не хотел пить, потому что черпал прокаженный. И вот, опять был глас к нему: «Почему ты не пьешь от воды сей? Какуючину имеет черпающий? Он черпает только и наливает». Когда пришел в себя отшельник и размыслил о смысле видения, то призвал пресвитера и просил его по-прежнему совершать для него приношение Святых Таин¹⁶⁵.

Пример этот особенно необходим для памяти и исполнения в наше время, когда постоянно слышатся нарекания на духовенство и нежелание принимать участие в таинствах и богослужении из-за их-де порочной жизни. «Ну вот, стану я у него руку целовать» (при благословении) и в этом роде. Как будто сила благословения от этого портится, умалается и не сходит. Пока пастырь канонически находится в связи с Православной Церковью, всякие уста на него да заграждаются, как хульные.

2. Некоторые из отцов спросили авву Пимена:

— Если мы увидим согрешающего брата, позволишь ли обличить его?

— А когда мне нужно бывает проходить по тому месту, где могу я видеть его в грехе, — ответил им святой, — прохожу мимо и не обличаю его¹⁶⁶.

3. Еще некоторые старцы пришли к тому же авве Пимену Великому и сказали ему:

— Если мы увидим братий, дремлющих во время службы, позволишь ли толкать их, чтобы они проснулись и бодрствовали?

Святой отвечал:

— Если я увижу брата дремлющего, то положу голову его на колена мои и успокою его¹⁶⁷.

Вообще нужно заметить: чем выше человек по подвигам своим, тем снисходительнее к ближним, потому что знает на себе, чего стоит борьба с диаволом. А ничтожество в духовной жизни обычно топорщится, шумит о себе, всех унижает, со всех взыскивает вдесятеро. Приведу еще несколько примеров из жизни и слов сего равноангельного мужа, подвигам которого и в древности все удивлялись¹⁶⁸.

4. Брат исповедовался авве Пимену:

— Если увижу брата, о падении коего слышал я, то мне не хочется принимать его в свое келью; если же увижу брата доброго, то принимаю с радостью.

Великий ответил:

— Если ты делаешь немного добра для брата доброго, то для падшего сделай вдвое более, ибо он слаб¹⁶⁹.

5. Однажды пришли к авве Пимену какие-то еретики и начали клеветать на архиепископа Александрийского, будто бы он принял рукоположение от священников. Старец молчал. Потом позвал брата своего и сказал:

— Предложи им трапезу, накорми их и отпусти с миром¹⁷⁰.

6. Некоторые из отцов спросили авву Пимена:

— Как авва Нистерой мог терпеть ученика своего?

— Если бы я был на его месте, то я подушку клал бы ему под голову, — отвечал святой.

— Что ж бы стал отвечать Богу? — спросил его тогда авва Анувий¹⁷¹.

— Я скажу Ему: «Ты Сам повелел: изми первое бервно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего» (Мф. 7, 5).

7. Сей Божественный муж говорил:

— В Писании сказано: «яже видеста очи твои, глаголи» (Притч. 25, 8), а я советую вам не говорить даже и о том, что осязали вы своими руками.

Один брат обманулся таким образом. Представилось ему, будто брат его грешит с женщиною. Долго боролся он сам с собою, потом подошел с тою мыслью, какую имел, и толкнул их ногою, говоря: «Перестаньте, наконец!» Но оказалось, что то были пшеничные снопы. Потому-то я и сказал вам: «не обличайте, если даже будете и осязать своими руками»¹⁷².

Чтобы несколько усмирить свои помыслы и привести себя в страх Божий, припомним, и напишем пред очами слова нашего Господа: «Имже судом судите, судят вам, и в нюже меру мерите, возмерится вам» (Мф. 7, 1 — 2). И это еще здесь, на земле. Таким образом, кто кого в каком грехе осуждает, тот непременно, рано или поздно, но попадет в тот же самый грех, хотя бы ему и казалось, что он очень далек от него.

Все до сих пор сказанное говорилось к рядовым христианам, которые не начальники, подчиненных не имеют, инспекторских обязанностей следить за поведением других не несут, которым ни до чего нет дела, кроме своих грехов да прямого послушания по своей службе.

Но бывают случаи, когда и им, не только пастырям, учителям, отцам и матерям семейств и проч., приходится рассказывать и говорить о дурных поступках своих близких или далеких. На эти случаи можно дать следующие основные руководственные правила (в вопросах и ответах)¹⁷³.

1. Если я вижу, что кто-либо делает какое-нибудь дело, и рассказываю о сем другому, говоря, что я не осуждаю его, но мы только разговариваем, нет ли при этом злословия в моем помысле?

— Когда человек, говоря, чувствует при сем страстное движение, это уже злословие. Если же он свободен от страсти, это не есть злословие, а говорится для того, чтобы не возросло зло¹⁷⁴.

2. Если говорю авве (игумену) ради других и догадываюсь, что брат смущается этим, как мне поступить? Также, когда он оскорбляет и других и меня, сказать ли мне ради других или промолчать, потому что это и меня беспокоит? Если же знаю, что брат не скорбит об этом, сказать ли и себя ради, или принудить себя промолчать?¹⁷⁵

— Если ты скажешь авве, а брат смутится этим, то тебе нет до того дела. Когда нужно будет сказать ради других, и это тебя озабочивает, скажи ради их, себя же ради принудь себя не говорить.

3. Но помысл говорит мне, что если брат смутится на меня, он сделается мне врагом, полагая, что я его оклеветал перед аввою.

— Это — злой помысел, возбращающий исправлению брата. Не удерживайся, но говори авве только по Богу, а не по страсти. Ибо и на врачей ропшут больные, которых они лечат, но врачи пренебрегают сим, зная, что после они их будут благодарить.

4. Когда вижу, что помысел побуждает меня сказать не для пользы брата, но для того, чтобы оклеветать (то есть сказать истину со смущением в сердце, с пристрастием), — сказать ли мне или промолчать?

— Вразуми свой помысел сказать по Богу, а не по страсти. Если же побеждаешься желанием оговорить брата, скажи авве (игумену), исповедуя ему клевету свою, чтобы обоим вам получить исцеление: брату — от греха, а тебе — от клеветы.

5. Если же помысел не допустит меня исповедать авве, что я говорю с намерением оклеветать брата, что мне делать, сказать ли или нет?

— Не говори ничего, и Господь попечется о сем. Тебе не должно говорить со вредом душевным. Господь исправит брата, как Ему угодно. Другими словами, это будет уже простое наушничество, злостная страсть.

6. Если кто-нибудь увидит, что брат согрешил, и скажет о сем авве, тот, о котором сказано, как должен быть расположен к сказавшему на него?

— Если согрешивший верный (то есть настоящий христианин) и живет по Богу, то, хотя бы кто-нибудь и по вражде сказал на него авве, он должен подумать: «Брат сказал это, желая доставить мне пользу». И так исполнится на нем слово Писания: «Благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благая» (Мф. 12, 35). Помышляя это, он скорее должен возлюбить того брата, чем ненавидеть. Кто всегда таким образом поступает, тот преуспевает о Боге.

* * *

Осуждение, злословие — вот великий грех, но все же человеческий. В отношении ближнего мы ведем себя дурно, не можем не видеть зла в нем, сердцем источаем сукровицу памязозлобия, но все-таки на этом и останавливаемся, самого зла ему не желаем, наоборот, все и разговоры-то осудительные имеют личину добра и желания пользы ближнего. Но злорадство является уже делом демонским¹⁷⁶. Только бесы могут радоваться падению и гибели человека. У ангелов Божиих, по словам Христа, наоборот, бывает радость и об одном грешнике кающемся (Лк. 15, 10).

«Не следовало бы тебе, — говорит Господь, — злорадно смотреть на день брата твоего, ... не следовало бы радоваться о сынах Иуды в день гибели их и расширять рот в день бедствия, ... ибо как ты поступал, так поступлено будет и с тобою; воздаяние твое обратится на голову твою (Авд. 1, 12, 15; ср.: Притч. 24, 19; Пс. 34, 26). Таков приговор злорадству. Если за осуждение, как я выше сказал, грешащий подвергается закону возмездия, ему грозит участь испытать и впасть в те же самые грехи, то здесь тем более. Если же не так, то за гробом его всячески ожидает огненное «воздаяние».

В чем заключается злорадство?

Злорадство состоит в том, что человек радуется расширению, распространению, победе зла¹⁷⁷, а духовное радование в том, что верный веселится о низвержении зла, прекращении его и победе над ним Христа и Церкви. Зло понимать должно всегда, конечно, с евангельской, церковной точки зрения. Радость демонская состоит в том, что человек радуется самой беде, в какую попал его ближний¹⁷⁸, а радость Христова, христианская, — смотрит на начало и конец всякого дела, на его цель и следствия. И христианин иногда радуется погибели нечестивого человека, и Церковь во веки вечные устанавливает памяти и чины в честь низвержения еретиков и их провала в бездну, но как? — не самому их несчастью злорадствует, об этом можно только жалеть и плакать, а духовно торжествует радостно великою о победе добра. <...> Апостол пишет к Коринфянам: «Ныне радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистесь в покаяние» (2 Кор. 7, 9). «Я радуюсь, — как бы так сказал, — видя не собственно печаль, но плод печали; потому что печаль эта произрастила похвальное покаяние» (*блаж. Феодорит*). «Когда отец видит, что сыну делают надрез, радуется не тому, что сын терпит боль, но тому, что исцеляется», — говорит *св. Иоанн Златоуст*¹⁷⁹.

Приведем еще пример. Злорадствовала Иродиада, видя мертвую главу св. Иоанна Предтечи, считая его за своего врага, и духовно радовалась Церковь Божия, ког-

да позорной смертельной болезнью, не от рук человеческих, погиб Арий, злейший враг Церкви, — дело как будто совне одно, а по существу — большая разница. Одно настроение души (у христиан) само собою выходит, оно естественно, а другое привито человеком к себе посредством страстей, оно — противоестественно. Одно чувство при виде греха и гибели нечестивых поучает путям Промысла Божия¹⁸⁰, а другое наслаждается самой этой гибелью и кричит: «Мало еще!..»¹⁸¹

Таково различие в отношении происходящего зла чувства радости, святой и грешной. Если же говорить не о радости вообще, а о злорадстве в отдельности, взяв его обособленно, то оно порочно и недопустимо ни в каком случае, даже и в отношении вышеупомянутых врагов Церкви. Последняя всегда молилась, по заповеди Христа (Мф. 5, 44), за своих врагов — римских императоров, гонителей Церкви Христовой, Нерона, Диоклетиана и проч., и до сих пор в Помяннике, после окончания вечернего правила¹⁸², молится от лица всех верных: «Отступившия от православия веры и погибельными ересями ослепленные светом Твоего познания просвети и Святей Твоей Апостольстей и Соборней Церкви причти». Даже следующие слова: «Мерзкое и богохульное агарянское¹⁸³ царство вскоре ниспровержи» и проч. не зложелательство показывают, а только моление об отъятии и отведении от нас зла, потому что надо твердо помнить, что Бог врачует и ниспровергает зло не посредством зла (Рим. 12, 21), а посредством добра¹⁸⁴. Поэтому дальше (после прерванных мною слов) Церковь и молится: «Правоверие же утверди, и воздвигни рог христианский, и ниспосли на ны милости Твоя богатия». Действительно, раз сила Православия, дух его, будет крепок и силен в народе, этим самым лежащие вокруг него «агарянские» царства будут принижены долу, дохнуть не посмеют, ибо подушают на зло демоны, а они благочестием будут связаны. Таким образом, святостью жизни верных — вот чем ниспровергается зло¹⁸⁵. Итак, зложелательства у Церкви нет ко врагам и быть не может, и если бы встретились кому выражения в церковных книгах, похожие на это, то он должен понимать их соответственно с учением самой Церкви, заповедающей всегда любовь христианам (ср. 1 Кор. 13, 6), а не с выдумками и клеветническими нападками ее врагов, если и содержащих истину иногда, то во всяком случае в неправде (Рим. 1, 18).

Должно еще упомянуть об одной хитрости, которой демоны обольщают начинающих жить духовной жизнью. Иногда такой человек ни за что ни про что, как говорится, получает головомойку от своих ближних. И вот он, зная уже, как должно вести себя в данном случае (то есть должно поклониться смиряющему если не в ноги, что, может быть, не под силу еще гордому, самолюбиво-тщеславному нашему сердцу, то по крайней мере простым поклоном), начинает кланяться и просить на словах прощение, и как будто искренно... Но если он прилежно и зорко посмотрит в глубину своего сердца, то он увидит притаившегося в темном его углу демона, который шепчет ему едва слышно и заставляет за собой повторять следующие слова: «Ну что ж, я-то потерплю, а ты все-таки на том свете ответишь. Вот еще и поклонюсь, тебе же больше ответственности будет...» И назло начинает иногда бить поклоны, со злорадством, не сам смиряясь, а смиряя того человека и наслаждаясь его смущением...

Обычно к этому примешивается еще и тонкое чувство тщеславия, потому что не иначе может совершить эту «духовную эквилибристику», как высоко вознесшись наперед душою над своим обидчиком и всем видом показывая и подчеркивая ему, что вот, мол, я не виноват перед тобой, а кланяюсь тебе и прошу прощения, так чувствуй, мол... И происходит какое-то неуловимое сочетание, совершенно противоестественное, покаянного смирения с гордостным чувством злорадства и смрадного возношения. Таковой человек не достиг еще истинного плача и пору-

ган бесами, вместо благодатного смирения принимая в себя дьявольскую гордыню. В результате же и действие сего получается обратное ожидаемому: тот, кому кланяются, в особенности когда сам горд, не успокаивается, напротив, приходит еще в большее бешенство, и если это происходит на людях, то считает себя очень оскорбленным и чувствует, все равно как бы ему в лицо при всех плюнули... Да это, может быть, и так. <...>

И от «святых» и «великих» людей культуры мысль невольно обращается к подлинно святым и великим мужам христианства. Они не только людей, но и тварь, даже неодушевленную, любили от всего сердца и не причиняли ей никакого насилия. Вот, например, как откликается на создание Божие душа одного блаженного (не прославленного, нашего современника), Максима юродивого. Простой этот человек, малограмотный, но Божий — Дух Святой в нем живет. Какая речь у него, благодать исходит от нее... Передает о нем архимандрит Спиридон, которому он предсказал до начала первой мировой войны 1914 года и саму войну, и события после нее¹⁸⁶.

Автор повстречался с ним в лесу. «Смотри, батюшка, — говорит Максим, — все дела Божии дивны, о дивны! Вот лес, ручейки текут, цветы цветут, травы зеленеют, птички Божии поют, и все это — дела Божии!» Когда мы вошли в самую глубь леса, — передает автор статьи, — тогда Максим пал на землю, простер свои руки к небу и запел: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас». Когда он запел третий раз, я повалился на землю и лишился сознания. Не знаю, долго ли я находился в таком состоянии, но когда я пришел в себя, то увидел, что Максим стоял на том же самом месте с воздетыми к небу руками. Он что-то шептал, но что, разобрать я не мог. Начал и я с ним молиться. О, эти минуты никогда не изгладятся из моей памяти!.. Когда молитва была закончена, Максим взглянул на меня и опять сделал несколько поклонов. После этого мы сели, помолчали, а затем начал говорить Максим: «Без молитвы все добродетели точно без почвы дерева. Ныне нет молитвы в жизни христиан, а если есть, то жизни в себе она не имеет. Христос Сам молился, и молился больше всего в горах, на горных вершинах, где, кроме Него Одного, никого не было. Христианин, друже, есть человек молитвы. Его отец, его мать, его жена, его дети, его жизнь есть Один Христос. Ученик Христа должен жить только одним Христом. Когда он так будет любить Христа, тогда он обязательно будет любить и все творение Божие. Люди думают, что нужно прежде любить людей, а потом и Бога. Я и сам так делал, но все было бесполезно. Когда же начал прежде любить Бога, тогда в этой любви к Богу я нашел и своего ближнего, и в этой же самой любви к Богу всякий мой враг делался мне другом и человеком Божиим. Самая первая форма любви к Богу есть молитва. В настоящее время повсеместно христиане настроили множество храмов, стали грамотными и учеными, а живой молитвы нет. Вот в чем великая беда. Если бы христиане знали силу молитвы, то они были бы перерождены. Я ведь мало знаю грамоты, а молитва учит меня, как мыслить, говорить и делать. Но этого мало, чтобы только молиться. Нужно за Христа ежедневно умирать, и в этой смерти — жизнь христианина. Так Дух во мне говорит: нужно за Христа умирать (ср. у Апостола: 1 Кор. 15, 31). Мы еще живем, и эта жизнь наша есть точно младенческое еще состояние души. Зрелость ее — смерть, и смерть ради Христа. Когда мученики умирали за Христа, тогда они вкушали настоящую жизнь, и эта жизнь для них так сладка, что они забывали страдания и саму смерть! Я — юродивый Максим, и говорю, что без юродства нельзя Царства Божьего наследовать... Ах, дивны дела Божии! Говорят, что я сумасшедший, а ведь без сумасшествия (юродства. — Ред.), батюшка, не взойдешь в Царство Божие (ср. у Апостола: 1 Кор. 3, 18 и след.).

Ах, Боже мой, Боже мой! Вот беда, нет теперь христиан; вот горе, все почти стали врагами Христовыми (сам плачет)... Вот будут дни, когда, батюшка, будет страшная война, весь мир будет воевать, а ты из Сибири (а автор и в Сибири тогда еще не был. — *Е. В.*) поедешь туда и будешь на войне. Война — это суд Божий. Это еще не последний суд Божий. Суд этот над христианами за то, друже мой, что они попрали Святое Евангелие. Христиане ныне отвергли Святое Евангелие (Максим рыдает). А что будет после войны, я пока, батюшка, тебе не скажу... После этих слов Максим сразу загрустил и ушел в себя. Минут двадцать он совершенно молчал, а я не сводил с него своего взора. Затем начал говорить снова о том, что Евангелие попрано христианами. «Жить по Евангелию, — говорил он, — надо быть сумасшедшим (не от мира сего. — *Ред.*). Доколе люди будут умны и разумны, Царства Божия на земле не будет. Георгий, молись и люби Бога и всю его вселенную и все Его создание. Чего себе не желаешь, того и самому диаволу не желай. Это моя жалость к творению Божию»¹⁸⁷.

Я выписал слишком длинную цитату, в которой много говорится о молитве и о прочем, что не относится непосредственно к трактуемой мною здесь теме. Но слишком благоуханны и прозорливы слова блаж. Максима, слишком они напоминают речь другого великого нашего святого последних времен, горевшего серафимской любовью к Богу, к ближним и ко всей твари, — преп. Серафима Саровского, чудотворца. Та же простота, та же благостыня, те же утробы щедрот, все говорит за то, что в них действует Один и Тот же Дух, хотя разделения Его и различны (1 Кор. 12, 11).

«Гнев (а следовательно, и жестокость, как его исчадие) происходит от различных причин, и особенно от сластолюбия. О сем упоминает и Евагрий, повествуя, что некоторый святой говорил: для того и отвергаю наслаждения, чтобы отсечь причины раздражительности»¹⁸⁸, — говорит авва Дорофей. Переходя к изображению действия страсти жестокосердия в отношении отдельного человека, эти слова преп. аввы Дорофея приходится поставить во главу угла. Действительно, если человек рассердился, памятозлобствует, срывает на ком-нибудь зло, то ищи причину сего в том, что он в чем-либо не мог упокоить свою плоть. Но особенно часто эта страсть находится в связи с блудной...¹⁸⁹ <...>

§ 6. Дерзость

То содержание, которое мыслится в этом понятии, обычно у нас в широком употреблении, гораздо уже того смысла, который вкладывается в наименование этой страсти у святых отцов. Дерзостью у последних называются не грубые и резкие слова, с которыми человек обращается иногда к своим ближним, не наглый бесстыдный поступок, а особый образ целого поведения в жизни кого-либо, а именно — вольный, вольное поведение.

I. Какой вред от нее. Ни одна, кажется, страсть не подвергается у святых отцов таким гневным нареканиям, как эта, о существовании которой мир и не знает, несмотря на то, что она наполняет главное содержание его жизни¹⁹⁰.

Я приведу здесь первые пришедшие на память цитаты из их творений.

Дерзость губит любовь и рождает ненависть. «Если видим, что некоторые любят нас о Господе, — говорит св. Иоанн Лествичник¹⁹¹, — то перед ними мы наиболее должны сохранять скромность, ибо ничто так не разоряет любви и ничто столь скоро не производит ненависти, как вольность в обращении».

«Свобода в обращении с ближними — причина всех зол в человеке», — предостерегает св. Варсонофий Великий¹⁹².

Она — «мать всех страстей», — вторит сему Великому его ученик и «единодушный сын»¹⁹³, преп. Иоанн Пророк¹⁹⁴.

«Это совершенная погибель», — вслед за последними двумя отцами постановляет их блестящий и бессмертный ученик и послушник — авва Дорофей¹⁹⁵.

Посему — «уклоняйся от дерзости в речах, как от смерти», — заключает их всех духоносный Исаак Сирий¹⁹⁶.

II. Виды дерзости. «Дерзость бывает многообразна: можно быть дерзким и словом, и осязанием, и взором. От дерзости иной впадает в празднословие, говорит мирское, делает смешное и побуждает других к непристойному смеху. Дерзость и то, когда кто прикоснется к другому без нужды, толкает кого-нибудь, вырвет у него что-нибудь из рук, бесстыдно смотрит на кого-нибудь, — все это делает дерзость, все это происходит от того, что в душе нет страха Божия, и от сего человек мало-помалу приходит и в совершенное нерадение. Посему-то, когда Бог давал заповеди закона, Он сказал: «Благоговейны сотворите сыны Израилевы» (Лев. 15, 31), ибо без благоговения и стыда человек не чтит и Самого Бога и не хранит ни одной заповеди. Потому хорошо нам, братья, иметь благоговение, бояться вредить себе и другим, почитать друг друга и остерегаться даже смотреть друг другу в лицо, ибо и это, как сказал некто из старцев, есть вид дерзости¹⁹⁷.

О некоторых видах дерзости, сильно распространенных в нашем быту, нелишне сказать поподробнее, привлекая к ответу и светские источники.

«Игра глазами»

Это — одна из важных статей в обиходе кокетства, которое у девушек и женщин в свою очередь само составляет три четверти всей страсти (дерзости). По внушению диавола дочери Евы открыли у себя эту способность очень рано. Мы видим ее уже в библейские времена, и пророк Исаия, почти за 800 лет до Рождества Христова, обличает современных ему кокеток за то, что они «ходят, подняв шею и обольщая взорами» (букв. — «и кругом поводя глазами, окидывая взором» — Ис. 3, 16), разумеется, прохаживая мужчин. Переводя же речь пророка на современный грубый (вульгарный) язык, несомненно увидим здесь обвинительный приговор увлечению женщин (как видится, всех наций и времен) «строить глазки молодым людям». Пророк Исаия неодинок в своих обличениях. Ветхозаветный же мудрец, автор Притчей Соломона, «зрак прелюбодейничь» перечисляет в числе главных привлекательных и скверных средств и приманок жены-блудницы. Картина, нарисованная им с откровенностью, дозволенной лишь только для священного автора, очень хорошо показывает, к чему это приводит (Притч. 7, 10 и след.). Страшно наказание Божие, постигающее таких дев и женщин (Ис. 3, 17).

Характерно, что всемирная эпическая и художественная литература, пластические искусства и быт согласно показывают, что порок этот, действительно, свойствен скорее женщинам легкого поведения, а никак не честным женам и девам строгих правил.

Приведу пример.

Уже у Гомера женщины в совершенстве обладают тайной «управлять глазами».

В стихе: *Прὶν ἤτολ πατρί ξίλω δομεναί ἐλκωπῖδα κοῦρην* («быстроокою деву») (Илиада, 1, 98) слово *ἐλκωπῖδα* означает: «с подвижными, весело глядящими глазами»¹⁹⁸, от глагола — «вертеть кругом, вращать, кружить, быстро двигать». Эти значения глагола хорошо говорят о том, в чем состояла неутомимая деятельность глаз их обладательницы.

Смехотворство, шутки, балагурство, болтовня

Господь Иисус Христос сказал: «Глаголю вам, яко всяко слово праздное (слово с делом несообразное, ложное, пустое, смехотворное, гнилое, бесстыдное, бесполезное, ненужное), еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово (то есть ответ) в день судный» (Мф. 12, 36)¹⁹⁹.

Поэтому и Апостол предупреждает: «Слово ваше да бывает во благодати, солью растворено» (Кол. 4, 6). Оно должно быть «не смешливо и шутиливо, но разумно и назидательно»²⁰⁰. Как соль предохраняет пищу от гниения, так и эта назидательность и благоразумие должны застраховывать наши слова от заразы греха.

И еще сказал Апостол: «Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, и сквернословие, и бусловие, или кошуны, но паче благодарение» (Еф. 4, 29; 5, 4).

«Сквернословие» (αἰσχρολογία — собственно, срамотность) — срамные приемы, взгляды, движения, одежда, все поведение срамное, или распушенность, свидетельствующая о нечистоте и к ней соблазняющая. Но, конечно, преимущественное проявление этой срамотности есть срамословие — срамные речи, с которых и начинаются обычно срамные дела.

«Бусловие» (μωρολογία) — глупые, безумные, пустые речи.

Кошуны (εὐτραπελία) — страсть острить, шутить, смехотворить. «Не пристало нам так поступать, — стыдит епископ Феофан Затворник. — Обещали жить свято, со страхом Божиим содеяв свое спасение. Как могут быть уместны такие речи?!..» Пусторечие и смехотворство состоят в прямой связи с похотью. Св. Иоанн Златоуст говорит: «не произноси слов ни шутилых, ни постыдных, и ты угасишь пламя, ибо слова ведут к делам».

«Но паче благодарение», — заключает свою речь апостол (Еф. 5, 4), то есть да выражается в слове и да слышится благодарная молитва к Богу. Вот чем должна быть полна беседа христиан!.. Из уст наших должно исходить преимущественно благодарение Богу Отцу и Господу нашему Иисусу Христу со Святым Духом за спасение, нам даруемое и действующее в нас, если не мешаем ему своим неразумием²⁰¹.

Действительно, слово — великая вещь. Его надо хранить. «Господствуй над языком, — сказал св. Антоний Великий, — и не умножай слов, чтобы не умножить грехов своих. Наложь перст на уста твои и узду на язык твой: многоглаголивый человек никогда не оставит в себе места во обитель Святому Духу»²⁰².

Небрежное обращение со словом показывает бедность внутреннего духовного содержания души. Уже по одним словам легко определить, что за человек: духовный ли, плотской ли, умный или глупый, рассудительный или только притворяющийся благочестивым. Впрочем, последнее различить не всякий может.

Слово — это тот главнейший и существеннейший признак, который проводит непреодолимую границу между человеком и скотом! Оно — о непостижимое таинство! — одно из имен Самого Бога, Второй Ипостаси Святой Троицы, Господа Иисуса Христа.

И после всего этого христианин топчет его в грязь, поганит, одним словом, обращается со словом «бессловесно» (употребляю последнее понятие в святоотеческо-церковном смысле). <...>

В качестве примера начну со смехотворства. Пошутить, посмеяться, даже похотать, как говорят, «здоровым смехом» у нас не считается зазорным. Но не так смотрели на это святые и Сам Господь, Которого плачущим видели часто, а смеющимися никогда.

Св. Антоний Великий, будучи спрошен, позволительно ли иногда смеяться, отвечал: «Господь осуждает смеющихся. «Восплачетеся и возрыдаете вы, — сказал Он

Своим ученикам, — а мир возрадуется» (Ин. 16, 20). Истинному монаху не должно смеяться, должно плакать о тех, которые ругаются Богу, преступая Его закон, и о тех, которые проводят жизнь в творении грехов. Будем рыдать и плакать, непрестанно умоляя Бога, чтобы не попустил им пребыть в греховной жизни, чтобы не восхитила их смерть прежде, нежели они успеют принести покаяние»²⁰³.

А вот что говорит Златословесный вития Церкви о нашем пристрастии к так называемым невинным шуткам: «Что пользы сказать шутку? Только возбудишь ею смех. Скажи мне: сапожник возьмется ли за какое-нибудь дело, не принадлежащее к ремеслу его, или станет ли приобретать какой-нибудь ненадлежащий инструмент? Никак, потому что чего мы не употребляем, то ничего для нас не стоит. Пусть не будет ни одного слова праздного, так как от празднословия можно перейти к неприличному разговору. Теперь время не увеселения, но плача, скорбей и рыданий. А ты шутишь? Какой боец, вышедши на арену, оставляет борьбу с противником и производит шутки? Близ тебя диавол ходит вокруг, рыкая, чтобы поглотить тебя, все воздвигает и все обращает на твою голову, замышляет как бы выгнать тебя из твоего убежища, скрежещет зубами, воеет, раздувает огонь против твоего спасения, а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и говоришь неприличные речи? Можешь ли ты успешно одолеть его? Мы забавляемся по-детски, возлюбленные! Хочешь узнать образ жизни святых? Послушай, что говорит апостол Павел: «Три лета ночь и день не престаю уча со слезами единого когождо вас» (Деян. 20, 31). Если же он употреблял такое попечение о милитянах и ефесянах, — не шутки говорил, а со слезами преподавал учение, — то что ты скажешь о других? Послушай, что он говорит и коринфянам: «От печали многия и туги сердца написах вам многими слезами» (2 Кор. 2, 4). Послушай, что он говорит еще в другом месте, ежедневно желая переселиться из мира: «Ибо и мы сущии в храмине въздыхаем» (5, 4). А ты смеешься и забавляешься? Время войны, а ты занимаешься тем, что свойственно плясунам? Шутишь и забавляешься, говоришь остроты, возбуждаешь смех и нисколько не думаешь о деле? Сколько от шуток происходит клятвопреступлений, сколько вреда, сколько сквернословия! Но, говорят, эти шутки не таковы. Однако послушай: апостол изгоняет всякие шутки. В теперешнее время вовсе не может быть места смеху, потому что это время мира. Послушай, что говорит Христос: «Мир возрадуется, вы же печальны будете» (Ин. 16, 20). Христос распят на кресте из-за твоих злодеяний, а ты смеешься? Он потерпел заушение и столько пострадал из-за твоих бедствий и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И разве не тем более ты этим Его раздражаешь? Но так как иным это дело кажется безразличным и таким, от которого трудно уберечься, то рассудим немного об этом и покажем, насколько велико это зло. Это дело диавола — не радеть о безразличных поступках. И, во-первых, если бы это было и безразлично, и в таком случае не должно этим пренебрегать, зная, что от этого происходит много зол, которые возрастают и часто оканчиваются любодением. А что это не безразлично, видно из следующего. Посмотрим, откуда этот порок происходит. Или лучше, посмотрим, каков должен быть святой. Он должен быть тихим, кротким, скорбящим, плачущим, сокрушенным. Следовательно, кто говорит шутки, тот не святой, и такой, будь он хотя и эллин, смешон. Это позволительно только играющим на сцене. Где гнусность, там и шутки, где безвременный смех, там и остроты. Послушай, что говорит пророк: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 3, 11). Шутиливость делает душу слабой, ленивой, вялой; она возбуждает часто ссоры и порождает войны. Играть комедии несвойственно христианину. Притом охотнику до шуток необходимо терпеть сильную вражду со стороны осмеиваемых им, присутствуют ли они при этом, или услышат со стороны. Много зол гнездится в пристрастной до шуток

душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие. У тебя язык не для того, чтобы передразнивать другого, а чтобы благодарить Бога»²⁰⁴. <...>

Не забудем того, что св. Иоанн Златоуст не монахам эти поучения давал, а говорил с церковной кафедры до ушей всех православных христиан.

И все-таки это, скажут многие, очень строго. И, может быть, иной попытается даже оправдаться в своей распушенности ссылкой на некоторых из великих подвижников, даже схимонахов, которые каламбурили, шутили, рассказывали анекдоты и не переставали быть чудотворцами и не теряли свой дар прозорливости. Из нынешних времен я укажу сам на старца Оптиной пустыни отца иеросхимонаха Амвросия как на подобного человека. В прошлом столетии, после преп. Серафима Саровского, это был, кажется, следующий великий подвижник земли Русской, и как раз он-то и отличался в обращении шутивными разговорами²⁰⁵.

Но пусть не дерзает каждый человек приравнять себя к таким людям. Они десятилетиями лет внутреннего плача, безропотного и непорочного послушания, великих подвигов приобрели себе право повелевать бесстрастно смеху и веселью, как им угодно, и те их слушаются, как покорные рабы.

Когда св. Иоанн, спостник преп. Симеона, Христа ради юродивого, прощался с ним в пустыне перед уходом последнего в мир, то как друг наказывал ему: «...Храни опасно свое сердце от того, что будешь видеть в мире, и пусть не содействует тому, что будешь ты делать перед людьми телом, вместе и твое душевное расположение. Но когда к чему-нибудь прикоснется рука твоя, душа пусть не прикасается к тому, и в то время, как уста твои заняты едой, сердце да не усладится ею, и вместе с ногами да не воспрянет и внутренний покой... Пусть все, творимое вовне, не ощущается внутри, и ум твой да пребудет безмятежным...»²⁰⁶

И когда человек силен делается на такое житие, то проводит его по повелению Божию, а не сам собою. Ибо где найдется такой безумный человек, да еще схимник и ученик духоносных старцев, чтобы стал растрчивать самочинно в пустых, смехотворных разговорах то, что приобретал с таким трудом в пустыне в продолжение нескольких десятков лет?! Допустить хотя на мгновение такую мысль — нужно самому превратиться в безумного. Нет, не пустыне эти речи и не для балагурства говорятя таковыми людьми, а для того, чтобы прикрыть ими тот нестерпимый для грешных и завистливых глаз блеск благодати и величайших даров прозорливости и чудотворения, которыми они обладают.

Этим же объясняется та площадная брань, с которой нередко обращались к приходящим знаменитые Дивеевские блаженные²⁰⁷, и их неприличные поступки, которыми по невежеству соблазняются ничего не понимающие в духовной жизни люди и описание которых, конечно, они озаботятся поместить когда-либо в печати. Но величайшие из святых, например, Андрей, Христа ради юродивый (память 2 октября), сподобившийся быть при жизни в раю и видеть в храме (откуда праздник Покрова) Пречистую Деву, сей Андрей блаженный и другие еще и не то делали. К сожалению, об этом надо читать в подлиннике, ибо у нас в житиях их все блазнительное для не имеющих духовного разума выпущено. Но так как у меня вопросы ставятся и разбираются с принципиальной стороны, я не считаю позволительным их замалчивать.

Что святые, когда совершают мирские и двусмысленные поступки, совершают их только внешне, как бы надевая маску и являясь хорошими актерами, нисколько не воспринимая их сердцем страстно и делая-то это во исполнение заповеди Апостола и в подражание ему самому (1 Кор. 9, 19 – 22), не одна вышеприведенная цитата из жития преп. Иоанна и Симеона доказывает. Из многих свидетельств приведу еще следующие.

Вот как описывает внутреннее состояние святого человека, когда кто-нибудь к нему приходит, св. Варсонофий Великий: «Совершенные бывают и совершенно внимательны к себе, подобно художнику, который в совершенстве знает свое искусство; он хотя беседует с кем-нибудь в то время, как занят своим делом, но беседа не мешает ему делать то, что требуется искусством, и тогда как он беседует с теми, которые у него находятся, ум его бывает всецело обращен к предлагаемому занятию.

Так и беседующий с другими должен показывать им лицо и слово веселое, внутри же себя иметь помысл въздыхающий. О сем-то писано: въздыхание сердца моего пред Тобою есть выну»²⁰⁸. Всеми предыдущими рассуждениями не исключается, конечно, для немощных умеренная веселость²⁰⁹; причем, понятно, должно наблюдать случай, время, лица, с которыми мы ведем беседу. Границы ее будут указаны в другом месте.

Но и простая болтовня наносит не меньший вред духовному здоровью. Если больно сердцу слышать на улице звонкий смех проходящей «барышни» с «кавалером», смех, который открывает пред вашим духовным взором черную бездну душевной ее пустоты, то не менее больно и стыдно за человеческое достоинство, когда, сидя в вагоне трамвая или железной дороги, видишь, как растлеваются молодые души бессодержательной болтовней, отсутствием страха Божия и стремлением превзойти друг друга в «тонких» намеках, остротах и в бесконечной канители и наборе «изящных комплиментов».

Если наши юноши и девы — христиане, то не должны оправдываться молодостью, а если они готовят себя к «честной женитве и ложу нескверну» (Евр. 13, 4), то должны блюсти себя еще строже тех, которые готовятся в монахи, поскольку для последних в будущем открывается постоянное время покаяния (прошу читателя из моих слов не выводить обратного заключения, что так как-де последним предстоит «постная», если уж не «постническая» жизнь, то наперед надо (позволительно) им хорошенько «заговориться», да так, чтобы все время жизни вспоминалось это «заговорье». Речь может идти только о невольных падениях). Такова ли должна быть подготовка к серьезной супружеской жизни? И чему тут удивляться, что через год, месяц, неделю, даже через день (вернее, ночь) молодые уже расходятся навсегда! Обычно у нас уже до брака юноши и девы обрывают все цветы и розы невинности в своем саду, и когда приходится им жить вместе, опустошенный преждевременно сад наводит на них только уныние, отвращение и ненависть. А нужно бы наоборот — не тайком, наспех и с жадностью воровать яблоки, а срывать их в свое время, не стыдясь людей, как свои собственные...

И неужели нет серьезных тем для разговоров? Неужели, юноша, так трудно дать себе отчет, что если проведешь время только в «салонной» или «бульварной» *causéie* и болтовне, ты не можешь узнать, оценить, полюбить, наконец, душу человека? Даже о домашних способностях будущей жены не узнаешь. И если скажешь, что это — «проза», то спрошу тебя и я: не те ли уж разговоры наших барышень, которые слышишь повсюду, поэзия?

Много ли «поэзии» у наших девушек, которые, подобно Леночке (знаменитому «кисейному созданию» Помяловского), с замечательным искусством и легкостью могут перебегать от одной темы к другой, без всякой остановки, нигде не зацепляясь? Начнет такая о цветах, перейдет к новому костюму, тут же с увлечением расскажет, что у них новый дьячок, — и какой смешной! Затем ловко переведет разговор на то, что она любит пенки и духи «Чаруй меня» и совершенно терпеть не может мышей и пауков. Наконец, упомянув мимоходом, как она утром чуть не попала под трамвай, вдруг огорошит вас сообщением, что она спала только половину ночи, стараясь уразуметь «Капитал» Маркса!

Не все, скажут, такие. Я не про всех и говорю. Но много ли «не таких»? Если они «серьезны» по-мирскому, то есть читают «научные» и «ученые» книжки нашего времени, то разница между ними невелика — только в направлении (противоположных друг другу), а не в существе его. Взгляды и мысли, которых они набираются в тех книжках, ложны, а отсюда разговоры на эти темы опять-таки вредны. А если девушки (или юноши) эти взялись за ум от чтения духовных и религиозных книг, то они и вовсе должны избегать разговоров, потому что брать за чаем темы для болтовни из Писания и святых отцов, — я и не знаю, как назвать это... Хотя, при руководстве старших, здесь все же можно бы что-нибудь полезное выкроить, по крайней мере, для тех, которые не способны к строгой, внутренне собранной жизни наедине, к крепкому молчанию и внутреннему плачу. Таким образом, что с последней точки зрения является злом, могло бы принести для любящих развлечения и рассеяние относительную пользу. Но болтовня пустая вконец непотребна.

Что я не говорю о каких-либо исключительных вещах и не навязываю какой-либо непосильной морали обществу и что сказанное мною не относится только к молодежи, но и к зрелым, и даже ученым мужам, и прославленным художественным талантам, доказывается легко тем, что наука, литература, фольклор²¹⁰ и некоторые факты из естественной даже истории осуждают это столь очевидно для всех нелепое явление, и, однако, так распространенное и укоренившееся в нашем культурном обществе.

И мало того, что не борются с этим злом, но и всячески еще поощряют его, с детства воспитывают в нем человека, в мужестве хвалятся искусством в нем, и сами себя изредка невольно обличают им же.

Кто не знает слов поэта Мея, если не изменяет мне память (к своей будущей же-не), в которых он ядовито высмеивает светскую манеру с пеленок учить детей салонным тонкостям и извиняется, что сам он якобы не знает, как приняться за разговор:

С чего начать?
Давно уж в моде
Беседу с дамой заводить
Намеком тонким о погоде,
А уж потом и говорить...
И говорить о всем об этом,
Что говорится целым светом,
На что с самих пеленок мать
Учила дочку отвечать... и т. д.

Поучительно рассуждает также в своей «Диететике духа» д-р Шольц (директор лечебницы для душевнобольных в Берлине). Вот несколько строк из этой его книги.

«Случаи и формы маниакальной раздражительной слабости могут быть очень разнообразны. Очень часто встречается тип болтуна. Разновидность... будет фразер».

Но Шольц подробно разбирает это явление и между людьми общества, а не только сумасшедшими своей лечебницы; однако если бы последнее допустить, то людям, считающим себя «нормальными», легче бы не стало, потому что некоторые сумасшедшие только тем отличаются от так называемых здоровых, что не могут сдерживать бешеных проявлений своих страстей.

«Болтуны, — продолжает Шольц, — бывают также и между высокообразованными людьми, учеными и художниками, у которых предмет болтовни всегда интересен и поучителен»²¹¹.

Таких примеров можно привести множество²¹².

Да, болтовня есть зло, и зло величайшее, так как способно не только рассеивать наши мысли (ум), но и приводить его в совершенное исступление и бездействие.

М-р Локвуд Киплинг в очерке о ловле дикого гепарда и способе его приручения туземцами Индии между прочим говорит: «Пойманного гепарда сейчас же начинают приручать. Для этого его крепко увязывают, ... а на голову надевают повязку, совершенно скрывающую от него свет. Затем с ним постоянно разговаривают, и женский язык считается, по мнению всех, лучшим средством, чтобы не дать пленнику заснуть. Нет такого животного, которое могло бы противостоять голоду, бессоннице и женской болтовне, и несчастный гепард становится не только ручным, но даже забитым, боязливым»²¹³. <...>

Вольные поступки и движения

Дерзость может сказываться и во всем внешнем поведении и даже виде человека. Сюда относятся: близкая встреча глаз; пожатие или задерживание рук при прощании; хождение под руку; разговоры «по душам», на «сердечные темы»; искание случаев быть друг с другом наедине, например, в прогулке по лесу, по саду, в дороге, на уроках, то есть когда один бывает учителем, а другая — ученицей; пешеходные путешествия куда-либо двух или нескольких лиц мужского и женского пола, с ночлегами в поле; вход в комнату к неодетым или полуодетым лицам другого пола, хотя бы к брату или сестре; служение постороннему больному с прикосновениями к обнаженному телу, когда ухаживающего можно было бы легко заменить лицами того же пола, и во всяком случае — требовалось бы обставить другими средствами; прекращение тотчас знакомства и встреч с таким человеком, к которому уже чувствуется плотское влечение; обращение на «ты», называние полуименем («Маруся», «Гошка», «Ваня», «Шурочка» и проч.), когда люди не имеют на то родственного права, но совершенно чужие по крови; допущение такого поведения в кругу своих знакомых, что как будто человек среди членов своей семьи находится, что иные еще и поощряют («будьте, как дома», ведите себя «запросто»); позволение себе бранить другого, будто любя; или поглаживать по руке, по плечу, по ноге, по голове во время беседы; громкий разговор; крикливые возгласы²¹⁴; небрежные и неприличные размахивания и вообще действия руками при разговорах, ходьбе и за всяким делом; сидение на стуле или диване, положив одну ногу на другую²¹⁵; привычка вмешиваться во все со своим мнением; разговор с высшими лицами в духе ложной свободы, с развязностью²¹⁶, о чем вздумается, или старанье безвременно повидаться с ними²¹⁷, или дозволение себе садиться с ними в обществе рядом (например, на один и тот же диван), как будто с равными (когда знаешь, что они нас любят); особая манерная походка; интонация голоса; стрижка волос (женщинами); кричащая прическа; неряшливость в одежде во время домашней уборки, мытья полов, стирки белья; употребление таких костюмов, чтобы они производили впечатление, что вот-вот спадут с плеч или каким-либо иным образом напоминают человеку о том, о чем ему не надобно знать и напоминать и проч., и проч., чего нельзя ни рассказать, ни перечислить.

III. Как обуздать в себе дерзость? Без болезни сердечной, без трезвения, и плача, и молитв за нас святых, которых человек должен просить, чтобы помогли они ему своим ходатайством перед Богом, он не может избежать и избавиться от этой злейшей страсти. Окончательно она побеждается смирением, которое человек приобретает трудом. Рассуждение и страх Божий помогут ему и научат, как поступить в каждом отдельном случае²¹⁸.

Таковы советы, в свое время данные св. Иоанном Пророком преп. авве Дорофею, когда он был еще молодым послушником у него, относительно усмирения в себе дерзости.

Несколько примеров из жизни святых научат разумных христиан осторожности в обращении с людьми и покажут, как сами святые до самой смерти боялись давать себе поблажку даже в малейшем и как высок, почти невероятен для сознания нынешних христиан, был их подвиг против дерзости, особенно в молодые годы.

Так, авва Агафон, один из великих Египетских отцов, отличавшийся даром рассуждения и даром Божественной любви к людям, (чудные доказательства ее читатель пусть сам прочтет в его Житии), говорил: «Если бы я сильно любил кого и узнал бы, что он вводит меня в грех, то отверг бы его от себя»²¹⁹. Вот истинный делатель и исполнитель заповеди Спасителя (Мф. 18, 7 – 9).

Он же сказал: «Знаю одного брата, который, прожив долгое время в келье, где у него была постель, говорил: «Я оставил бы свою келью, не зная постели сей, если бы другой не сказал мне о ней». Такой человек — истинный делатель и воин Христов!»²²⁰

Действительно, прожить долгое время в келье, которую тебе отвели, и не рассмотреть, что в ней находится в двух шагах от тебя, — величайший подвиг! Настолько святые были самособранны, так хранили свои глаза, не позволяя им развлекаться и зря всегда долу! Ходили, занимаясь внутренней молитвой, как во сне, ничего не видя вокруг и не слыша (а авва Агафон, очевидно, и не прикасался никогда к постели, но засыпал, побежденный усталостью, на молитве, тут же посреди кельи).

Таково же делание было и у Пимена Великого.

Однажды у него сидел авва Исаак. В это время запел петух.

— Авва, здесь есть петухи? — спросил он Великого.

— Исаак! Зачем ты принуждаешь меня говорить об этом? — отвечал тот. — Ты и подобные тебе слышат петухов, а тому, кто трезвится, нет дела до них²²¹.

§ 8. Гордость

«Гордость, — сказал св. Иоанн Лествичник²²², — есть бесовское изобретение, мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судия, противница Богу, корень хулы».

Разберем некоторые из этих положений, например, что гордость есть «предтеча умоисступления».

Действительно, поскольку человек заходит в это соленое море страстей, постольку омрачается умом. «Я хочу быть малым, гордым и святым», — вешает Человек в «Тиртее» Пшебышевского. Герой хочет соединить воду с огнем, бесконечное с конечным (2 Кор. 6, 15). Но как «овца с волком не сходит для деторождения, — говорит св. Нил Синайский²²³, — так и болезнование сердечное, то есть смирение, почитание себя за малость, за ничто, не соединяется с пресыщением (и гордостью) к зачатию добродетелей». Почему же автор произносит такой умоисступленный вздор устами выведенного типа? Потому что герои Пшебышевского, как известно, все «сверхчеловеки», то есть гордецы высшей степени, высочайшей, а они мыслить и говорить иначе не могут, как нечто сумасбродное.

Но как ни невероятно это соединение гордости со святостью в устах Пшебышевского, известная шведская писательница Сельма Лагерлёф в «Легенде о птичьем гнезде»

пошла еще дальше, она вывела тип деятельно-практический, замечательный тем, что он совмещает в себе вышеупомянутые несовместимые качества. Таким образом, желание превращается в дело, хотя только на бумаге. Но важно тут одно, что писателей ни-сколько не задевает невозможность даже для мысли существования таких типов.

Такое же мышление мы находим у художественных критиков, философов, историков и др. Вот, например, отзыв Рейнака о *Pieta* Микеланджело в соборе св. Петра: «Микеланджело смело положил тело Христа на колени задрапированной Богоматери и сумел извлечь из этого контраста поразительный эффект. Богоматерь страдает молча; величие и гордость (это у Богоматери-то, смиреннее Которой никого нет на свете среди созданных тварей! (Лк. 1, 48). — *Е. В.*) не позволяют ей плакать»²²⁴. Что все это значит? А то, что помрачение не единственный факт, а явление, общее для писателей. Ведь примеры эти можно бы умножить до любого количества.

Пойдем далее. Поскольку писатели и философы выходят из культурной среды и питаются ее соками (а не церковно-благодатными), постольку они отражают в себе и в своих произведениях общий строй мысли своей эпохи, то есть гордый, а та, в свою очередь, поскольку питается их сочинениями, постольку воспитывается в понятиях и их авторов. Таким образом, происходит, выражаясь научным языком, ассимиляция, или некий эндоэксосмос²²⁵.

Впрочем, о всеобщей безумной гордости в мире и отсюда затемнении мозгов даже у его светил и «князей века» говорят апостолы (1 Ин. 2, 16; 1 Кор. 2, 8).

Но не так, не так обстоит дело у святых. Им никакая тьма не застилает очи, потому что они — «не от мира» сего (Ин. 17, 16), в котором одно сплошное безумие (1 Кор. 1, 23; 2 Тим. 3, 9), и «не от крови, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася» (Ин. 1, 13). Посему все, что они говорят, — здраво, чисто и глубоко.

Можно бы привести еще пример на слова св. Иоанна Лествичника, что гордость есть «причина беснования».

В «Воспоминаниях детства» прославившейся на весь мир своими математическими способностями Софьи Ковалевской приводится один очень замечательный случай, в высшей степени наглядно рисующий эту истину²²⁶.

Начинается гордость с тщеславия. Это — первая ступень сей страсти. На второй ступени человек начинает уничивать ближних, бесстыдно проповедовать о своих трудах, допускает самохвалство в сердце и пылает ненавистью к обличителям. Дно этой бездны составляет отвержение Божией помощи, упование только на свое тщание²²⁷.

Особенно трудно избежать гордости талантливым людям. Поэтому художники, писатели, ученые, не будучи в силах избежать «бесстыдного проповедания своих трудов» и т. п. вещей, о которых только что сказано святыми отцами, стали сперва доказывать, что этого и вообще нельзя избежать, не по силам-де человеку, а после этого спустились и еще ниже: начали говорить, что гордость даже необходима людям, это — единственный рычаг, направляющий и движущий культуру, без нее не было бы никакого прогресса.

Все эти рассуждения очень старые. Так, например, уже знаменитый Гораций хвастался, что он — первый представитель эолийской лирики в Италии («*princeps Aeolium carmen ad Italos deducisse modos*», — говорит он про себя), за что-де ему нужно дать лавровый венок и вечный памятник²²⁸. В своих «Посланиях»²²⁹ он также говорит (в первом лице), что он первый из римских поэтов показал миру, как надо писать ямбы, — «*ego primus jambos ostendi Latio*».

Если обратиться к нашему времени, то примеров не оберешься.

Два вида гордости различаются: плотская и духовная, мирская и монашеская²³⁰.

То, что сказано было в этом отношении о тщеславии, можно применить и к данному случаю. Дополнения же не настолько существенны, чтобы составляли для новонаначального большую потерю, если он о них не узнает, а подвижникам они из личного опыта известны. Потому я их опускаю.

Не разграничивая точно одну от другой, я приведу общие признаки, по которым можно будет каждому проверить, насколько глубоко сидит в нем гордость, и можно будет также знать, чего ему нужно опасаться и избегать. Отчасти эти признаки гордого устройства сердца будут расширением и распространением тех, которые указаны в самом начале этой статьи и ниже, где говорится о степени гордости.

Итак, болезнь эта определяется и протекает следующим образом. Начинается она с того, что в разговоре проскальзывает крикливость, в молчании — досада, в веселии — громкий разливающийся смех, в печальных обстоятельствах — неразумная скорбь, при ответах — строптивость, в речах — легкомысленность, слова вырываются без всякого участия сердца, безрассудно. Если все это у отрока, юноши, например, есть, то ясно, что они больны. Надо звать врача (духовного), пока не поздно, и лечиться. Иначе болезнь будет развиваться.

Терпение у человека теряется, любовь пропадает. Наоборот, он делается дерзким, склонным к нанесению оскорблений. Если нужно сделать что-либо по послушанию, то делает это очень неохотно, и то разве только в том случае, если это совпадает с его собственной волей и желанием. Никакие увещания на такого человека уже не действуют, потому что он всегда усиливается настоять на своем мнении и другому уступить никак не хочет. Таким образом, сделавшись неспособным принимать спасительные советы, он во всем доверяет больше уже своему мнению, а не старших, даже не исключая и духовного отца.

Если и на этом человек не остановится, то вскоре всякий благочинный порядок становится ему мерзким, и он начинает его бегать, как огня. Старчество, духовное руководство, правила Церкви и святоотеческие, даже Священное Писание (в церковном понимании) — всего этого он страшится как препятствующего его духовному росту и тормозящего развитие его личности. Ввериться духовному руководству кажется для него все то же, что завязать себе глаза и идти к раскрытой пропасти. Если это монах, то он начинает желать жить в уединении или, наоборот, окормлять и спасать других. Для этого спешит набрать себе учеников и учениц, пока не поздно и они не лишились сего драгоценного сокровища. Наконец, начинает думать и о том, что пора получить для сего великого дела спасения людей Божии дарования: прозорливость, дар врачевания болезней и проч., ожидает эти дары и во всех своих словах и брошенных фразах видит глубокий смысл, Господни откровения и пророчества.

Я не буду описывать более глубокие степени падения, потому что и эти уже влекут за собою геенну²³¹. Приведу только любопытный пример практического доказательств своей гордости человеком, вовсе не желающим в ней сознаваться и ее отрицающим.

Один премудрый старец, передает св. Иоанн Лествичник²³², духовно увещевал горящегося брата. Но сей ослепленный сказал ему:

— Прости меня, отче, я не горд.

— Чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты горд, как не тем, что говоришь: «я не горд»? — возразил ему мудрый старец.

Чтобы понять всю силу этого ответа, нужно знать, как поступали и чувствовали в подобных случаях сами святые.

«Кто истинно смиренномудр, — говорит великий во отцах преп. Исаак Сирий, — тот, будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в свою защиту о том,

в чем он обижен, но принимает клеветы как истину и не старается уверять людей, что он оклеветан, но просит прощения. Ибо иные добровольно навлекали на себя название блудных, но будучи таковыми²³³; другие же терпели именование прелюбодеев, будучи далекими от прелюбодеяния, и слезами свидетельствовали, что несут на себе плод греха, которого не делали, и с плачем просили у обидевших прощения в беззаконии, которого не совершали, когда душа их была увенчана всякою чистотою и непорочностью²³⁴. Иные же, чтобы не прославляли их за превосходные правила жизни, соблюдаемые ими втайне, представлялись в образе юродивых, быв растворены Божественною солию и непоколебимы в своей тишине, так что на высоте своего совершенства святых ангелов имели провозвестниками своих доблестей.

Ты думаешь о себе, что есть в тебе смирение. Но другие сами себя обвиняли, а ты, и другими обвиняемый, не переносишь сего и считаешь себя смиренномудрым. Если хочешь узнать, смиренномуд ли ты, то испытай себя в сказанном: не приходишь ли в смятение, когда тебя обижают?»²³⁵

Вышеуказанный пример с молодым монахом показывает, что последний приходил в смятение при обличении (хотя это и в тонкой форме сказывается, даже как будто смиренной с первого взгляда: «Прости меня») и, следовательно, на самом деле был горд.

Вот еще примеры болезненного самолюбия, не терпящего обличения, примеры, попавшие уже в курсы психиатрии, а их авторы в число сумасшедших и умоисступленных. И это даже по приговору внешней науки!..

«Даламбер (известный философ эпохи «просвещения», внесший свой вклад в подготовку французской революции) и Менаж, говорит Ломброзо²³⁶, спокойно переносившие самые мучительные операции, плакали от легких уколов критики. Лючио-де-Лансеваль смеялся, когда ему отрезали ногу, но не мог вынести резкой критики Жофруа».

Мне кажется, после этого уже нельзя говорить, хоть тому же Даламберу или его праправнукам, что монахи куда негоднее люди, когда настоящие из последних от своих послушников требуют несравненно больше того, чего не могут достичь прославленные философы мира.

После всего вышесказанного понятно, что всякому, кто еще не окончательно ослеп душою, хочется выбраться из этой ямы. Желание тем более законное, что пока гордость будет сидеть, как владычица на троне в его душе, то ему не только не освободиться от какой-либо страсти, но если бы он имел и какие добродетели, то неминуемо пришлось бы потерять их из-за ее яда.

Какими же способами можно задавить в себе эту ехидну? — Для этого предлагают преп. Иоанном Кассианом²³⁷ следующие средства.

1. *Смирение*. Именно нужно нам с искренним расположением сердца, считая себя хуже всех, изъявлять всем окружающим истинное смирение, заботясь, чтобы ни в чем их не обидеть или не оскорбить.

2. Этого мы никак не можем исполнить, если из любви ко Христу не будет утверждено в нас истинное *самоотвержение*. Оно состоит в оставлении пристрастия к своему имуществу и полной нестяжательности.

3. *Послушание*. Оно требует от нас подчинения с простым сердцем, без всякого притворства, так, чтобы, кроме приказанья своего начальника или духовного отца, вовсе не жила в нас никакая своя воля.

4. Это может исполнить только тот, кто считает себя не только *мертвым для мира*, но и *неразумным, глупым*. Так что все, что ни прикажут ему старцы, он будет исполнять без всякого исследования, считая это священным и возвешенным от Бога.

Это уже залог спасения и непоколебимости душевной при всяких скорбях и оскорблениях. Чтобы легче было их переносить, можно прибавить еще три правила.

5. Необходимо всегда размышлять умом о страданиях нашего Господа и всех святых, думая (вполне правильно), что наши скорби — ничто в сравнении с их скорбями.

6. Нужно также постоянно помнить, что мы через малое время переселимся из нынешней жизни и, если окажемся достойными, будем соучастниками их в будущей.

7. После всего этого будем твердо держаться еще смирения по отношению к Богу, то есть будем сознавать, что как бы ни велики были наши подвиги и добродетели, но они — дар Божий, а сами по себе мы их бы не могли никак совершить. Лишь невидимая нам помощь Божия, постоянно действующая, дала нам возможность получить то, что мы имеем, если только мы действительно что-нибудь имеем, а не пустой то призрак обольщенной духом тщеславия души.

Глава IV. Крайняя степень падения духовной сущности человека

§ 1. Прелесть у верующего христианина.

Прелестное подвижничество и молитва

Прелесть (πλάνη от πλανάω — «сбивать с прямого пути», «заставлять блуждать»²³⁸) есть обманывание и обольщение других (Мф. 27, 64; Еф. 4, 14) и собственное заблуждение или самопрельщение (1 Фес. 2, 3). В том и другом смысле оно противоположно истине (Ин. 14, 6) как истиннолюбию и правдивости и как несомненному знанию действительной истины²³⁹. Прелесть — это лживое устроение души, основанное преимущественно на гордости, в то время как человек, наоборот, мечтает о себе, что он достиг настоящего духовного познания вещей, а все вокруг него ошибаются.

I. Состояние каждого страстного человека, в общем, есть прелестное. Про всякого, кто еще не очистился от страстей, можно сказать, что он в известной степени находится в прелести, то есть некоторые вещи понимает не так, как должно, и тонкие внушения и действия врага принимает за благодатные откровения. Например, легкая нервность и возбуждение после и во время усиленной молитвы, искание прозорливости и чудес у почитаемых нами людей или даже у себя; вещие сны, замечание в себе способности понимать и говорить о духовных вещах; настойчивость в отстаивании своих мнений; восторженность и восхищение чужими подвигами (старцев) при полном нежелании и небрежении о том, чтобы исполнять на деле то, чему они учат (хотя постоянно и говорят эти люди про старцев и берут у них без счета советы); интерес к тому, что выше новоначального разумения; выведывание о том, как чувствуют и мыслят духоносные люди и после передачи этого другим как бы от своего лица; желание напоить всех своею любовью, стремление научить других духовному пути и просвещать падших и заблудших и проч., и проч. — все это у человека, недавно приступившего работать Господу, иными словами, не успевшего стяжать хоть сколько-нибудь смиренного чувства и духовной опытности и омыть слезами покаяния свои собственные скверны, но считающего себя достойным этих состояний, есть начатки прелести. Особенно вышеупомянутые качества отличают женщин, окружающих разных «братцев» и «старцев». «Свидетельствую им, — говорит Апостол, — яко ревность Божию имут, но не по разуму» (Рим. 10, 2).

Нельзя отрицать того, что и Сам Бог иногда утешает нелицемерных послушников и послушниц за их сердечные болезни и отсечение воли. Но таковые, хотя и мо-

лоды, но не увлекаются этими состояниями и не делятся своими переживаниями с подружками. Даже перед собой они скрывают, если нечто подобное у них и появится. И не доверяют себе, а идут сказать об этом своему духовному отцу, и что он скажет, хоронят на дне своего сердца, как в могиле, подражая в этом Смиреннейшей из благословенных жен и дев (Лк. 2, 19). У таковых огненными буквами начертаны в душе слова досточудного Иоанна Синайского: «Рукою смирения отвергай приходящую радость, как недостойный ее, чтобы не обольститься ею и не принять волка вместо пастыря»²⁴⁰. И еще: «Не стремись к видению не во время видения. Пусть лучше само оно, привлеченное красотой твоего смирения, придет к тебе, обнимет тебя и соединится с тобою чистейшим браком на веки веков»²⁴¹.

II. Источники и виды прелести в собственном смысле. Прелесть потому так широко и глубоко пронизывает всю жизнь человека и его отношения к Богу, к людям и самому себе, что основания ее уходят далеко внутрь самого существа нашей души, растленной грехопадением. К тому же по причине этого грехопадения диавол получил доступ к человеку, что Бог попускает для того, чтобы человек, как свободное существо, с помощью благодати учился закалять свою волю посредством искушений в добре и тем освобождаться постепенно от зависимости и кабалы сатаны.

Посему источники прелестного состояния можно разделить на два рода: субъективные, берущие свое начало и питающиеся за счет павшего естества самого человека, и объективные, зависящие от действия демонов. В первом случае гордость, которая обычно подпирается здесь, с одной стороны, тщеславием, а с другой — блудом, является главным производителем этого пагубного состояния, во втором — непостижимые для человека козни бесов.

Соответственно этому сказываются и результаты: одни — естественного происхождения и представляют плод расстроенного воображения и чувства самого человека, другие — сверхъестественные и находятся вне существа последнего.

Где кончаются одни и начинаются другие, могут разобраться только духоносные люди. Вот почему новоначальным должно руководствоваться вышеприведенным правилом преп. Иоанна Лествичника. Некоторые из этих результатов, как я говорил, начинают появляться уже в обычной обстановке жизни человека, но другие появляются исключительно от неправильно поставленных, то есть без руководства опытного духовного лица, усиленного подвижничества и молитвы. Ибо диавол всего более ненавидит молитву и гласа утверждения (Притч. 11, 15) рассудительных старцев. Этот последний род прелести, собственно, и составляет предмет внимания и рассуждения среди старцев.

III. «Мнение». Это первый вид серьезной прелести. Основа ее — в извращенном воспитании сердца. Главная страсть, посредством которой она, родившись от гордости, питается, есть блуд, начиная с едва уловимой, а иногда и неуловимой для человека, тонкой половой и вообще чувственной возбудимости и кончая извращенными формами сладострастия. Таким образом, разгоряченное действие естественного кровообращения и чувственности легко принимается здесь за благодатные действия Святого Духа. У святых отцов это состояние называется «мнением», потому что «одержимый этою прелестью мнит о себе, что он имеет многие добродетели и обилует дарами Духа»²⁴².

У людей, впадших в это обольщение, постоянно случаются «благодатные озарения»²⁴³, «божественные откровения»²⁴⁴, «неземные переживания»²⁴⁵ за молитвой; «духовные восторги»²⁴⁶, «усладительные ощущения благодати» и т. п. Неумеренное подвижничество и разврат, который очень часто сопутствует таким душевным расстройствам²⁴⁷, обостряют все эти явления. При сильном же действовании тщесла-

вия, заставляющего человека постоянно желать и ожидать скорых результатов своих «подвигов», бесы не замедлят прийти на помощь²⁴⁸. И тогда сообщают человеку, что делается в других местах, показывают мысли, которые они внушают другим людям, через что делают человека «ясновидящим», как принято выражаться в научных книжках, или «прозорливым», как выражаются в церковном обиходе. Иногда бесы, попушением Божиим, производят разные видения якобы святых или Самого Христа или, наоборот, страхования, непонятные и странные явления, чтобы сбить человека с толку и привести его в недоумение, рассеяние²⁴⁹. Иногда блуд в явной форме вначале не проявляется, а только уже, когда злые духи окончательно завладеют сердцем человека, выступает наружу во всей силе²⁵⁰. А бывает и так, что и совсем не проявляется; тогда один бес гордости заменяет собою всех прочих. И это в то самое время, когда человек по наружности бывает очень смирен, набожен, святые слова не сходят с его языка, называет себя вслух великим грешником и проч. На самом же деле, в тайниках своей души такой человек очень злобен, мстителен, жесток, богохулен, ненавистник всего христианства и Самого Бога. В конце концов, яд свой он извергает наружу и делается еретиком, богоотступником, хулителем и гонителем Церкви, смотря по силе своего развращения, обстоятельствам, месту и времени.

Примеров из области прелестной мистики можно привести без числа: истинных делателей на ниве Христовой мало (Мф. 9, 37), а лживых, прелестных сколько угодно. Если среди православной пшеницы встречаются плевелы, то что говорить об участках духовной земли, засеянных бурьяном. Стоит только переступить за черту церковной ограды, и мы сталкиваемся с самыми различными типами прелестников, описание проявлений нездоровой психики которых, только слегка, заняло бы целый громадный том²⁵¹.

Я здесь приведу замечательный случай, происшедший в молодости с преп. Елисеем, учеником блаженного аввы Исаии, известного отшельника Египетского²⁵². Рассказывал об этом сам преподобный так. «В юности моей от болезни я находился при смерти. Отец мой ежедневно призывал врачей и прилагал особенное попечение, чтобы они меня исцелили. Врачи, много потрудившись, не могли исцелить меня от болезни и, наконец, сказали моему отцу: «Этот юноша умрет прежде истечения трех дней» ... Отец мой, услышав это от врачей, умилился, со многими слезами поспешил он в церковь святого евангелиста Марка²⁵³ и нашел, как после сам сказывал, в храме монаха, весьма старого. Увидев моего отца печальным, этот монах сказал ему:

– Что с тобою, господин Прокопий, о чем скорбишь?

– Тот, Кто открыл тебе мое имя, откроет и причину печали, – отвечал мой отец.

Старец сказал:

– Пойдем в дом твой.

Пришел в наш дом, старец посетил меня и сказал моему отцу:

– Приведи твою супругу.

Мать моя была христоролюбива и монахолюбива, отец же мой крайне ненавидел монахов.

Старец сказал моему отцу:

– Трех заповедей ищет от тебя Бог, и если сохранишь их, то дарует жизнь сыну твоему.

– Свидетельствуюсь св. евангелистом Марком исполнить то, что ты мне заповедуешь, – сказал мой отец.

Старец продолжал:

– Вот, пятнадцать уже лет, как ты прелюбодействуешь и блудодействуешь, скверня ложе своей жены, и за это²⁵⁴ Бог посек преждевременною смертью пятерых

детей твоих. Второе: юношу этого не сочетавай браком, но пусть он вступит в монашество. Третье: с арианами и феодосианами²⁵⁵ более не сообщайся.

— Сохраню слова твои во все дни жизни моей, — отвечал ему отец мой.

Старец помолился, и я выздоровел в продолжение трех дней. После этого я жил три года у моего отца и отец мой обручил меня с племянницей жены игемона. Когда отец готовил все нужное к браку, то лютый бес начал тревожить обрученную отроковицу и мучить ее немилостивно и жестоко. Родители ее и мой отец в продолжение 17 месяцев водили ее везде и всюду по церквам, подавая милостыню, даже приводили ее к волхвам и чародеям, но нисколько не успевали: девица пришла в худшее состояние. С общего согласия и совета они приводят ее к отцу Макарию²⁵⁶. Туда пошел и я с нею, и отец мой. Старец, взяв елей и сотворив молитву над ним, повелел матери девицы омыть ее и потом помазать елеем от главы до ног²⁵⁷. Когда она была помазана, то бес начал взывать: «Горе, горе!...» Вышедши из отроковицы, он напал на меня и в семь крат сильнее мучил меня. Так я провел 30 дней, жестоко мучимый бесом. И вот приходит тот старец, который прежде разговаривал с моим отцом и исцелил меня от болезни. Отец, увидев его, убежал. Старец, взяв меня, привел в свою келью. Препроводив всю ночь в молитве и коленопреклонениях, он отгнал беса от меня, потом остриг власы главы моей, одел меня в монашеский образ и поручил меня отцу Исаии. Сей старец имел другого ученика, по имени Петр. Так я прожил у старца девять месяцев.

Отец мой, услышав о случившемся со мною, послал четырех слуг с восемью верблюдами, обремененными всякого рода съестными припасами и овощами; при этом послал и письмо ко мне. Взяв письмо и прочитав его, я начал плакать. Отец Исаия, увидев в моих руках письмо, встал, вырвал его из рук моих и разодрал. Когда я за это вознегодовал, то старец начал меня укорять перед слугами моего отца. С этого часа объял меня бес ненависти, я не мог видеть старца, ни слышать его голоса. Я смотрел на него как на скомороха; слова его казались мне стрелами, обоюдоострым мечом. Стоя с ним на молитвах и бдениях, я проклинал его и от большой ненависти и омерзения, которые я питал к нему, несколько раз вставал ночью, намереваясь убить его, но боялся и страшился бывшего со мною другого ученика, Петра. Старец не переставал наставлять меня и учить, иногда увещевая, иногда же и угрожая. Когда я шел причаститься Святых Таин, то он мне возбранял и отгонял с укоризнами и отлучал меня от трапезы, говоря: «Не дам тебе пищи, доколе не скажешь: «Я согрешил, прости меня»²⁵⁸. Я же делал все напротив: крал и ел тайно; когда он стоял на молитве, я сидел; когда он упражнялся в бдениях, я спал; когда он плакал, я смеялся...

Сколько я был послушлив бесу! Он начал мне показывать в снах неподобные мечтания на старца, а я, окаянный, верил этим мечтаниям и часто наяву видел то, что прежде представлялось мне во сне. Я начал верить скверным и нечистым помыслам на старца, истекающим из моего сердца и смущающим меня, и соглашаться с ними. Итак, помыслы смущали меня внутренно, а бесы извне возбуждали меня на ярость, гнев и огорчение. Бес гордости, или, лучше сказать, погибели, соделался моим учителем, и чему он научал меня тайно и сокровенно, то начал я произносить и говорить перед всеми. Сидя, говорил я себе от горести: «Кто этот льстец и лицемер, низкого происхождения, коего я, будучи такого города и такого рода, сын благородных родителей, кипящих богатством, имеющих столько четвероногих, сделался учеником?.. Или в самой вещи, как раб, ему предстою, подаю воду на руки, готовлю трапезу, как слуга, воду ношу, дрова собираю и, как раб, ему работаю? Он бы должен мне работать и повиноваться, а не я ему... Сколько горестей, огорчений, скорбей и печали, укоризны и бед я потерпел от него! Сколько он принуждал меня голодать, жаждать, не спать и лежать на голой земле! Сколько он меня уничижал!

Сколько зла он мне сделал!..» Когда бес внушал мне это, то я более и более предавался гневу, почитая себя обиженным и потерпевшим много зла. Помысл говорил мне: «Уйди от этого проклятого и пребывай наедине в келье, подобно всем отцам: ибо он не монах и не христианин». От таковых помышлений я начал снова видеть сны о старце, будто он играет с женщиною и скачет пред кумирами, и, доверившись снам, утвердился в мысли, что старец есть враг Божий и друг бесам.

Вдали от скита, расстоянием как бы в девяти стадиях²⁵⁹, было эллинское капище, среди которого стоял мраморный кумир. Старец имел обычай каждую субботу выходить из скита и, сидя в капище, предаваться плачу. Были там и гробы язычников. И показалось мне во сне не однажды, но несколько раз, что старец приносит жертву и поклоняется идолам, и я почитал сны эти истинными. В тот час, в который старец обыкновенно уходил в капище, упредив его, я вышел из кельи и спрятался внутри капища, в кустарнике. Вижу — идет старец и впереди его женщина. Когда вошла женщина, вижу, она молится и поклоняется идолу; и когда она окончила молитву, вижу, старец, пришедши, поклоняется идолу, целует жену и впадает с нею в прелюбодеяние. Потом старец возвратился в скит, а жена — в луг... Это седмикратно ясно я видел и твердо уверился в этом. И когда братия приходили к старцу ради пользы, то я, сидя вне кельи, говорил им: «Братия! Этот отец блудник и идолослужитель. Зачем прельщаетесь, приходя к нему?» Таким образом продолжал я говорить инокам, приходившим к старцу, четыре месяца.

Но сколько я ни старался возбранить им приходить к старцу, они, руководимые благодатию Божиею, продолжали ходить к нему. Видя это, я, несчастный, сокрушался и воздевал на небо руки, говоря: «Господи! Даруй мне терпение!» Ибо я, окаженный и страстный, думал, что терплю ради правды, и, как делающий добродетель, говорил со вздохом: «Слава Тебе, Боже, от какой чести в какое пришел я бесчестие и чем сделался!» И плакал. Старец, видя меня в таком положении, говорил: «Чадо доброе! Очисти свое сердце, смири свои помышления, возлюби смирение Христово, гнушайся гордости и внимай себе». Когда он говорил это, я гневался, огорчался и смущался. Слова его казались мне разжженными стрелами, снедающими меня. Когда я сидел с ним за трапезою, то пища казалась мне смрадом, и я гнушался, и до того, что не однажды и не дважды, но и много раз отбрасывал нечто из нее.

Помысел внутренне не переставал смущать меня, говоря: «Уйди из кельи сего старца, а если можно и из скита: ибо, смотря на сего старца, не можешь спастись». Я говорил сам себе: «За что я терплю таковые страдания? В мире я не делал ни блуда, ни прелюбодеяния, ни воровства, ни убийства...» Помысел, или, лучше сказать, бес, говорил мне: «Ты достоин сожаления, ты оскорбил отца своего, мать, сродников и друзей, оставил святых отцов, пришел к этому обманщику иночествовать, жительство коего нечестиво, который немилостив и дерзок». Бес, внушая это мне, находил меня готовым к принятию скверных и злых помыслов. Будучи погребен во тьме, я думал, что хожу во свете, будучи сатаною, почитал себя монахом и, вместо того чтобы оуждать и осуждать себя, осуждал раба Божия. Когда я находился в таковой буре от смущения помыслов, отец известил меня письмом, что мать моя умирает, «приди увидеться с нею, прежде нежели она умрет».

Итак, я сказал отцу Петру: «Поистине мне нужно пойти повидаться с моею матерью». Брат пошел и сказал об этом старцу. Старец же, пришедши ко мне, начал говорить: «Чадо доброе! Пребывай здесь с терпением Бога ради и оставь пристрастие к отцу и матери, ибо мы имеем Отца и Матерь, Коею Промысл устроит им и нам полезное. Если же ты преслушаешь меня и пойдешь, то родителям не принесешь никакой пользы, а себе более повредишь; впоследствии много будешь раскаи-

ваться в сем, но без пользы. Впрочем, отступление твое накажет тебя». Услышав это от старца и, по действию бесовскому, воспламенившись гневом, я отвечал старцу:

— Обманщик, идолослужитель, блудник и прелюбодей! Хочешь ты сделать меня подобным себе идолослужителем и блудником?

— Благодать Божия в устах твоих, чадо! — отвечал мне старец.

А я кричал:

— Обманщик!! Идолослужитель!!..

Так что многие из отцов стеклись на голос мой, и все старцы меня укоряли и проклинали. Я же, наущаемый бесом, схватив свою одежду, разодрал ее во гнев сверху донизу и, бросив в лицо старцу, вышел нагой из кельи. Вошел в келью одного из старцев, украл у него праздничную одежду и отправился в Александрию.

Я нашел мать свою уже умершею, а отца больным. По истечении трех дней скончался и мой отец. В то время как я заботился, размышляя о имени и прочем богатстве, и раскаивался в том, что принял монашество, приблизился вечер. Когда я лег на постель и помышлял о ските и об отце Исаии, то со стенанием говорил:

— Слава Тебе, Христе, Боже мой! Ты избавил меня от сего обманщика, лживого старца...

Едва я произнес эти слова, как услышал голос, говорящий подобно грому:

— Пагуба и всегубительство дому Прокопиеву!

Тотчас поднялся ветер и дом загорелся с четырех углов. Я встал в смущении и едва мог я и все, бывшие в доме, выйти из него, ибо огонь со всех сторон охватил дом. Сбежались все александрийские жители, но никакой помощи не могли подать, ибо огонь поедал и самые камни. Я стоял посрамленный и стыдился, помышляя о случившемся, и от великой печали и уныния пошел и повергся в церкви св. Мины.

Опять бес, приняв подобие мученика, сказал мне:

— Знай, что виною всего случившегося с тобою был отец Исаия.

Опомнившись, я сказал:

— Поистине этот обманщик есть чародей и послал бесов спалить мой дом.

Утром, встав, пошел я к патриарху и сказал:

— Владыко, отомсти за меня идолослужителю отцу Исаии. Ибо он своим волхованием сжег мой дом и все, что было в доме.

— Немы да будут устны лстивыя, глаголющая на праведнаго беззаконие (Пс. 30, 19), — отвечал мне патриарх.

С произнесением этих слов патриархом я увидел мурина, который стал бить меня огненным жезлом и облек в железную броню. Я упал к ногам патриарха, неистовясь. Тогда патриарх простер ко мне руку, и узы языка моего разрешились. Но я семь месяцев провел, мучимый лютым велиаром, представляя собою для всех зрелище, достойное сожаления. Нужно было связывать меня железными цепями. Я бил себя и всех меня окружавших; ел человеческие извержения. Христолюбивые люди, сожалея обо мне, одевали меня, потому что я скитался нагой, терзал свое тело и одежду, муча себя и толкая встречающихся. От недостатка в пище, от грязи и нечистоты, в которых я лежал и валялся, тело мое покрывлось струпьями, подобно чешуе. Христолюбцы города Александрии, увидев некоторых скитских отцов, привели их ко мне. Но отцы, видя меня, не узнавали. Тогда христолюбцы сказали:

— Это сын Прокопиев, принявший монашество у аввы Исаии.

Отцы сказали:

— Окажите любовь, доставьте его в скит.

Христолюбцы приискали проводника с верблюдом, дали ему золотую монету и, связав мне руки и ноги, отправили в скит.

Скитские отцы собрались в великую церковь, совершили всенощное бдение, молились о мне и, помазав все тело мое елеем, отгнали от меня беса. Однако раны и струпья продолжали меня мучить. Тогда я, недостойный и грешный, рассказал им подробно все случившееся со мною, всем поведал мое бедствие и умолял, чтобы явили мне милость, умолили старца принять меня на покаяние и не допустить ко мне нового искушения от беса. Старцы пошли и привели отца Петра, другого ученика аввы Исаии, бывшего со мною. Он, увидев меня лежащего и тело мое, сгнившее от ран и струпьев (отцы, желая преклонить старца к милости и сожалению, сняли с меня одежду, в которой я был, и нагого положили на рогоже), повергся на меня, и не было конца слезам его. Я лежал в трепете, не смея и взглянуть на него. Поплакав довольно, отец Петр встал, взяв некоторых из отцов, пошел и привел авву Исаию.

Когда я увидел старца, идущего ко мне, то воззвал:

— Раб Божий, помилуй меня, прельщенного бесом! Не оставь меня в совершенную радость и веселие душегубительному врагу! Довольно я наказан, был мучен по справедливости!

Старец, плакав довольно, спросил меня:

— Чадю! Познал ли, что падение бывает наказанием для гордых?

— Познал, отец мой, — отвечал я, — познал из того, что случилось со мною, и научился из того, чему подвергся! Я уверовал, что Господь правосудно воздаст каждому по делам его.

Старец, знаменовав меня крестным знамением, сказал:

— Бог, Содетель всякой твари, да простит мимошедшее и да исправит будущее.

Положили меня на одр и отнесли в келью. Через несколько дней я исцелил благодатию Христовою и молитвами старца. Исполнились на мне слова пророка: «бродягами и уздою челюсти их востягнеша, не приближающихся к Тебе» и еще: «многи раны грешному» (Пс. 31, 9 — 10).

Отцы скита, видя, что все случившееся со мною достойно описания, призвали Пиония, искусного краснописца, и приказали мне с точностью и подробностью рассказать ему все. Краснописец, написав повесть, поместил в первой книге, в которой помещены статьи о мечтаниях и искушениях бесовских²⁶⁰. После этого я уже пребывал с отцом моим Исаиею, во всем ему повинаясь, — закончил сими словами преп. Елисей свой назидательный рассказ²⁶¹.

Таким образом, мы видим, что зараженный «мнением» в чувстве набожности и правоты, которые он считает от всей души истинными, готов на любые преступления. История действительно показывает многочисленные примеры, когда люди их совершали, «мняся службу приносить Богу» (Ин. 16, 2).

IV. «Мечтательность». Этот род прелести есть следствие неуместной деятельности воображения во время молитвы. Когда мы молимся, то ум должен у нас молчать, а сердце говорить. Никаких образов не должно быть, как равно, впрочем, и сердце должно содержать себя в благочинии, то есть должно быть «сокрушенно и смиренно» (Пс. 50, 19).

Один из величайших делателей сокровенной молитвы, достигший истинного созерцания Божественных вещей, преп. Симеон, Новый Богослов так описывает мечтательное молитвенное делание прелестников этого типа. «Отличительные свойства (этого) образа (молитвы) таковы: когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои, и очи свои, и ум свой, держит в уме Божественные помышления, воображает блага небесные, чины ангелов и обители святых, и кратко — все слышанное в Божественных Писаниях — собирает в ум свой и рассуждает о том, — тогда, во вре-

мя молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет.

...При этом образе молитвы, если кто на нем одном останавливается, бывает, что мало-помалу молящийся так начинает кичиться в своем сердце, сам того не понимая. Ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это есть знак прелести.

Такой человек, если убезмолвится крайним безмолвием (то есть сделается за-творником), то ему едва ли можно не сойти с ума. Но если и случится, что не сойдет он с ума, все же невозможно ему будет стяжать добродетели или бесстрастие. Стоя на этом пути, прельщаются и те, которые видят свет телесными своими очами, обоняют благоговения своим обонянием, слышат голоса своими ушами и т. п. Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде ангела света, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не желая слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом: иные бросились в пропасть; иные удавились. И кто может пересказать разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?..

...Если же и случится кому из употребляющих сей образ (мечтательной молитвы. — Е. В.) не пострадать ни от какого из тех зол, о коих мы сказали, по причине сожителства с братьями (потому что им подвергаются особенно те, которые живут уединенно), то все же он всю свою жизнь проведет, не преуспев в духовной жизни»²⁶².

Примеры на это прелестное делание представляют:

1. *Католическая мистика*. Выше довольно было уже указано случаев ненормальности духовного устройства католических так называемых святых. Здесь я укажу на некоторые черты из жизни одного из самых знаменитых подвижников Запада, именно — Франциска Ассизского. В нем соединились вместе обе вышеуказанные крайности — необузданное тщеславие и самомнение, с одной стороны, и чудовищная мечтательность и воспаленное воображение — с другой.

Вообще необходимо оговорить здесь, кстати, что в действительности очень часто совмещаются оба вида прелести и разделяют их в аскетике так для удобства описания и для более легкого наблюдения за самим собой. А что касается существа самих демонских козней, то кто может разместить их по определенным местам и заставить действовать так, а не иначе?..

Итак, Франциск Ассизский, прежде всего, начал свой подвиг лживо и прелестно, именно — с гордости и тщеславия. «Знаете ли, — говорил он²⁶³, — что будет день, когда весь мир преклонится предо мною?» Чем дальше, тем эти страсти росли в нем все больше. Через пять приблизительно лет после своего вступления на стезю к своему прославлению, 14 сентября 1224 года, на рассвете, Франциск так уже молился около своей кельи ко Христу: «... Я прошу Тебя только о двух милостях: первая — чтобы я мог душою и телом пережить все те страдания, которые Ты испытал, и вторая — чтобы я мог прочувствовать всем существом моим ту неограниченную любовь, которою горел Ты, Сын Божий...» <...>

Что касается до деятельности его воображения, то в этом отношении Франциск превзошел всех своих предшественников на своем прелестном пути: он мог свободно силою своего воображения, сосредоточенного на крестных страданиях Спасителя, разгонять свою кровь по соответственным направлениям, то есть к местам язв Господних, рукам, ногам, правой стороне груди; так что кровь, наконец, пробивалась наружу и образовывала шрамы, получившие название «стигматов».

Представление умом (чисто внешним образом) событий из жизни Христа произвело то, что Франциск стал даже в своей физической жизни копировать²⁶⁴ их, что, конечно, есть дело дерзкое, кощунственное и гордостное. Наконец, в припадке мании величия он скончался со словами: «Я исполнил то, что должен был исполнить. Я возвращаюсь к Богу; да помилосердится Он над вами...»²⁶⁵. А сам как будто бы уже не нуждался в милосердии?..

2. *Индусская мистика*. Хотя она не христианская и даже враждебно настроена против христианства, но я позволю себе сказать несколько слов о ее учении, как развивать свою внутреннюю силу, потому что всеми этими учениями, родственными между собою, слишком увлекаются люди времен антихристовых, к которым нам нужно готовиться. Едва ли не будут они воспитаны целиком на этой мистике оккультистов, представляющей полную противоположность христианской. Это, впрочем, и неудивительно, ибо изобретатель ее — диавол — может преподавать учение, только противоположное Христову.

У индусских йогов (особенно этому учит Раджа-йога)²⁶⁶ все дело заключается в развитии воображения и фантазии. «Воображение — это способность, которая больше всего имеет значение в индусской мистике», — говорит писатель, взявшийся в свое время, — добровольно или по поручению, не знаю, — распространять оккультные идеи в русском обществе²⁶⁷.

Значение это с практической стороны объясняется очень просто. В положении этих людей — при устранении Личного, Живого, Любящего Бога — что же остается человеку делать, когда на него надвигаются события, которых он не в силах предотвратить? Верующий христианин поплачет, помолится, и Бог совершит, если нужно будет, для него и чудо. А так как йоги, при всей близости к демонам (имеющим низшую степень посвящения они не сообщают этой тайны), не в силах изменить определения Божии, зависящие от покаяния человека и правой веры, то они измыслили свое «спасение», а именно защищаются от несчастий: 1) верой в фатализм («что будет, то уж будет, ничего не поделаешь, нечего заранее посему и волноваться») и 2) воспитанием своего духа таким образом, чтобы если случилось подвергнуться необходимому удару судьбы (эпидемии, войне, личному несчастью, приближению смерти), то не растеряться бы и постараться замкнуться во внутреннем своем мире так, чтобы внешнее туда никак не проникало. Этот мир фантазии, очень далекий от всего внешнего, но благодаря долгому воспитанию дающий йогу иллюзию реальности, создает ему видимое и, если угодно, внутреннее спокойствие²⁶⁸. Понятно, что на высших степенях посвящения, когда йоги входят в непосредственные отношения с демонами и активная или пассивная концентрация²⁶⁹ переходит в состояние погружения в нирвану, прелесть сообщает человеку полную нечувствительность к миру. И этим они довольны, говорят о сем, как о чем-то великом.

V. Врачевства против прелести. «Никак не прими, — говорит преп. Григорий Синаит, — если увидишь что-либо чувственными очами или умом, вне или внутри тебя, — будет ли то образ Христа, или ангела, или какого святого, или если представится тебе свет... Будь внимателен и осторожен! Не позволяй себе доверять чему-либо, не вырази сочувствия и согласия, не вверься поспешно явлению, хотя бы оно было истинное и благое. Пребывай холодным к нему и чуждым, постоянно сохраняя ум твой безвидным, не составляющим из себя никакого воображения и не запечатленным никаким изображением. Видевший что-либо в мысли или чувственно, хотя бы то было и от Бога, и принимающий поспешно удобно впадает в прелесть, по крайней мере, обнаруживает свою наклонность и способность к пре-

лести, как принимающий явления скоро и легкомысленно. Новоначальный должен обращать все внимание на одно сердечное действие, одно это действие признавать непрелестным, — прочего же не принимать до времени вступления в бесстрастие. Бог не прогневается на того, кто, опасаясь прелести, с крайней осторожностью наблюдает за собою, если он и не примет чего посланного от Бога, не рассмотрев посланное со всей тщательностью; напротив того, Бог похвалит такого за его благоразумие»²⁷⁰.

Итак, действия сердца, то есть чувство покаяния, слезы, сокрушение о своих грехах, самоукорение, память смертная, страх Божий, смирение — вот незаблудная стезя к получению спасения и истинной молитвы и, если то будет угодно Господу, дара видения. Сознание собственных грехов и почитание себя ниже всякой твари и самих бесов²⁷¹ пусть, как болячка, врастает в наше сердце. Тогда только мы можем надеяться, что прелесть и демоны нас не погубят, а благодать Божия нас воспримет.

§ 4. Размеры подвигов. «Царский путь»

I. Святые отцы, как мы только что видели, несшие величайшие подвиги выше природы человеческой и не дававшие себе ни в чем ни малейшей поблажки, были, наоборот, очень снисходительны к другим. Ибо они знали, чего стоит подвиг... Только ведь тот, кто никогда не подвизался, может укорять и осуждать других за каждую мелочь, что мы и видим в разных мастей хулителях монашества или спасающихся мирян и что отметил и обличил еще Христос (Мф. 23, 4). А те, которые кровью выстрадали каждый свой шаг на пути спасения, завешивали своим духовным чадам совсем другое.

«...Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худых по жизни своей. Распусти одежду свою над согрешающим и покрой его. Если не можешь взять на себя грехов его и понести за него наказание и стыд²⁷², то будь, по крайней мере, терпелив и не стыди его...» Так поучает величайший и строжайший подвижник — св. Исаак Сирийский²⁷³. Где найдется в настоящее время настолько любящая мать, которая бы охраняла интересы своих детей таким же образом, как сей отшельник заботился о совершенно чужих и чуждых ему людях, то есть о прелюбодеях, грабителях и тому подобных лицах зазорного поведения!..

Но продолжаю дальше выписку.

«Знай, брат, — наставляет преподобный, — что для того нам и надобно не выходить из дверей кельи, чтобы не знать злых дел человеческих. И тогда в чистоте ума своего во всех увидишь людей святых и добрых. Если же станем обличать, вразумлять, судить, исследовать, наказывать, укорять, то жизнь наша чем будет отличаться от жизни городской? И если не оставим этого, что будет хуже пребывания в пустыне?..»²⁷⁴.

Таково отношение настоящих монахов к грешникам. Во всех они видят добрых и святых людей и если человек грешит на их же глазах и отрицать греха уже нельзя, то они берут ризу свою и покрывают его... чтобы не увидели посторонние²⁷⁵. А сами — видя, не видят, и слыша, не слышат...²⁷⁶

«Об авве Макарии Великом утверждали, — говорится в «Достопамятных сказаниях»²⁷⁷, — что он был, как сказано в Писании (Пс. 81, 5), бог земной; потому что, как Бог покрывает мир, так и авва Макарий покрывал согрешения, которые он и видя, как бы не видел, и слыша, как бы не слышал».

Что же сказать о том случае, когда поучения святых отцов относятся к миру, хотя и немощному, но хоть сколько-нибудь внимающему себе! Заранее можно дога-

даться, что они скажут словами Апостола: «Мы могли явиться с важностью, как апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится со своими детьми...» (1 Фес. 2, 7).

Продолжу дальше выписку из св. Исаака Сирина.

«...Если не безмолствуешь сердцем, безмолствуй, по крайней мере, языком. Если не можешь держать в благоустройстве свои помыслы, то хотя чувства свои содейлай благоустроенными. Если не один ты своею мыслью, то будь хотя один своим телом. Если не можешь потрудиться телом своим, поскорби хотя умом. Если не можешь бодрствовать стоя, то бодрствуй сидя или лежа на ложе твоём. Если не можешь поститься в продолжение двух дней, постись, по крайней мере, до вечера. А если не можешь и до вечера, то остерегайся, по крайней мере, пресыщения. Если не свят ты сердцем своим, то будь чист хотя телом. Если не плачешь в сердце своем, то, по крайней мере, облеки в плач лице свое. Если не можешь миловать, то говори, что ты грешен. Если ты не миротворец, то не будь хотя любителем мятежа. Не можешь стать рачительным, по крайней мере в образе мыслей своих, будь не как ленивый. Если ты не победитель, то не превозносишься мыслью над теми, которые подлежат ответственности. Если ты не в состоянии заградить уста клеветующему на друга своего, то, по крайней мере, остерегись от общения с ним...»²⁷⁸

Это вот значит поступать, «как кормилица нежно обходится со своими детьми», это значит, будучи самому сильным и великим, брать на себя немощи других, это значит, кратко сказать, подражать Самому Господу, Который имеет силу испепелить в одно мгновение всех людей, но «трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит»... (Мф. 12, 20; ср. Лк. 9, 54 – 56).

Но и говоря безотносительно к кому бы то ни было, то есть не только к слабому и немощному человеку, но и горящему духом (Рим. 12, 11) и имеющему все 10 талантов (Мф. 25, 28), нужно знать, что святые отцы выработали определенный общий положительный взгляд на размеры подвигов. Перенеся сами величайшие труды и будучи принуждены иногда снисходить к своей телесной немощи, отцы опытом дознали, что благодать Святого Духа, — а она ведь составляет цель стремлений подвижнического жития! — нельзя насильно привлечь к себе посредством только хотя бы и чрезмерных подвигов. А с другой стороны, и сами эти подвиги скорее расслабляют тело (а отсюда приводят в уныние и душу), чем доставляют человеку положительную пользу. После чрезмерных подвигов наступает, как говорят теперь, реакция, и немощная плоть требует отдыха, да не простого, а такого, при котором она не в состоянии делать и того, что делала раньше. А это уже отступление назад. Какой же смысл, закладывая фундамент, класть кирпич, а потом снимать два? Очень скоро разорим всю постройку, что нередко и можно наблюдать среди созидающих неразумно свой душевный дом.

Вот иллюстрация к предыдущим рассуждениям в отношении добродетели поста, но она относится и ко всякой другой.

Авва Иосиф спросил однажды Пимена Великого:

— Как должно поститься?

— Надобно, по моему мнению, — отвечал равноангельный, — есть каждый день, но есть немного, не досыта.

— Как же ты, авва, в юности своей постился сам по два дня? — сказал преп. Иосиф.

— Точно, постился и по три дня, и по четыре, и даже по неделе, — отвечал старец.

— Но все это испытали отцы, как сильные в добродетели, и нашли, что лучше есть каждый день понемногу, и показали нам путь царский. Ибо он удобнее для нас...»²⁷⁹

Отсюда, конечно, не следует, что подвиги совсем не нужны или что они не могут быть велики. Нет, могут быть и выше сил человеческих, а вообще, стоят в зависимости от сил каждого. То, что для одного является чрезмерным и не под силу, для другого составляет легкую работу. Так ведь и в обыденной жизни — ребенок удивляется тому, как взрослый легко закидывает его мяч «к небу», «из глаз вон»... Но все-таки каждый должен брать на себя столько трудов, сколько может понести, не обессиливая, но с некоторым все же понуждением себя. Будем помнить, что Бог судит людей не по количеству трудов (подвигов), а по количеству усердия (Лк. 12, 43 — 44)²⁸⁰.

Это и называется идти царским путем. О нем следует сказать несколько подробнее.

II. Святые отцы не нахвалят этот путь. «Умеренному деланию — цены нет», — говорит в старчестве. Стоит только дать себе малый труд полистать несколько страниц святоотеческих творений, как уже мы наткнемся на подобные же изречения, говорящие о пользе «царского пути» и о необходимости следования по нему.

Приведу здесь еще несколько изречений.

«Все, что противно умеренности, — от демонов», — говорит вышеупомянутый уже мною св. Пимен Великий²⁸¹. Как каждому видно, это именно то выражение, на которое считал долгом обратить внимание своих духовных детей в наше уже время иеросхимонах Амвросий Оптинский. «Край бесовости суть» (крайности — вещь бесовская)», — говорил он²⁸².

Другой египетский отец, авва Вениамин, цитируемый в этом месте преп. аввой Дорофеем, говорил подобное же: «Ходите царским путем, измеряйте версты и не будьте беспечны»²⁸³. Вышеприведенную мысль Пимена Великого продолжает и развивает знаменитая подвижница древнего Египта IV века — преп. Синклитикия. Она велит зорко присматриваться и к себе и к людям и наблюдать, не демонское ли то подвижничество, с которым мы имеем дело? И мерилом, признаком для истинного подвижничества полагает умеренность. «И враг установил свое подвижничество, — говорит преподобная²⁸⁴, — и его ученики подвизаются. Чем же различить нам Божественное и царское подвижничество от демонского и мучительного? Явно, умеренностью. Во всю жизнь свою неизменно сохраняй правило поста. Не постись четыре или пять дней с тем, чтобы потом разрешиться на множество яств. Ибо неумеренность всегда гибельна».

Вот еще несколько слов из Ефрема Сирина²⁸⁵. «Не будем вести себя так, чтобы сегодня были у нас воздержание и кротость, а наутро невоздержание и гордость; сегодня — безмолвие, бдение, смирение, а наутро — развлечения, ненасытный сон, неподчинение и т. п.; сегодня у нас отречение от мира, отречение от всего земного, отречение от отечества, друзей, плотских родителей, а наутро станем отыскивать страну, отечество и наследство, чтобы погрузиться во множество зол».

Последним обстоятельством и объясняются следующие слова, которые я иногда слышал от лиц, порицавших монашество: «Я сам когда-то думал пойти в монастырь... постился, по ночам молился... и теперь стыжусь, что я был настолько глуп, что проделывал все это...» И этот свой опыт, как нечто ценное, они приводят как сильный довод против истинности и закономерности подвижничества, как нечто такое, что показывает, что иночество со всеми своими постами и молитвами («ночными») избрало неправильный путь спасения. Но не так дело обстоит. Неправильно не настоящее подвижничество, а прелестное, неправилен был путь к нему, именно — не «царский». Отсюда из этих достойных многого плача и слез слов следует только то, что для того чтобы подвизаться, мало одного желания, но еще необходим и руководитель опытный. А самочиние всегда наказывается отступлением, изменой и нередко даже хулой. Наказывает же этими вещами, конечно, человек сам себя, а не Бог его.

Можно и еще привести несколько цитат из святых отцов по этому поводу, но я ограничусь предыдущими. Замечу только, что и языческие мудрецы до этого дошли. Клеобул, один из семи мудрецов древних, сказал: «μετρον οριστον» («мера самое лучшее»)²⁸⁶.

Уча других «царскому» пути, святые и сами шли по нему. Про авву Агафона, славнейшего из древних монахов, говорится²⁸⁷, что «он был мудр по уму, не ленив по телу, во всем знал меру, — в рукоделии, пище и одежде». Таких примеров можно привести немало²⁸⁸.

§ 5. Смирение

1. Что оно такое? «Никакое слово не может изъяснить его качество»²⁸⁹, и «кто думает одним сказанием своим просветить и научить невкусивших сего самым делом, тот делает нечто подобное человеку, вознамерившемуся словами и примерами дать понятие о сладости меда тем, которые никогда его не вкушали»²⁹⁰. Одно только можно сказать, что оно необходимо для спасения.

«Многие получили спасение без прорицаний и осияний, без знамений и чудес, — говорит св. Иоанн Лествичник²⁹¹, но без смирения никто не внидет в небесный чертог». И «если увидим или услышим, что кто-нибудь, в продолжение немногих лет, приобрел высочайшее бесстрашие, верь, то такой шествовал не иным путем, но с ним — блаженным и кратким».

Трудность объяснения и понимания смирения заключается в том, что для плотского разума совсем непонятно и совершенно невероятно, как человек святой и видящий, конечно, что он не творит не только больших грехов, но бегаёт, как огня, и малых грешных мыслей, как может такой человек после этого считать себя хуже всех разбойников, скотов и самих бесов? Ему кажется все это лицемерием, фарисейством или просто безумием.

Вот пример из давнопрошедших времен, когда со святыми чудотворцами разговаривали запросто. Рассказывает преп. авва Дорофей: «Некогда авва Зосима говорил о смирении, а какой-то софист²⁹² (теперь бы сказать «интеллигент» — без иронии, однако ж, — образованный светский человек), тут находившийся, слыша, что он говорит и, желая понять это в точности, спросил его:

— Скажи мне, как ты считаешь себя грешным? Разве ты не знаешь, что ты свят? Разве не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, как исполняешь заповеди? Как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?

Старец же не находил, какой дать ему ответ, а только говорил:

— Не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным.

Софист же настаивал на своем, желая узнать, как это может быть? Тогда старец, не находя, как ему это объяснить, начал говорить ему со своею святою простотою:

— Не смущай меня, я подлинно считаю себя таким.

Видя, что старец недоумевает, как отвечать софисту, я сказал ему:

— Не то же ли самое бывает и в софистическом и врачебном искусствах? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается им, то по мере упражнения в нем врач или софист приобретает некоторый навык, а сказать не может и не умеет объяснить, как он стал опытен в деле. Так и в смирении: от исполнения заповедей бывает некоторая привычка к смирению, и нельзя выразить это словом.

Когда авва Зосима услышал это, он обрадовался, тотчас обнял меня и сказал:

— Ты постиг дело, оно точно так бывает, как ты сказал.

И софист, услышав эти слова, остался доволен и согласен с нами»²⁹³.

Таким образом, все слова, которыми стараются описать смирение, желая его хоть сколько-нибудь приблизить к сознанию и понятию человека, нисколько не объясняют самого состояния этой добродетели, а только указывают на ее внешнее обнаружение, превосходство, значение, на путь к ней. Самое же смирение Божественно по своему существу и потому словами невыразимо; оно познается только опытом.

Однако и внешнее описание смиренных чувств и расположений поможет внимательно проходящим путь спасения, с одной стороны, понять, что без смирения спасение невозможно и что в нем оно есть краеугольный камень, а с другой — разобратся, имеют ли они сами смирение и на какой ступени его стоят.

Добродетель смирения — царица добродетелей²⁹⁴, «несказанная красота наших душ», как ее называет св. Симеон, Новый Богослов²⁹⁵.

Святые отцы называют обычно ее «безмянною»²⁹⁶, потому что силы ее внутренние никто не знает, кроме тех, которые постигли это собственным опытом, а таких людей очень мало. Во всяком случае, даже среди православных поискать их придется желающему, а среди еретиков и быть не может.

«Невозможно пламени происходить от снега, еще более невозможно быть смиренномудрию в иноверном или еретике, — говорит преп. Иоанн, писатель «Лествицы». Исправление это принадлежит одним православным, благочестивым и уже очищенным»²⁹⁷.

Отсюда видно, как неосторожно, погрешительно и, в лучшем случае, не знают, что говорят те, которые разглагольствуют о «смирении» разных Францисков Ассизских, сектантов всех толков и даже о «смирении» неверов-ученых... Смиренные слова и поступки последние могут произносить и делать, но это так же далеко от смирения, как небо от земли, и одно с другим могут смешивать лишь люди, знакомые с Житиями святых в передаче только Анатолия Франса или Сельмы Лагерлёф.

Здесь тесно соприкасается с только что изложенным вопрос о степенях смирения. Действительно, оно начинается с малого, с земного, внешнего, которое, понятно, и грешный, плотской человек может исполнять и которому даже неверующий может подражать. Но, продолжу словами св. Симеона, Нового Богослова²⁹⁸, — «иное есть говорить смиренные слова, иное — иметь смиренное мудрование. Иное, опять, есть смирение, а иное — цвет смирения, и иное — плод его. Иное есть красота плода его, а иное — сладость его, и иное — действия, бывающие от плода сего. Из этого, сказанного мною о смирении, иное есть в нашей, а иное — не в нашей власти. В нашей власти — помышлять о том, что располагает нас к смирению, мудрствовать о том, рассуждать, говорить и то делать; но само святое смирение, с его существенными свойствами, дарами и действиями, не в нашей власти, но есть дар Божий, чтобы не вздумал кто хвалиться даже и этим».

Характеристику самых степеней смиренномудрия и перевод только что приведенных образных выражений св. Симеона на язык практики духовного делания дает преп. Иоанн Лествичник²⁹⁹. Пусть каждый проэкзаменует себя, в каком чине спасающихся он находится — новоначальном, среднем или еще не вступил ни в один из них.

«Когда начнет в нас процветать священный грозд смирения, тогда мы, хотя и с трудом, возненавидим всякую славу и похвалу человеческую, отгоняя от себя раздражительность и гнев. Когда же смиренномудрие, сия царица добродетелей, начнет преуспевать в нашей душе духовным возрастом, тогда не только за ничто почитаем наши все добрые дела, но и вменяем их в мерзость, думая, что мы ежедневно прилагаем к бремени наших грехов, неведомым для нас расточением, и что богатство дарований, которые получаем от Бога и которых мы недостойны, послужат к ум-

ножению наших мучений в грядущем веке. Поэтому ум бывает в то время неокрадом, затворившись в ковчеге смирения, и только слышит вокруг себя топот и игры невидимых татей³⁰⁰, но ни один из них не может ввести его в искушение, ибо смирение есть такое хранилище сокровищ, которое для хищников неприступно³⁰¹.

«Итак, мы дерзнули любомудрствовать в немногих словах о цветоносии и первом преуспении сего присноцветущего плода; а какова совершенная почесть святейшего смиренномудрия, о том спросите Самого Господа, ближайшие Его други, — обращается смиренно преп. Иоанн к преподобным, достигшим этой ступени. — О количестве богатства сего говорить невозможно, о качестве еще труднее, однако о свойстве ее покусимся сказать по данному нам разумению»³⁰².

«Первое из свойств состоит в радостнейшем подъятии унижений, когда душа распростертыми руками принимает и объемлет их как врачество, исцеляющее и поглащающее ее недуги и великие грехи. Второе же по сему свойство есть истребление всякого гнева и в утоление последнего — смирение. А третья и превосходнейшая степень есть совершенное неверование своим добродетелям и всегдашнее желание научиться»³⁰³.

Чтобы быть нам ближе к истине, не забудем, что речь здесь идет о великих чудотворцах и пророках, а не о грешниках. А если разбойник «не верит» своим добрым делам, которых он и не сделал, это еще не великое дело. Но, с другой стороны, какое утешение для совести, обремененной грехами, что и в этом случае Господь принимает смиренное сознание своего недостойнства, как великие дары святых богачей! (Мк. 12, 41; Лк. 23, 42 — 43).

Итак, что такое смирение по существу, выразить нельзя, можно только описать свойства его. О них-то и будем говорить под разными углами зрения.

II. Путь к смирению. «Поспешающий к оному необуреваемому пристанищу смиренномудрия да не престанет делать все, что может, и да понуждается и словами, и помышлениями, и разными способами, исследованиями и изысканиями, и всем житием, и ухищрениями, творя молитвы и моления, размышляя, придумывая и все средства изобретая, доколе содействием Божиим и пребыванием в уничиженнейших и наиболее презираемых состояниях и трудах не избавится лады души его от бедствий приснобурного моря тщеславия; ибо избавившийся от сей страсти получает удобное оправдание от всех прочих своих грехов, как Евангельский мытарь».

Таким образом, нет определенных правил, исполняя которые можно бы достигнуть смирения. Но нужно всеми способами выискивать его, пользоваться каждым случаем и минутой для приобретения сего сокровища. Какие обстоятельства нас смиряют, те и возлюбим, за теми и погонимся. Ничего не будем упускать, что Промысл Божий направляет в наши руки и с помощью чего можно смириться, то есть получить от людей бесчестие, выговоры, наказания, клевету, гонения. Будем только наблюдать, чтобы искушения были по силам и не были вызваны нашими же словоприятиями, грубым обращением, дерзостью и т. п. (1 Петр. 2, 19 — 21; 4, 14 — 16). Это самый скорый путь спасения³⁰⁴.

Однако, чтобы не растеряться новонаначальному на первых порах, можно точно перечислить некоторые из способов достижения смирения и выделить из них наиболее главные и существенные.

Вообще говоря, воспитанию в нас смирения помогают: нестяжательность, уклонение от мира, утаение своей мудрости, простота речи, прошение милостыни, скрытие благородия, изгнание дерзновения³⁰⁵, удаление многословия³⁰⁶, телесные подвиги, совершаемые разумно³⁰⁷, благочиние во всем внешнем поведении³⁰⁸ и многое другое³⁰⁹, о чем нет возможности и особой нужды говорить здесь пространно.

Но главное средство — это правость сердца и послушание³¹⁰. Оно, собственно, рождает бесстрашие, сподобляет человека прозорливости и привлекает на него все милости и дары Божии. Истинные послушники безмолвны, безответны, терпеливы, мужественны, ревностны, то есть обладают и всеми теми качествами, с которых мы начали этот отдел.

III. Как узнать, достиг ли человек смирения? Мне уже приходилось однажды говорить по этому поводу³¹¹. Теперь я более подробно коснусь этого предмета.

В сущности это будет представлять более подробное раскрытие трех степеней смирения, о которых говорилось выше.

Начавшим недавно подвизаться можно предложить следующее испытание: «Если в истинном чувстве души будем думать, что каждый ближний наш превосходнее нас, то милость Божия недалеко от нас»³¹².

Еще более смирения имеет тот, кто, будучи укорен другим, не уменьшает к нему любви. Но меньшую степень составляет то, когда кто-либо только сам себя укоряет, ибо кто не стерпит поношения от себя самого?³¹³ Однако самоукорение надо всячески развивать, ибо через него и к настоящему смирению переходим³¹⁴.

Если же «кто говорит, что он ощущает благовоние сего мира, и во время похвал хотя мало движется сердцем, и силу слов их понимает (но не отвращается их): тот да не прельщает себя, ибо он обманут»³¹⁵, и никакого смирения у него нет³¹⁶.

Чем выше кто поднимается к верху сей Божественной добродетели, тем более начинает (излагаю в последовательно хронологическом порядке) ненавидеть тщеславие и перестает видеть, то есть заирать, чужие согрешения. Наконец, страсти отмирают совершенно, является ненасытная любовь к молитве, и появляется в душе неизреченный свет³¹⁷.

«Если предел, свойство и образ крайней гордости состоят в том, что человек ради славы лицемерно показывает добродетели, каких в нем нет, то глубочайшего смиренномудрия признак, когда человек ради унижения, в некоторых случаях принимает на себя такие вины, каких и нет в нем. Так поступил тот духовный отец, который взял в руки хлеб и сыр³¹⁸, так поступил и тот делатель чистоты, который снял с себя одежду и прошел через город бесстрастно.

Таковые уже не заботятся и не боятся, как бы не соблазнились люди, потому что они молитвою получили силу всех невидимо пользоваться. А кто из них о первом, то есть о соблазнах, еще заботится, тот изъявляет скудость второго дарования; ибо где Бог готов исполнить прошение, там мы всё можем сделать»³¹⁹.

IV. Польза и плоды смирения. 1. Довольно часто святые отцы ставят следующий вопрос: «Если от одной этой страсти (речь идет о гордости. — *Е. В.*), безо всякой другой, некто (то есть диавол. — *Е. В.*) ниспал с неба, то должно исследовать, не возможно ли смирением, и без других добродетелей, взойти на небо?»³²⁰ И все отвечают: возможно.

Великое утешение, и даже единственное, для немощного, особенно телом, человека³²¹

Св. Иоанн Лествичник, задавший этот вопрос, сам же и отвечает на него так в ином месте: «Возлюбленный! Знай, что удолия³²² умножат пшеницу (Пс. 64, 14) и плод духовный в себе. Сие удолие есть душа смиренная, которая посреди гор, трудов и добродетелей, всегда пребывает без возношения и неподвижною. Не постигши я, говорит Давид, не бдел³²³, не лежал на голой земле, но смирихся, и спасе мя Господь вскоре» (Пс. 114, 5)³²⁴.

С другой стороны — одни подвиги без смирения не спасают человека³²⁵.

Приведу еще несколько выдержек из святых отцов в доказательство этих логических положений.

«Смирение и без дел многие согрешения делает простительными, — говорит св. Исаак Сирий³²⁶. — Напротив того, без смирения и дела бесполезны, даже угождают нам много худого... И если приобретем его, соделает нас сынами Божиими и без добрых дел представит Богу, потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание».

Старец и духовный отец преп. аввы Дорофея, св. Иоанн, именуемый Пророком, на вопрос первого, каким путем скорее можно достигнуть спасения: трудами ли, или смирением, ответил: «Брат! Истинный труд не может быть без смирения, ибо сам по себе труд суетен и не вменяется ни во что. Писание говорит: виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя (Пс. 24, 8). Итак, кто соединяет смирение с трудом, тот скоро достигнет цели. Имеющий смирение с уничижением также достигает, ибо уничижение заменяет труд. А кто имеет одно только смирение, тот хотя и успевает, но не так скоро»³²⁷.

2. Смирение, сходя к человеку с неба, приносит ему оттуда с собой великие дарования. Эти плоды заключаются, во-первых, в том, что смиренному покоряется своя собственная душа и тело, все их чувства и отправления. Теперь ему не надо уже ухищряться и придумывать разные способы, как бы научиться смирению, но само оно пребывает в его сердце свободно, естественно, без труда, без нужды.

«И хотя приял он в себя некое дарование великое и превышающее всю тварь и природу, но на себя смотрит, как на грешника, на человека, ничего не значащего и презренного в собственных своих глазах, — объясняет это состояние из собственного опыта божественный Исаак Сирий³²⁸; и хотя вошел он в тайны всех духовных существ и во всей полноте совершен стал в мудрости всей твари, сам себя признает ничего не значащим. И этот неухищренно, но без принуждения таков в сердце своем».

Во-вторых, и вся внешняя тварь покоряется человеку, достигшему в меру совершенного смирения. Единственное исключение из общего порядка представляют только родные ему по плоти — собратя, злые люди, которым, впрочем, Бог попустил свободу восставать и против Него Самого до времени. И хотя они ничтожны, и как прах пред лицом ветра (Пс. 1, 4), так и они пред смиренным, но им позволяется иногда унижать и оскорблять последнего, чтобы ему придать в будущем веке большую славу, а их сделать вконец безответными (за то, что, видя его смирение и терпение в скорбях, наносимых ими, не покались и не вразумились).

«Но между тем, как в очах таких людей пренебрегается смиренный, — продолжу выписку из св. Исаака Сирина, — у всякой твари соблюдается честь ему. Приближается ли смиennemудрый к губительным (хищным) зверям, — и, едва только обратят взор свой на него, укрошается свирепость их; они подходят к нему, как к своему владыке, поникают своими главами, лижут руки и ноги его, потому что ощутили от него то благоухание, какое исходило от Адама до его преступления, когда звери собраны были к Адаму и нарекал он им имена в раю. Это отнято было у нас, но обновил и даровал нам это опять пришествием Своим Иисус Христос. Сим-то и помазано благоухание человеческого рода. Приближается ли также смиennemудрый к смертоносным гадам, — и едва только приблизится ощущение руки его и коснется их тела, прекращается едкость и жестокость смертоносной их горечи, и своими руками давит их, как саранчу. Приближается ли он к людям, — и внимают ему, как Господу. И что говорю о людях? Даже демоны, при всей наглости и злобе своей, при всей высококовности гордыни своей, приближаясь к нему, делаются, как прах; вся злоба их теряет силу, разрушаются козни их, бездейственными остаются злоухищрения их»³²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Беседа на «Шестоднев» // Творения, т. I. М., 1891, с. 10.

² Разумные, или умные, силы — часто встречающееся выражение у святых отцов. Употребляется оно не в противоположность глупому, «неразумному», а в противовес вещественному, телесному.

³ Исповедь, XII, 15. Творения, т. I. Киев, 1907. — Цит. по: *Булгаков С.* Свет Невечерний. Созерцания и Умозрения. Изд. «Путь», 1917, с. 200, прим. 3.

⁴ Божественные гимны, XII. Сергиев Посад, 1917, с. 179.

⁵ Ср.: «Нашему миру не исполнилось еще и 6000 лет (разумеется, до того времени, когда жил блаж. Иероним), а сколько, должно полагать, и до него протекло вечностей, сколько времен, сколько неисчетных веков, в продолжение которых ангелы, престолы, власти и прочие силы служили Господу и существовали по воле Его, без всякого измерения и перемены времен» (*Блаж. Иероним* на 1-ю главу Посланий к Титу). Также и много других отцов говорили о домирном существовании ангелов: Дионисий Ареопагит, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Григорий Великий, Анастасий Синаит, Иоанн Дамаскин и др. (См.: *Митрополит Макарий*. Догматическое богословие, §64. СПб., 1895, т. I, с. 385 и след.).

⁶ Нижеследующие десять пунктов все принадлежат св. Иоанну Дамаскину, точному выразителю православного церковного учения как всего в совокупности, так и в этих статьях, изложенного в его «Точном изложении православной веры». Кн. 2, гл. 3 (частью 4). Об ангелах. СПб., 1894, с. 45–49, 50–51.

⁷ Особенно много примеров на это (из Священного Писания и житий святых) собрано у епископа *Игнатия (Брянчанинова)* в «Слове о смерти и прибавлении к нему». СПб., 1881, с. 163 и след.; также у А. Калимета в книге «О явлении духов. Тайны загробного мира» / Пер. с нем., 1877 (*Дьяченко Г.*, прот. Духовный мир. Добавление к книге «Из области таинственного». М., 1900, отд. VIII, гл. I, с. 226 и след.).

⁸ Посему ангелов может быть в одной комнате, келье сотни, тысячи, например, при погребении Богоматери и др.

⁹ Это может случиться не только с мирскими людьми, которые, вообще говоря, в богословии совершенно несведущи, и тем более с неверующими (ср.: *Степанов И.* «Благодетельные (читай наоборот. — *Е. В.*) размышления «об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению». М., 1920, с. 55, 67, 81–82), но и с лицами, глубоко начитанными в богословских творениях, но прельстившимися своею мыслью и желанием во что бы то ни стало доказать последнее, ибо нет ничего легче, как любимые и горячо преследуемые идеи незаметно для себя довести до крайности (см. указ. книгу епископа *Игнатия*) и необходимые поправки на нее (без них лица, несведущим в богословии, читать ее нельзя) у епископа *Феофана* (Затворника) «Душа и ангел — не тело, а дух». — Изд. 3-е, М., 1913).

¹⁰ Можно разве допустить при этом только еще тонкую, так сказать, эфирную оболочку, ср.: св. *Василий Великий*. Толкование на Ис. I, 11; 10, 11 // Творения, т. II. М., 1891, с. 36, 271. При этом св. отец называет демонов «бесплотными» (*ἀσώματα* τοῖ), но, во всяком случае, духовность существа ангельского остается непоколебимой. Ангел — дух, а не тело. Ср.: Письма епископа *Феофана*. Вып. II, с. 4. п. 205. М., 1898; Вып. VII, п. 255. М., 1901.

¹¹ Ведь и мы сами свой ум, точнее душу или дух, не видим и формы его не знаем (потому что, хотя сама душа не вмещается в наших трех измерениях, нельзя сказать, в какой части тела она находится и как соединена с ним, — но, пока в теле, мысли только по этим трем измерениям), а ведь ангел есть чистый, беспримесный к какой-либо вещественности (очищенный, просветленный, могучий притом).

¹² Св. *Дионисий Ареопагит*. О небесной иерархии. Гл. 2, § 1,2. — Цит. по: *Епископ Игнатий*. Слово о смерти, с. 241. Ср. еще: Св. *Макарий Великий*. Слово «О любви», гл. 13; св. *Исаак Сирин*. Слово 55-е. Сведения из других свв. отцов и подробное развитие и этих мыслей см.: *Епископ Феофан*. Указ. соч., с. 65–67, 87–94. — Объяснение того, каким образом невещественный ангел может принимать вещественный вид, например, толкать, «касаться» человека (3 Цар. 19, 5, 7; Деян. 12, 7), «есть» (Быт. 18, 8), откуда-то брать «посохи» (Суд. 6, 21), «одежды» и проч., см. у того же епископа *Феофана*. Указ. соч., с. 153–156.

¹³ «Если по нерадению нашему, — говорит великий тайнозритель св. Симеон, Новый Богослов, — мы имеем хотя малый некий помысл, или раздумье неверия или двоедушия, или боязнь за себя, или другую какую страсть, или имеем пристрастие к чему-либо временному, то, конечно, не удостоимся иметь в душе своей обитателем Бога и не взойдем на высоту такой славы» (Творения, т. II. Слово 57-е. М., 1890, с. 60). — Св. отец рассуждает о вселении в человека св. Троицы, как о факте, яснее настоящего дня, — и подумает только после этого, что много людей, которые и в Саму Св. Троицу не верят. Горе роду нашему!

¹⁴ Лествица. Слово 26, 96. Сергиев Посад, 1908, с. 192.

¹⁵ Св. *Исаак Сириянин*. Слово 17-е. Сергиев Посад, 1911, с. 69.

¹⁶ Лествица. Слово 26, 100, с. 193.

¹⁷ См.: Св. *Исаак Сириянин*, цит. соч., с. 69–70, где подробно выяснены многие новые подробности по духовному зрению трех чинов (ангельского, человеческого, то есть душевного, и божественного) и показано, как каждый из них видит друг друга, когда и при каких обстоятельствах.

¹⁸ Св. *Симеон, Новый Богослов*. Слово 76-е // Творения, т. II. М., 1890, с. 262.

¹⁹ Св. *Василий Великий*. Беседа на 28-й псалом // Творения, т. I. М., 1891, с. 202; Св. *Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры, II, 3. / Пер. А. Бронзова. СПб., 1894, с. 48 и др.

²⁰ Выражение из величания преподобным на утрене.

²¹ Св. *Афанасий Великий*. De communi ess. Patr., Fil. et Spir. Sancti, n. 52; св. *Ефрем Сириянин*, Advers. Scrutat., Serm. V; (Цит. по: *Митрополит Макарий*. Догматическое богословие, т. I. СПб., 1895, с. 538).

Но особенно полно это учение развито у св. *Дионисия Ареопагита* в его книге «О небесной иерархии» (ср. Четии-Минеи митрополита Макария).

²² Об ангельской иерархии в Священном Писании см.: Быт. 3, 24; Пс. 79, 2 (херувимы); Ис. 6, 1–8 (серафимы); Еф. 1, 21 (силы); Кол. 1, 16; Еф. 1, 21 (престолы, начала, господства, власти); 1 Сол. 4, 19 (архангелы); 1 Петр. 3, 22 (ангелы). Кроме этих девяти чинов ангельских, в Библии еще другие не упоминаются, хотя и есть намеки, что число всех чинов ангельских этой цифрой — девять — никак не ограничивается (Еф. 1, 21). И, по-видимому, это число бесконечно велико (Св. *Иоанн Златоуст*. Против аномеев, Слово 4-е («О непостижимом») // Творения, т. I. СПб., 1898, с. 525–526).

²³ «Труда» — в смысле дела (наблюдения из-за множества наших грехов), потому что «известно, что ангелы не алчут и не утруждаются» (Св. *Иоанн Златоуст*. На Ис. XL // Творения, т. VI, СПб., 1900, с. 234).

²⁴ Эта «некоторая степень» ограничивается человеческой свободой, которую и Сам Бог не хочет связывать. Конечно, ангел в силах «справиться» и связать грешника в одно мгновение, когда повелит Бог (Мф. 22, 13).

²⁵ Но унижения в этом смирении, конечно, никакого нет. Тогда бы подвиг Христа, Который «во образе Божии Сый... Себе умалил, зрак раба прием» (Флп. 2, 6–7), был бы еще более унизительным, но он преславлен. Это у нас неправильный взгляд на «достоинство» человека, оттого так и думают. Но святые имели другой образ мышления.

Поэтому, если я и говорю здесь о «смирненном» служении ангелов людям, то не понимаю его в качестве «смирительного» (унизительного). Эти вещи нельзя смешивать. Посему для тех, которые сами не испытали на опыте, хоть в минимальной степени, что такое смирение, я предлагаю лучше формулу преп. *Исаака Сирина*, который о служении ангелов людям выражается так: «Они промышляют о нас, как старшие братья о младших» (Слово 57-е // Творения. Сергиев Посад, 1911, с. 296. Это выражение проще, и его должно иметь в виду и в дальнейшем при подобных же случаях).

²⁶ Четии-Минеи, 23 декабря.

²⁷ *Климент Александрийский*. Кто из богатых спасется? Гл. 29-я / Пер. с греч. Н. Корсунского. Ярославль, 1888.

²⁸ Флп. 2, 6–8 (ср.: *Флоренский П.*, свящ. «Не восхищением непщева». (К суждению о мистике.) Сергиев Посад, 1915, с. 8–9. То же — БВ, 1915, № 7–8).

- ²⁹ *Св. Иоанн Златоуст*. Беседа 1-я на Ев. Иоанна // Творения, т. VIII. СПб., 1902, с. 7.
- ³⁰ *Ерм. Пастырь*. Видения, IV, 2 // Писания мужей апостольских / Пер. прот. Преображенского. СПб., 1895, с. 178.
- ³¹ *Ориген*. Беседа 14-я на кн. Числ (цит. по: *митр. Макарий*. Op. cit., §105, с. 546).
- ³² *Блаж. Иоанн Мосх*. Луг духовный, гл. 10-я. Троицкая Лавра, 1896, с. 17. См. еще там же гл. 4-ую (с. 9).
- ³³ *Афинагор*. Legat pro christian, X, XXIV (цит. по: *Митр. Макарий*, Op. et loc. cit.).
- ³⁴ *Св. Иоанн Златоуст*. Дополнение к литургии // Творения, т. XII. СПб., 1906, с. 1333.
- ³⁵ По: *Св. Дионисий Ареопагит*. О небесной иерархии, с. 41.
 Фараону (Быт. 41, 1–7) и Навуходоносору (Дан. 2,1, 29–35) пророческие сны были показаны ангелами, именно — хранителями их царств. Цель их была — возвестить «о Промысле Божиим» и о власти Управляющего всем и над всем Господствующего (Бога).
- ³⁶ Древний Патерик, XX, 16. М., 1899, с. 402 — 403.
- ³⁷ *Св. Иоанн Златоуст*. Беседа на Деяния, 43-я // Творения, т. IX. СПб., 1903, с. 381 — 382. Также ср.: *Преп. Авва Дорофей*. Душеполезные поучения, XIV. Троицкая Лавра, 1904, с. 164 — 165. О степени и мере вменения при исполнении страшной обязанности государственного палача см.: Житие св. муч. Александра Римского (Четии-Минеи свят. Димитрия Ростовского, 13 мая); пересказ в кн.: Училище благочестия, т. II. СПб., 1893, с. 376.
- ³⁸ Ср. интересный случай из миссионерской деятельности Иннокентия, митрополита Московского, когда ангелы явились алеутам до прихода последнего к ним, учили их истинам веры и благочестия. Случай этот подробно описан в труде: *Барсуков И.* Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский (по его сочинениям, письмам и рассказам современников). С портретом и рисунками. М., 1883, с. 33–41.
- ³⁹ Четии Минеи. 18 декабря.
- ⁴⁰ *Преп. Исаак Сирин*. Слово 51-е, с. 296.
- ⁴¹ Вот почему святые видели ангелов и почему не видим мы. Обижаться, удивляться и не верить ничему...
- ⁴² Древний Патерик, XVIII, 26, с. 349–350.
- ⁴³ Никак нельзя умолчать и не обратить внимания читателя на обычай, или, лучше сказать, добродетель, святых молиться Богу во всех недоуменных случаях. Вот уже два примера мы видим на это — из жизни Великих Пахомия и Паисия.
 А мы прочтем что-нибудь в Библии или в житиях святых, не поймем и соблазняемся. И вместо того чтобы обратиться с молитвой к Богу, обращаемся часто к скверным, иноверным и безбожным книжкам. Про результаты нечего, конечно, и говорить...
- Итак, не виновато христианство и монашество во взводимых на них нареканиях и клеветах: виноваты сами люди.
- ⁴⁴ Четии Минеи, 19 июня.
- ⁴⁵ Древние монахи сами себя кормили трудом. Египетские обычно плели из пальмовых ветвей и листьев циновки, веревки, корзины, рогожки и проч. У того же монаха рукоделием было ткачество.
- ⁴⁶ Вот первая и главная ошибка — не проверенный помысел, будет ли он свой собственный или внушенный диаволом. Узнать новонаначальному это трудно. Диавол никогда не предлагает сразу дурного дела, но привлекает в искушение хорошим. Для этого-то существует старчество (см.: *Преп. Авва Дорофей*. Цит. соч., с. 71). А раз оно здесь не участвовало, то можно уже, дальше не читая, заранее сказать, чем дело кончится, то есть грехом, несмотря на то, что помысел, пришедший монаху, был по его тщанию и ревности к богоугождению. Впрочем, грех этот был попушен ему за тем, чтобы возбудить его к большей ревности и к большим делам, что он и показал после.
- ⁴⁷ Не надо понимать в нашем смысле большой обители. Монастырем в то время называлась также и простая келья с двориком, обнесенная забором.

⁴⁸ *сплр* — по-славянски переведено «ятра». Ср.: Лев. 22, 24; Притч. 7, 23 (слав.). Это ближе к делу. Впрочем, и печень как у классических авторов (Эсхила, Софокла, Эврипида и друг.), так и у святых отцов (*Преп. Авва Дорофей*. Цит. соч., XXI), считалась седалищем вожделений. Это важное место. В духовной жизни существует закон: чем человек грешит, тем и страдает (ср.: Мф. 7, 24). Примеры на это бесчисленны в жизни и житиях святых.

⁴⁹ Древний Патерик, XX, 12, с. 396–397.

Это был преп. Тимофей-пустытник. Рассказ его сей см. в более подробной редакции в Житии преп. Онуфрия Великого (Четии-Минеи, 12 июня).

⁵⁰ *Св. Иоанн Златоуст* не считает это место мессианским. (На Послание к Колоссянам. Беседа III, 4. // Творения, т. XI. СПб., 1905, с. 383).

⁵¹ *Св. Иоанн Златоуст*. На Матфея. Беседа 59, 4. // Творения, т. VII. СПб., 1901, с. 611.

⁵² Четии Минеи, 19 июня.

⁵³ Подобный же случай с некоторыми видоизменениями (из которых мы узнаем, что видевшие ангелов-хранителей сами были великие святые; да иначе, конечно, и быть не может) передается в «Достопамятных сказаниях», «Об авве Иоанне Колове» (№ 31. СПб., 1871, с. 153–154), ученике того же Паисия Великого.

⁵⁴ Четии Минеи, 12 июня.

⁵⁵ *Св. Григорий Нисский* в трактате «О жизни Моисея законодателя, или о совершенстве добродетели» говорит, что это учение об ангелах-хранителях и особых бесах, находящихся всегда при человеке, «заимствует достоверность из отеческого предания», и далее излагает подробно, как обстоит дело и когда оно началось (с грехопадения) (Творения, т. I. М., 1861, с. 272–273). Об этом же см.: *Св. Иоанн Златоуст*. На Послание к Колоссянам. Беседа III, 4; *Преп. Иоанн Лествичник*. Слово 26-е, 133 и др.

⁵⁶ Ангел покаяния, которому был поручен Ерм и который сообщал ему откровения Божии, сам назвал однажды себя Пастырем. К тому же он являлся в виде пастыря. Отсюда и самая эта таинственная книга видений и откровений (а написана она в начале II века по Р. Х.) носит название «Пастырь» (см.: кн. II, предисл.).

⁵⁷ Эти слова вставлены мною для связи.

⁵⁸ *Ерм*. Пастырь. Заповеди, VI, 2, с. 188–189.

⁵⁹ Лествица, 27, 47. Сергиев Посад, 1908, с. 225.

⁶⁰ Там же, 26, с. 248.

⁶¹ См. случай из Жития св. Нифонта и св. мч. Севастиана.

⁶² *Преп. Исаак Сирин*. Слово 34-е, с. 149.

⁶³ Там же, слово 68-е, с. 351.

⁶⁴ Слово 5-е, с. 30.

⁶⁵ Иерейский молитвослов. Служба ангелам. Канон, песнь 9, троп. 3, и канон молебный ангелу-хранителю, песнь 8, троп. 3.

⁶⁶ Общий святоотеческий путь добродетели указан в параграфе «Размеры подвигов». «Царский путь».

⁶⁷ Посему заграничные ученые не считают возможным находить в ней какие-либо внутренние законы и излагать ее всяким другим методом, кроме исторического. Впрочем, от еретиков ничего больше и ожидать нельзя.

⁶⁸ Все должны знать, конечно, что в науках, и самых точных даже, существуют известные «лагери», иногда до противоположности различные. Наше дело пользоваться выводами тех, которые ближе по убеждениям к Священному Писанию и святоотеческим учениям. Но как получилось все это? Как ни разглядывая под микроскопом пшеничное зерно и какие ни производи над ним химические анализы, из него ведь не получишь данных овса и гречневой крупы.

Как же у ученых выходит в результате после исследования, например, мозга разложившегося человека, что души никакой не существует... А происходит это все оттого, что ученые, преследуя заранее поставленную цель (пусть не обижаются на эти слова, ибо она (цель. — *Ред.*) может и не иметь ясной формулировки, так как религиозные убеждения, дух корпорации, к которой мы принадлежим, всякие запросы общества, страсть и общий интерес к чему-либо и проч. — все это обуславливает само по себе известный уклон в наших работах, независимо даже от нашего желания), итак, говоря, ученые, стремясь (злостно или невинно) поставить на своем, или из правильных посылок выводят неправильное заключение посредством софизмов или сложных логических ошибок, заражая нелепыми «научными» взглядами некомпетентное во всем общество, или из неправильно (сознательно, из опыта, ибо бывает и так — случай с известным Геккелем — или бессознательно) расположенных и соединенных данных выводят правильное логически, но неправильное с точки зрения истинных положений заключение, нанося в этом случае не меньший вред доверчивым людям. Говоря короче, ученые свои выдумки (называют в науке «гипотезами», «рабочими гипотезами») и домыслы в большинстве случаев выдают за истину и действительные законы природы. Потому-то между ними и происходят споры (чего бы спорить о том, что всем ясно), разногласия и презириания убеждений друг друга. «Такой-то мне не авторитет», — всегда можно услышать из уст разгорячившегося ученого (в «своей» семье, конечно), тогда как общество с «благоговением» взирает на этот «авторитет». Ученый знает, что все, что он пишет, в сущности ничтожно и, пожалуй, лживо, но нельзя об этом самому же и рассказывать всем, потому что, во-первых, в этом его страсть, во-вторых, за это он получает деньги, почет, положение и т. д. История «Записок врача» Вересаева показывает, как они оберегают свои интересы и ненавидят того, кто раскрывает обществову глаза.

Об этом можно еще много и долго говорить и еще будет говорено, а сейчас достаточно с нас того вывода, что, несмотря на то, что в науке существуют разные школы в одних и тех же отраслях знания, можно немощным людям (то есть не могущим еще всецело возлюбить одно Писание и отцов) выводами лучших из них пользоваться, не забывая, однако, никогда, что все это не непогрешительно (потому что всегда есть противники из другого лагеря) и требует своего принятия не ради необходимости, а больше ради ласкания взора и слуха. Там, где истина очевидна, конечно, ничто не препятствует пользоваться этим. Ведь я не говорю, что вся наука от начала до конца лжива. Дело каждого взять из нее хорошее и откинуть дурное. Не возбраняется и других предупредить об этом. Лишь бы все делалось во славу Божию и ради душевной пользы ближнего, а не для его вреда и не для собственного (отличие от иезуитов).

⁶⁹ Неполное (сокращено мною из заглавия к немецкому изданию и подзаголовок к русско-му) название этого труда таково: «Новый способ лечения. Лечение целебными силами природы. Руководство для жизни согласно законам природы, для сохранения здоровья и для лечения без помощи лекарства. С приблизительно 600 рис. в тексте, 33 хромолитографированными таблицами, портретом автора и 10 разборными анатомическими моделями в красках. Полный перевод О. Каврайского, под редакцией бывш. консультанта Импер. Клинич. института вел. кн. Елены Павловны, д-ра мед. А. Зеленкова, председателя СПб. Вегетарианского общества. СПб., 1903. Кн-во «Просвещение». Т. I — III (= XII + 1980 стр.)

⁷⁰ Текст Платена, хотя мною и значительно сокращен, но оставлен без изменения. Выпущены только подробности и слишком специальные технические сведения (по гидротерапии, уходу за кожей и т. п.), пользование которыми не подходит к характеру и духовным целям моего «Опыта».

⁷¹ Люди объедаются, потому что боятся худосочия и малокровия, и наживают их от этого самого. Во вред и обольщение чревоутодия! Медицина сама признает.

⁷² Haut gout («с душком»).

⁷³ Речь идет о германском, конечно, рабочем, у русских вместо кофе принят чай.

⁷⁴ Фосфор весьма важен для питания мозгового вещества. Без фосфора нет мыслей, говорит, если не ошибаюсь, Молешот (примеч. Платена).

⁷⁵ Сильвестр Грэгем — знаменитый североамериканский физиолог начала прошлого столетия, профессор.

⁷⁶ Послушаем, что говорит о хлебе Грэгема один известный врач. Это уже упомянутый выше доктор Док, много лет питавшийся исключительно растительной пищей и блестящим образом опровергавший своим здоровьем, энергией в работе и свежей и цветущей внешностью предубеждение против питания растительной пищей.

Доктор Док говорит: «Хлебу Грэгема подобает занимать видное, почетное место не только на обеденном столе, но и среди так называемых лечебных средств, так как он самым естест-

венным образом излечивает всегда почти неприятные, а иногда и весьма тягостные явления за поров. Всем известно, что это весьма распространенное страдание весьма часто влечет за собой очень тяжелые болезненные расстройства, как-то: вялость кишок, брюшное полнокровие, геморрой, застой печени и даже тяжелые душевные страдания, до ипохондрии включительно. Как раз в этом отношении хлеб Грэгема часто нам давал поразительные результаты. Сотни людей обязаны ему тем, что без содействия аптеки излечились от вышеупомянутых страданий. Ввиду этого мы рекомендуем всем страдающим вялостью отправления органов пищеварения обратить особое внимание на этот хлеб. Хлеб с отрубями имеет неоценимые преимущества: он служит одновременно и питательным и целебным средством; он не имеет вредного свойства большинства лекарственных средств, которые приносят нашему организму известный вред и потому непригодны для постоянного и непрерывного приема внутрь. Этот хлеб до такой степени полезен для нашего организма, что мы можем питаться им всю жизнь, и в то же время имеем в нем неизменно готовое к нашим услугам средство борьбы с недейтельностью кишок. Таким образом, он совершенно устраняет злоупотребление слабительными средствами, а ведь всем известно, какой вред они приносят; правда, они помогают на мгновение, неестественно раздражая кишки, но вследствие этого излишнего раздражения появляется еще большая слабость, то есть недейтельность кишок. В этом отношении мы не находим достаточно слов, чтобы рекомендовать Грэгемов, или отрубяной, хлеб как врачам, так и не врачам. В большинстве случаев этот хлеб блестящим образом оправдывал возлагавшиеся на него надежды; я знаю лишь очень редкие случаи, когда он не приносил желаемых результатов, и это обыкновенно случалось тогда, когда аптека успевала уже окончательно испортить дело.

Когда мы едим хлеб с отрубями, мы должны обращать особое внимание на основательное пережевывание и пропитывание хлеба слюной. Вводимое этим путем значительное количество слюны оказывает двоякое благоприятное действие на отправления желудка. С одной стороны, щелочи слюны связывают часть находящихся в желудке кислот, вызванных брожением; с другой стороны, бродильные ферменты слюны, превращающие крахмал зерна в сахар и камеди вещества, попадают в желудок в таком количестве, что могут оказать значительное содействие процессу пищеварения.

То, чем ученые не находились, приписывая себе новые открытия, давным-давно было известно и исполнялось уже нашими святыми. Так, в Житии великого в отцах св. Епифания, епископа Кипрского († 403) мы читаем, что его пищу составлял как раз отрубяной хлеб (см. Чети-Минеи св. Димитрия Ростовского, 12 мая).

⁷⁷ Отсюда польза плодов в аскетическом отношении: так как застоя крови в половых органах нет, то есть они не возбуждаются, то нет и похоти. Святые, питавшиеся постоянно одними плодами, средствами простой природы, много уже себе помогали и от многих искушений себя сохраняли. Не то, конечно, бывает у питающихся мясом, чаем, кофе, шоколадом, вином. Впрочем, все это так ясно, что доказывать это все равно, что стучаться в открытую дверь.

⁷⁸ Не забудем, что Адам и Ева в раю питались плодами и физически чувствовали себя прекрасно. Все великие пустычники и отшельники Египта, жившие нередко по 100 лет, при величайших физических трудах, питавшиеся исключительно плодами (финиками, винными ягодами, виноградом, маслинами и даже травой), являются в этом отношении не менее прекрасным и замечательным примером.

⁷⁹ Маниока — южноамериканское растение, клубни которого съедобны (заменяют одновременно наш хлеб и картофель).

⁸⁰ Как известно, молоко кипятят, имея в виду предотвратить процессы брожения, то есть, чтобы некисло.

⁸¹ Пахтание — жидкость, которая отделяется от сливок при приготовлении масла.

⁸² Отсюда и до конца цитаты — замечательные строки, показывающие, что у знаменитых докторов, да притом еретиков, мы можем встретить настоящие духовнические проповеди. Проповеди тем более удивительные, что основаны они на научных опытных данных и говорят к чистому рассудку. При этом такие «проповедники» не в единственном числе существуют.

⁸³ Если простая родниковая вода так целебна, то что говорить про освященную чрез погружение в нее Животворящего Креста (малое освящение воды) или через молитвы угодников Божиих (источники преп. Серафима Саровского, Тихона Калужского и др.). Посему надо как можно чаще каждый день пить святую воду. Некоторые говорят: «Без чаю жить не могу», «он укрепляет» и т. п. Ах, не так мы живем... если чай нам «помогает», а про святую воду забываем, есть ли она на свете...

⁸⁴ Святые отцы наши это только и делали и жили безболезненно, часто при самых неблагоприятных внешних условиях (вследствие чрезмерности подвижничества).

⁸⁵ Санитарный советник д-р П. Нимейер говорит: «Настоящее врачевание начинается там, где оканчивается пичканье лекарствами».

Сколько острой правды и прямо-таки убийственных приговоров во всех предыдущих словах Нихольса и Нимейера по адресу патентованных наших врачей и светил медицины, горькой иронии по адресу легковверных, прельщающихся и одурачиваемых людей (пациентов) и сколько, наоборот, восторженного энтузиазма и скрытой похвалы постническому житию святых отцов и вообще подвижников, питающихся как раз «однажды» или «самое большее два раза в сутки»!

⁸⁶ А у нас как раз в пустынях и общежительных монастырях обычно это и практикуется. В начале обеда — целых два жидких горячих блюда!

⁸⁷ См. выше: «Что мы должны есть?»

⁸⁸ Отсюда и ниже Платен пускается в область настоящей аскетики. Рассуждения о страсти чревоутодия и гортанобесия, конечно, должны быть оригинальны в устах светского автора.

⁸⁹ Конечно, надо понимать — физически здоровый человек.

⁹⁰ См. замечательное совпадение этих слов со словами аввы Иосифа: если ты наелся досыта, значит съел вдвое больше, чем нужно. Кто удивился бы строгости их, должен будет смириться — и врачи то же говорят.

⁹¹ Этот врачебный совет следовало бы принять к сведению нашим монахам на трапезе в общежительных монастырях. Расскажу по этому случаю нечто из своих грешных дел.

Помню, по окончании гимназии, в желании заняться изучением аскетики теоретически и практически, я попал в Оптину пустынь (меня послали сюда люди добрые к старцам, о существовании которых — сознавая в этом — я дотоле никогда не слыхал, хотя и был всегда верующим человеком, ходил в церковь, исповедовался и причащался, читал Жития святых и проч.). Молодой юноша (сам автор. — *Ред.*), хотя и без памяти стремился к Богу, на путь святых отцов-постников, однако, конечно, пылал еще более всеми страстями, и чревоутодием в частности. Ибо пост легко уживается с гортанобесием, блуд с любовью к ближнему, с молчанием — кичливостью, с воздержанием от порока — чувством грусти и проч. без конца! Как это бывает, не всякий сумеет объяснить, а это бывает. И вот, когда наш постник пришел на общую трапезу, он прежде всего, как свойственно мирскому, старающемуся «опередить» монахов в подвигах, осудил насельников сей славной на всю Россию пустыни за четыре блюда на столе. Монахи и — шутка сказать — четыре кушанья!.. Понятно, как человек, который составил себе самочинное житие по рецептам Египетских подвижников IV века и держал себя впроголодь (я не хочу сказать, чтобы последние отжили свой век), иначе мыслить тогда я не мог. Но когда он сел за стол, — новое искушение. Не успеет он три-четыре-пять раз ополкнуть ложку и поднести ее ко рту, как уже звонят к перемене кушанья... Что делать постнику? Быстро хватать и давиться как будто стыдно, хотя помысел и нудит, сердце болит, что не наешься, а до ужина еще далеко, мысль все время в напряжении, вот-вот опять сейчас позвонят, наверно, и раздражение было... Со временем это прошло, как на опыте я изведать по другим обителям (в Оптиной после этого не пришлось уже быть). Но все же я имею кое-что сказать против этой, как будто врачующей страсть чревоутодия, практики.

Что торопять братию в 100-200-300 и более человек за трапезой в каких-то целях заботы об их физическом здоровье, предположить нельзя, ибо врачи, — а им и книги в руки, — против этого. У святых отцов тоже мы не вычитываем, чтобы еда кое-как помогала пищеварению и не портила желудка. Наоборот, я бы мог привести скорее примеры за то, что надо есть медленно, что подвижники к каждой крошке относились со вниманием, хотя и не ради прекрасного пищеварения. Отсюда выражение, единственное подходящее к процессу их еды, — «вкушение». Ибо они ели с благоговением. Не думаю, чтобы о человеке, который глотает куски наполовину неразжеванными, с жадностью, торопливо, можно было так выразиться. Но все это относится уже больше к другому вопросу.

Если же торопящиеся думают, что утешением времени для перемены кушаний они могут улучшить духовное здоровье братии, то и здесь ошибаются, показывая только свою неопытность в духовной жизни и наглядный пример для всех, что надо сперва на деле пройти то, что хочешь выискывать с других, а не саном убеждать к этому. От успешности еды страсть не уменьшется, а, наоборот, возрастает. Все равно как при гневе: если будешь кричать, будешь и все в больший приходить гнев, а если будешь понижать голос больше обыкновенного даже, то и без известных аскетических средств (например, молитвы) подавишь страсть. Так и здесь: если кто за трапезой сидит, одержимый страстью чревоутождения, от этого страсть у него не уменьшится, если у него из-под рта миску возьмут. Если он ее опять к себе не пододвинет или при себе не оставит, то будет искать случая и средств тайноядением возместить потерянное. И во всяком случае страсть при нас останется. В доказательство приведу пример из того же времени посещения мною Оптиной. Пошел я на сенокос братский. И вот там один из послушни-

ков, узнав, что я имел намерение поступить в их монастырь, вздумал меня «просветить». Как раз один из предметов просвещения касался пищи: он был недоволен монастырскими 4 блюдами и требовал мяса (!). На основании всего того, что он открыл мне, я уверен, что этот несчастный недолго оставался в сем благословенном месте, то есть при святых старцах, но слова его показывают, что вышеуказанный способ врачевания не всеобъемлющ. Не знаю, что бы вышло из меня, если бы я поступил в монастырь, но думаю, что для уврачевания своего чревоутодия мне пришлось бы искать все-таки иных путей.

Можно много говорить еще на эту тему, но достаточно в заключение сослаться на руководство Великого Варсонофия и Иоанна Пророка, которые учили: держать себя на трапезе так: «Когда видишь, что помысел твой услаждается представлением снедей и понуждает тебя непременно всех предупреждать (еще есть третья причина, тщеславная: монахам стыдно долго сидеть за столом) или придвинуть к себе какую-нибудь снедь, — это есть чревообъядение. Внимай же себе, чтобы не есть такой снеди с поспешностью» (Прпп. *Варсонофий Великий и Иоанн*. Руководство к духовной жизни, вopr. — отв. 88. СПб., 1905, с. 65).

⁹² Жаль, что переводчик, приводя пословицы автора, все время не присоединяет к ним еще и подлинника, при котором они, собственно, и имеют только смысл.

⁹³ Большим недостатком современной одежды является подкладка, для которой часто берут жесткие, проклеенные материи. Необходимо, чтобы и подкладка была всегда шерстяная.

⁹⁴ Проф. Иегер рекомендует подкладывать полоску из шерстяного войлока, а д-р Ламанн — из деформированной хлопчатобумажной ткани. Таким образом, есть из чего выбирать, лучше же всего ничего не подшивать внутрь, беря пример с турецких фесок. Кстати, реформа в белье Ламанна состоит в том, что для тканья материи для этого белья берутся нити, сделанные из длиноволокнистого материала, что делает проклейку излишнею. А как известно, и при обычной фабричной обработке бумажной пряжи (из коротковолокнистого материала), чтобы сделать ее гладкой и нервующей во время тканья, ее пропитывают крахмальным клейстером. Отсюда происходит то, что при всяком смачивании (например, потом) нити ткани разбухают, клейстер (оставшийся от обварки в материи) разбухает вновь, и вся материя делается непроницаемою, то есть вредной для здоровья. Следовательно, бумажные ткани надо выбирать неклеенные.

⁹⁵ Вследствие покрывания непроницаемым пуховиком продукты выделения, остатки обмена веществ и проч. не могут удаляться через соответствующий выделительный орган — кожу и принуждены искать другого выхода — через кишки и почки, и в результате эти органы получают двойную работу. Вследствие этого опять-таки появится усиленный прилив крови к органам, находящимся в нижней части живота, и половые органы будут приведены в состояние повышенного раздражения (Платен).

⁹⁶ Ср. жизнь наших преподобных отцов-пустынников.

⁹⁷ Платен. Указ. соч., т. I, с. 4—134.

⁹⁸ Д-р медицины Ламанн, один из самых выдающихся дипломированных представителей естественного метода лечения, говорит следующее о полном выздоровлении: «Больной организм вылечен только тогда, когда он при помощи простейших жизненных возбудителей (простая пища, движение и покой, уход за кожей и т. д.) доведен до такого состояния, что может противостоять влияниям повседневной жизни, когда, следовательно, на него не будет вредно действовать ни перемена погоды, ни ненормальные общественные и профессиональные условия. Поэтому нельзя, например, говорить об излечении ревматизма, как скоро больной, хотя и освободился при помощи салициловой кислоты и т. п. от боли и получил способность двигаться, но в то же время боится всякого дуновения ветерка и при первом же удобном случае вновь получает приступ ревматизма. Только тогда больной может считаться излеченным от ревматизма, когда потогонные ванны с последующими укрепляющими охлаждающими ваннами вывели из его тела отложившиеся в нем ненормальные продукты обмена веществ (соли мочевой кислоты), когда благодаря рациональной, делающей немислимым образование ненормальных продуктов обмена веществ, диететике (включая сюда как пищу, так и одежду) повысилась сопротивляемость его организма вредным влияниям, когда повторные опыты с простудой (чередование теплых и холодных ванн, воздушные ванны) докажут, что данному лицу не угрожает уже опасность «простудиться» ни на свежем воздухе, ни в жилой комнате или танцевальной зале с открытыми окнами». Д-р приводит дальше подобное же разъяснение того, когда должно считать излеченным желудок и болезни пищеварения (Платен. Цит. соч., т. I, с. 274—275).

Таким образом, с точки зрения даже самих знаменитостей медицинских, обычное восстановление здоровья больных, практикуемое у нас, есть ни больше ни меньше, как их самообман или просто обман. Впрочем, говоря это противники аллопатии.

⁹⁹ Платен. Цит. соч., т. I, с. 273.

¹⁰⁰ Последнее понятно: с умножением знаний и открытием новых способов лечения умножаются и новые, еще невиданные, болезни, которые влекут снова роковые ошибки и массу жертв.

¹⁰¹ Я здесь не имею в виду, например, вышеуказанных последователей естественных методов лечения или гомеопатов и проч., но даже в среде самой всесильной аллопатии не всё, как увидим сейчас, благополучно.

¹⁰² Реклю Э. Человек и земля. СПб., 1909, с. 194.

Любопытно признание у этого не верующего ни в какую мистику рационалиста существования магии и волшебства и взятие под свою защиту знахарства, народной медицины и лечебного искусства даже дикарей!

¹⁰³ In the South Seas. Т. II. Р. 232–235 (цитата Э. Реклю).

¹⁰⁴ По «Календарю для врачей всех ведомств», 1902, с. 532, и собственным данным писателя (Русский листок, 1901, XII, I, 332); также в «Галерее русских писателей». (Текст редактировал И. Игнатов). М.: Изд. С. Скимунта, 1901, с. 589.

¹⁰⁵ Ср.: Записки врача. Изд. 3-е. СПб., 1902, с. 3, 33, 74, 118 и др.

¹⁰⁶ Там же, с. 29.

¹⁰⁷ Там же, с. 30–31.

¹⁰⁸ Там же, с. 77.

¹⁰⁹ Там же, с. 119.

¹¹⁰ Там же, с. 150.

¹¹¹ Надо прочесть всю книгу, с первой страницы до последней, чтобы вынести целостное, в высшей степени сильное впечатление. Вышеуказанные же мои цитаты, сухие, голые, ничего подобного не дают.

¹¹² Записки врача, с. 161–162, 164.

¹¹³ Там же, с. 88. Теодор Бильрот (Billroth, 1829–1894) — немецкий хирург, один из самых выдающихся операторов всего XIX века. Его научные труды выдержали десятки изданий (например, «Allgemeine chirurgische Pathologie und Therapie» — 15 изданий, «Die Krankenpflege im Hause und im Hospital» — 7 изданий и т. д.).

¹¹⁴ Там же, с. 42, 46.

¹¹⁵ Выражение это, не скрою, тоже не нравится мне: иностранное слово создает тавтологию и огрубляет дело.

¹¹⁶ Если кто скажет, что это недостойно Бога — ввергать человека в болезнь (как это сделал кошунственно Дидро), тот окажет непонимание дела и богословия. Скорби здесь по существу не имеют злого начала, которое есть только грех. И не это худо, а то, если ангел преступит границы дозволенного, как в этом примере.

¹¹⁷ Конечно, болезнь может развиваться и от чисто физических причин, без посредства духов, но не без ведома все-таки Божия (Товит. 2, 10; Мф. 10, 30).

Также и обратно: выздоровление зависит от воли Божией, но и при видимом изъятии ее (например, через чудотворца) может, для смирения человека, совершаться при посредстве лекарств. Пример: Ис. 38.

¹¹⁸ Подробности об истечениях во время болезни см. у Иоанна Лествичника (15, 54).

¹¹⁹ См.: Преп. Варсонофий Великий. Цит. соч., п. 517, с. 334.

¹²⁰ А на существо самой медицины, конечно, влияют, ибо в зависимости от характера тех или иных приемов лечения стоят право и законность врачебного искусства: безупречные во всех отношениях (приемы) делают ее приемлемой и снискивают ей благословение Божие, а безнравственные и вообще недопустимые обвиняют ее в глазах людей и Самого Бога.

- ¹²¹ Ин. 9, 2–3; Иов, 40, 3 (слав.).
- ¹²² Ср.: *Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн*. Цит. соч., п. 518, с. 324–325.
- ¹²³ Лавсаик, п. 8, об авве Аммене. СПб., 1873, с. 32–33.
- ¹²⁴ Ср.: *Прп. Серафим Саровский*. Поучения, п. 15. Житие, составленное Л. Денисовым. М., 1904, с. 434.
- ¹²⁵ Печерский Патерик, л. 206 и об., Житие прп. Пимена (Перевод со слав. мой. — Е. В.). Киев, 1883.
- ¹²⁶ Здесь что ни слово, то перл. И потому надо разбираться в этом отрывке слово за словом. (*Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн*. Цит. соч., п. 130. СПб., 1905, с. 91.
- ¹²⁷ Следует обратить внимание спасающемуся на эту связь между скорбью и благодарением (с терпением). То же мы видели у Великого Варсонофия.
- ¹²⁸ Древний Патерик, VII, 24. М., 1899, с. 117.
- ¹²⁹ Там же, с. 130.
- ¹³⁰ *Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн*. Цит. соч., п. 526,
- ¹³¹ См. на эту тему: *Св. Иоанн Златоуст*. Слово «о болезни и врачах» // Творения, т. XII. СПб., 1906, с. 575.
- ¹³² О медицине в Ветхом Завете см. отдельную монографию: *Ebstein W. Die Medizin in Alten Testament*. Stuttgart, 1901; в общих курсах: *Wunderbar R. Biblische-talmudische Medizin*. Bd. I–II. Riga, 1850 – 1860; *Trusen J. Darstellung die bibl. Krankheiten und der auf d. Medizin bezuglichen Stellen der heilig. Schrift*. Posen, 1843. *Bennett. Diseases of the Bible*. Lnd, 1887, и др.
- ¹³³ *Ebstein W. Die Medizin im Neuen Testament und im Talmud*. Stuttgart, 1903.
- ¹³⁴ См.: *Harnack A. Medizinisches aus der ältesten Kirchengeschichte* – b. Texte und Untersuchungen, Bd. VIII, Heft 4, 1892.
- ¹³⁵ Четии-Минеи, 1 и 27 июля.
- ¹³⁶ *Euseb. Hist. eccl.*, V, I, (Сочинения *Евсевия Памфила*, т. I. СПб., 1858, с. 240–241.
- ¹³⁷ *Reinesius. Syntagma inscriptionum antiquarum*. 898, V, 1682, Lipsioe et Francof. Также подобные надписи у *De Rossi. Roma Sotterranea Christiana*. Т. I, tab. XXI, п. 9, и др.
- ¹³⁸ См.: *Martigny. Dictionn des antiquites chretiennes*. Paris, 1877. P. 680 – L'art «Professions exercees par les premiers chretiens», п. 2.
- ¹³⁹ Особенно предписывалось бегать иудеев. А как же быть, если они обещают вылечить? «Если иудеи и точно вылечивают, — учит *св. Иоанн Златоуст*, — то лучше умереть, нежели прибегнуть к врагам Божиим и чрез них получить исцеление» (Творения, т. I. СПб., 1898, с. 751). Отзвук этого сохранился даже до времен VI Вселенского Собора. Последний 11-м своим правилом повелевает, чтобы никто из мирян или из клира под страхом отлучения не призывал в болезни врача из евреев, также и не принимал бы от последних лекарств (Книга правил. М., 1911, с. 84).
- ¹⁴⁰ «Монах, жену лекий да запретится» (Материалы покаянной дисциплины. Номоканон при Большом Требнике). Сомнительно даже, чтобы и мирские врачи первых христиан занимались, например, гинекологией и акушерством в тех границах, о которых можно заключить по одному неизданному мраморному памятнику Латеранского музея (class. XVI, п. 22 и 33), где изображен набор хирургических инструментов до шипов и маточных зеркал включительно. См. изображение: *Martigny*. Указ. соч. P. 380 – L'art. «Instruments et emblemes representes sur les tombeaux chretiens».
- Известно, что первые христиане иногда покупали саркофаги у языческих скульпторов и, не очистивши хорошенько то, что на них было, клали в них своих умерших. И как раз это изображение является почти точной копией, например, с найденного подобного же в Помпее (см.: *Overbeck*. Ротрен). По изображениям на саркофагах никак нельзя всегда судить основательно и с точностью о быте, потому что иначе мы к таким выводам придем, что первые христиане

окажутся безнравственнее нынешних. А дело, как я сказал, иногда очень просто (ср. еще на эту тему: *Голубцов А.*, проф. Из чтений по церковной археологии и литургике. Ч. I. Археология. Сергиев Посад, 1918, с. 173–174.

¹⁴¹ Достопамятные сказания. Об авве Антонии, п. 24. СПб., 1871, с. 12.

¹⁴² Четии Миней, 1 июля.

¹⁴³ *Св. Иоанн Златоуст. Творения*, т. I, с. 751.

Действительно, влиянию гипнотизма люди или совсем не поддаются, или поддаются особым образом: излечиваясь, например, от пьянства, приобретают вместо него иную страсть — гордость, духовную прелесть и проч. Имею перед глазами примеры. Для знакомых с духовной жизнью это понятно до прозрачности.

¹⁴⁴ *Бернадский Э.*, д-р. Медицина, врачи и публика, с. 60, 81.

¹⁴⁵ Подвижническую жизнь сестрам нельзя вести. Если мы видим настоящих сестер милосердия и жен «благочестивых», ходящих в церковь и молящихся, это ничего не значит. Если у них нет при этом страсти, ничего не значит. Они не знают, что такое бесстрастие помыслов. Если святые отцы закрывали куколом глаза, выходя в свой садик, чтобы не видеть деревьев, то умолчу о прочем. У них забота о подвижничестве, а не о спасении. Спаситься может и блудница в одну минуту, через вздох сокрушения и покаяния, а искусство спасения требует для своего обучения долгие годы и крайнего воздержания.

¹⁴⁶ *Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн*. Цит. соч., п. 312, с. 222.

¹⁴⁷ «Слышно, что был какой-то знаменитый врач, — говорит *Феофан Затворник*, — который не приступал к лечению, пока больной не исповедуется и не причастится Святых Таин, и чем труднее была болезнь, тем он настойчивее этого требовал. Какой благоразумный человек, насколько он облегчал себе дело!» (Мысли на каждый день года, с. 34–35).

¹⁴⁸ *Дьяченко Г.* Любовь, с. 545.

¹⁴⁹ См.: там же, примеч.

¹⁵⁰ *Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн*. Цит. соч., п. 777, с. 459; то же и в другом месте, п. 505, с. 327.

¹⁵¹ «Курорт» этот был, как увидим сейчас, настоящей пустыней, может быть, даже горячие источники не были заключены в специальные ванны и здания. Но мы знаем уже из Жития св. Аверкия Иерапольского, равноапостольного († 167), что он, ввиду крайнего множества больных в окрестных местностях и неимения у себя времени для исцеления каждого порознь, вызвал особым чудесным образом, после молитвы, из земли горячие ключи и при случае на аудиенции у императора просил вместо платы за изгнание беса из его дочери, от которой (платы) он отказался, выстроить ему на казенный счет бани и ванны. На что и были отпущены из государственной казны деньги. Источники были не просто целебные, а чудодейственные (вроде наших — прпп. Серафима Саровского, Тихона Калужского и др.), и толпы народа свободно, без затруднения, получали по молитвам св. Аверкия исцеления под видом пользования водолецением (Чети-Миней, 22 октября).

¹⁵² *Св. Василий Великий*. Письмо к Антипатру, п. 132. // *Творения*, т. VI. Сергиев Посад, 1892, с. 272.

¹⁵³ Олимпиада очень унывала в разлуке со своим духовным отцом и тосковала по нему до изнеможения. Св. Иоанн Златоуст с дороги написал ей ряд душевных писем, в которых много чувств и нежной взаимной попечительности. Эти духовные и духовнические отношения в свое время навлекли на них, по ненависти диавола к старчеству и чистоте, много гнусных клевет, подозрений, открыток, наконец, обвинений. Не ослаб к ним интерес и до сих пор. Но Иоанн Златоуст и Олимпиада с честью, долготерпением и славой вышли из этой огненной пеши людской злобы и зависти.

Вот несколько строк к этому вопросу из «Стола» свяш. П. Флоренского: «Уже беглый просмотр переписки Иоанна Златоуста с Олимпиадой убеждает, что их связывала одухотворенная любовь, гораздо более личная, чем просто нравственная связь епископа и диакониссы. Конечно, обвинения противников Златоуста, — вроде того, что будто он во время богослужения воскликнул: «Погибаю, схожу с ума от любви!» — нелепы, но названная переписка объясняет, что именно послужило поводом к наветам врага. Страдания Олимпиады во время ссылки Златоуста, взаимные заботы о здоровье и просьбы заботиться о себе, извещения о своем благосостоянии (чтобы утешить и ободрить), просьбы писать о себе и т. д., — тут все оттенки личной любви. Эта интим-

ность выступает с особенной наглядностью, если сделать некоторые статистические подсчеты. Так, в русском переводе переписки Златоуста 17 писем к Олимпиаде занимают 84 страницы (=3612 строк), а группа в 17 писем к другим лицам занимает в среднем 11,9 страницы (=511,7 строк). Так, включая пустые промежутки, находим, что текст 17-ти писем к Олимпиаде занимает 3544 строки, а текст 17-ти писем к другим лицам занимает в среднем 444 строки, то есть в среднем, значит, одно письмо к Олимпиаде содержит 208,5 строк, а к иным лицам 26,1 строк. Итак, письмо к Олимпиаде, в среднем, в 8 раз длиннее писем к иным лицам. Эта цифра «8» есть лишь подтверждение житию Иоанна Златоуста, где говорится, что Иоанн любил Олимпиаду духовною любовью, как некогда св. Павел Персиду, о которой пишет: «Целуйте Персиду возлюбленную, которая много трудилась о Господе». Олимпиада же святая сотворила не менее Персиды. Когда же Иоанн был изгнаньем неповинный со своего престола, блаженная Олимпиада с прочими честными диакониссами плакала о том много» (*Флоренский П.*, свящ. Столп и утверждение истины // Опыт православной Теодицеи в 12-ти письмах. М., 1914, примеч. 550).

¹⁵⁴ Св. *Иоанн Златоуст*. Письма к Олимпиаде, п. 4 // Творения, т. III. СПб., 1897, с. 612–613.

¹⁵⁵ Прпп. *Варсонофий Великий* и *Иоанн*. Цит. соч., п. 531, с. 341.

¹⁵⁶ Такие примеры в Житиях о. Амвросия Оптинского, Варнавы Гефсиманского, особенно Иоанна Кронштадтского и других во множестве встречаются.

¹⁵⁷ См.: Патерик, гл. О брате, впадшем в болезнь.

¹⁵⁸ Прпп. *Варсонофий Великий* и *Иоанн*. Цит. соч., п. 529, с. 339–341 (в сильном сокращении).

¹⁵⁹ «Искусство (наука) обширно, а жизнь коротка». Это изречение Гиппократ из его Афоризмов принято обычно употреблять в латинском (как здесь) переводе.

¹⁶⁰ Желаящие могут многое из невыявленного у меня почерпнуть еще у св. *Василия Великого*: Правила, пространно изложенные, 55-й ответ // Творения, т. V. О подвижничестве. Сергиев Посад, 1892, с. 183–190.

¹⁶¹ Наставники и учителя культурного общества иногда великое наслаждение находят при всех, именно при всех, испражняться такими зловонными словами. Белинский в своих «Литературных мечтаниях» пишет: «Что за блаженство, что за сладострастие души — сказать какому-нибудь тению в отставке и без мундира, что он смешон и жалок со своими детскими претензиями на великость... доказать какому-нибудь литературному учителю, что он близорук, что он отстал от века и что ему надо переучиваться с азбуки... Говорю вам, во всем этом есть блаженство неизъяснимое, сладострастие безграничное!...» Таковы психологические основы беспристрастной (объективной) критики в цивилизованных обществах. Христианин должен помнить, что если есть у него обязанность учить и обличать других, то он должен это делать не по страсти, а из любви к ближнему.

¹⁶² Лестница. Слово 10-е, п. 4, 5, 7, 8. Сергиев Посад, 1908, с. 97.

См. превосходное поучение «О клевете и осуждении» в кн.: *Свят. Тихон Задонский*. Об истинном христианстве. Кн. 1, ч. 1, ст. 4-я (вступ.). Гл. 4-я. М.: Синод. изд., 1889, с. 166–170.

¹⁶³ О том, чтобы не судить ближнего // Душеполезные поучения. Троицкая Лавра, 1904, с. 80.

¹⁶⁴ Цит. соч., 10, 11, с. 98.

¹⁶⁵ Древний Патерик, 9, 15. М., 1899, с. 148–149.

¹⁶⁶ Там же, 9, 20, с. 150–151.

¹⁶⁷ Об авве Пимене, п. 92 // Достопамятные сказания. СПб., 1871, с. 294.

¹⁶⁸ Когда Пимен был еще новоначальным монахом, то показал такие дела в борьбе с помыслами, что один из святых, у которого он руководствовался, предсказал ему: «Ты — ангельский Пимен. Имя твое прославится по всей земле Египетской». Еже и бысть. («Ангельский Пимен» — Ἀγγελῶν Ποιμήν — непереводимая игра слов, ибо Пимен по-русски значит «пастырь». Следовательно, слова старца можно еще и так понять (что, наверно, он и хотел выразить: «Ты — пастырь ангелов, ангельский пастырь») (см.: Достопамятные сказания, п. 1, с. 263–264).

¹⁶⁹ Там же, п. 70.

¹⁷⁰ Там же, п. 78.

¹⁷¹ Это — тот из великих древних отцов, который сказал про себя: «С того времени, как наречено на мне имя Христа (Иак. 2, 7), ложь не выходила из уст моих» (о нем см.: Там же, с. 62–64).

¹⁷² Древний Патерик, гл. 9, 21, с. 151.

Подобный же случай видения того, чего нет за ближними, см. у аввы Дорофея (О том, что не должно лгать // Душеполезные поучения, IX. Троицкая Лавра, 1904, с. 108–110).

¹⁷³ Вопросы эти в свое время предложены были прп. аввой Дорофеем (когда он был еще новопоступившим послушником в монастыре) св. Иоанну, названному за свою острую прозорливость Пророком. Некоторые из первых ответов принадлежат св. Варсонофию Великому и даны иным лицам. (См.: Душеполезные поучения, ответы 43, 44, 45, 46, 50, с. 245–247.)

¹⁷⁴ Здесь Варсонофий Великий объясняет, как отличить осуждение от разговора пользы ради. Но предмет этот требует все-таки известной высоты духовной жизни и чистоты совести, ибо в быту мы часто видим, что люди не только осуждают, но и переносят ближних своих, однако и не замечают, что совершают в это время дело бесовское, и совесть их не упрекает, молчит. Сердце их не различает тонкого движения страсти, о котором говорит святой, а все пылает мрачным огнем или же, наоборот, остается бесчувственным, спокойно-каменным. Посему самое безопасное для новоначальных руководствоваться правилом преподобного Иоанна Лествичника (Лествица. Слово 10-е). Правда, добродетели любви не окажешь, но зато безопасен будешь от возможности греха.

¹⁷⁵ Этот и нижеследующие вопросы аввы Дорофея в высшей степени наглядно показывают, как тонко он разбирался в своих помыслах (припомним, что он в это время только недавно поступил в монастырь) и как святые делаются святыми, то есть в чем состоит их очищение сердца, что они думают, как направляют свои мысли и проч.

¹⁷⁶ Это подметили даже внешние, нецерковные писатели и художники. Последние сообщают обычно демону черты дегенеративной мимики с преобладающим, доминирующим злорадством, при отсутствии всяких благородных черт. Причем наделяют его умом (посредством сокращения верхней орбитальной мышцы). См., например, мрамор «Мефистофель» работы скульптора проф. Н. Лаврецкого; также Антокольского и др. О «мефистофельском лице» см.: *Сикорский И.*, проф. Всеобщая психология с физиогномикой, в иллюстр. излож. Киев, 1912, с. 562–564.

¹⁷⁷ Примером может служить известный Тимон в древности. Однажды Алкивиад, знаменитый впоследствии демагог Афинский, весело возвращался из народного собрания: внесенное им предложение было принято. Попавшийся ему навстречу Тимон, его заклятый враг, не свернул с дороги, против обыкновения, а дружески пожал ему руки и сказал: «Радуюсь твоему успеху, молодой человек, из тебя выйдет большое зло для всех афинян» (*Алексеев В.* Письма и бумаги Суворова, т. I. Пг., 1916, с. 430, п. 421).

¹⁷⁸ Про поэта Лермонтова рассказывается в биографическом очерке: «В Пятигорске Лермонтов любил забавляться тем, что незаметно надламывал приготовленные в гостинице за общим столом тарелки. Слуги приходили в отчаяние во время мытья посуды, вынимая из воды груды черепков, а Лермонтов, насладившись их недоумением и испугом, тут же щедро расплачивался с хозяином» (*Садовский Б.*, Ледоход. Пг., 1916, с. 26).

¹⁷⁹ *Еп. Феофан.* Толкование 2-го Послания к Коринфянам. М., 1894, с. 258.

¹⁸⁰ См. Пс. 106, 33–35; 40–41, 42–43; *Еп. Паладий.* Толкование на псалмы. Вятка, 1874, с. 469–470.

¹⁸¹ См. примеры: *Попов Е.*, прот. Нравственное богословие. СПб., 1901, ч. II, с. 947, 949 («Зло-радование несчастью ближнего» и «Бесовское злорадование, то есть греху невинного лица»).

¹⁸² См. Следованную Псалтирь, гл. 41-ю. Изд. 1792, л. 461 об.

¹⁸³ «Агарянское», то есть состоящее из потомков Агари (Быт., гл. 16). О них упоминается в Библии в Пс. 82, 7; 1 Пар. 5, 19–20; 27, 31. В широком смысле Церковь под ними понимает нечестивых магометан, от которых так долго, если и не до сих пор, страдала Греко-Восточная Церковь. Разумеется, можно отнести это и ко всяким другим угнетателям Церкви.

¹⁸⁴ Блестяще, как всегда, доказывал эту мысль в отношении каждого человека св. Иоанн Златоуст, также и другие (см. *Еп. Феофан.* Толкование на Послание к Римлянам. М., 1890, с. 264–266).

¹⁸⁵ Поэтому в истории мы и видим всегда, что когда враги какого-либо народа хотят поколебать его силу, начинают с развращения его и отторжения от Бога. А когда сила благодати от него отступит, тогда с ним можно делать, что угодно (ср. Откр. 2, 14; 25, 1–2).

¹⁸⁶ *Архим. Спиридон*. Из виденного и пережитого. — «Христианская мысль», 1917 (год издания статьи о блаженном особенно необходимо иметь в виду!), III–IV.

¹⁸⁷ Ср.: *Преп. Исаак Сирин*. Слово 48-е. О возгорании сердца подвижника ко всей твари. Сергиев Посад, 1911, с. 205–206.

¹⁸⁸ *Авва Дорофей*. Душеполезные поучения. Поучение XII, с. 142.

¹⁸⁹ См. интересное изображение взаимодействия и развития этих страстей у Лермонтова в его Арбенине, имеющем автобиографическое значение. — Прозаический отрывок одной неоконченной повести // Сочинения, т. II. Изд. т-ва Вольф, 1897, с. 114.

¹⁹⁰ Действительно, перечисление иных страстей и пороков в светской литературе нередко встречается, но про «дерзость» я нигде не нашел упоминания — ни в научной, ни тем более в беллетристической, а последняя-то на каждой странице грешна этой страстью.

Конечно, я говорю здесь не про наименование (термин) страсти, а про самое ее существование как самостоятельного порока.

¹⁹¹ Лествица, Слово 26, 99. Сергиев Посад, 1908, с. 192–193.

¹⁹² *Прп. авва Дорофей*. Душеполезные поучения, п. 8. Троицкая Лавра, 1904, с. 221.

¹⁹³ Слова самого прп. Варсонофия Великого про Иоанна Пророка, которыми первый хотел показать равенство духовных дарований — своих и последнего. (Руководство к духовной жизни. Вопрос-ответ 129. СПб., 1905, с. 91.)

¹⁹⁴ *Прп. авва Дорофей*. Цит. соч., п. 10, с. 223.

¹⁹⁵ Там же, с. 60.

¹⁹⁶ *Св. Исаак Сирин*. Творения. Слово 90-е. Сергиев Посад, 1911, с. 45.

Еще о дерзости говорит подробно прп. Агафон — один из великих и рассудительнейших отцов Египта. (Достопамятные сказания: Об авве Агафоне, п. 1. СПб., 1871, с. 39–40.) Кратко его слова приводит прп. авва Дорофей (цит. соч., с. 60).

¹⁹⁷ *Прп. авва Дорофей*. Цит. соч., с. 61–62.

¹⁹⁸ См.: *Homers Iliade*, erklart von Dr. Viet Hug. Koch, I Heft. Hannover, 1872, inloc. Здесь же собраны комментарии древних и новых глоссаторов.

¹⁹⁹ *Архиеп. Никон*. Толкование на Ев. от Матфея. («Троицкие листки», 1898, вып. XXIII, с. 324, п. 881).

²⁰⁰ *Еп. Феофан Затворник*. Толкование Послания к Колоссянам. М., 1892, с. 251.

²⁰¹ *Еп. Феофан*. Толкование Послания к Ефесеянам. М., 1893, с. 376–378, *passim*.

²⁰² *Еп. Игнатий (Брянчанинов)*. Отечник (об авве Антонии, п. 25). СПб., 1891, с. 8.

²⁰³ *Еп. Игнатий (Брянчанинов)*. Цит. соч., п. 190, с. 24.

²⁰⁴ *Св. Иоанн Златоуст* // Творения. Т. XI. СПб., 1905, с. 144 — 147, *passim*.

²⁰⁵ *Архим. Агапит*. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхим. Амвросия с его портретом и факсимиле, в двух частях. М., 1900, с. 172+151+XXIII.

Житие старца в изложении других авторов далеко уступает в силе проникновенности и понимания тонких аскетических деланий монаха сему жизнеописанию, и потому кто хочет получить неизвращенное понятие о старце Амвросии и существе старчества и самого спасения, пусть читает эту книгу.

Ср. также шутовство в обращении таких величайших по богопросвещенности ума и строгости взглядов светил Церковного неба, как св. Василий Великий и Григорий Богослов. (Письма последнего к первому в пустыню, п.п. 2, 3, 4; в VI томе его «Творений». М., 1889, с. 88 — 91).

²⁰⁶ *Св. Димитрий Ростовский*. Четии Миней, 21 июля. М., 1898, (синод. слав. изд.), с. 481.

²⁰⁷ Если бы кто усомнился в их святости и потому счел бы их поступки недостойными истинных христиан и недозволительными, то таковому напомним, что и про уже прославленных Церковью святых говорится то же. Так, в Сказании о блж. Николае (Кочанове), Христа ради юродивом Новгородском, мы читаем: ...Глаголаша тамо (на улицах города) словеса неуместная, обаче неким предстоящим весьма учительная и полезная; являше иногда движения странная, обаче ни единому соблазн дающая, паче же многих вразумляющая» и проч. (Свящ. И. Ковалевский. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. М., 1895, с. 185 — 186).

²⁰⁸ *Прп. Варсонофий Великий и Иоанн Пророк*. Руководство к духовной жизни. Вопрос-ответ 456. СПб., 1905, с. 299.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ О взгляде русского народа на болтовню, отразившемся в его поговорках и пословицах, см. интересный главу «И зверю слава» в книге: *С. Максимов*. Крылатые слова. Изд. 2-е. СПб., 1899, с. 271 — 272.

²¹¹ *Dr. Scholz*. Диететика духа. Перев. под редакцией проф. П. Ковалевского. Харьков, 1888, с. 115, 117 — 118, *passim*.

²¹² Рассказывает поэт Полонский в своих «Воспоминаниях» о нашем известном писателе Тургеневе:

«Однажды Тургенев прочел в «Новом времени» известие, что он пишет детские повести, а я у него гощу в деревне.

— А что, — сказал я шутя, — если напечатают, что я дою гвоздь, а ты добиваешься меду из ржавой подковы.

— Нет, — возразил он, хихикнув, — ты доишь гвоздь, а я держу шайку» (Нива, 1884, № 6, с. 132; ср. еще там же, № 7, с. 159). И теперь я попрошу читателя познакомиться с так называемыми шутками старца о. Амвросия (*Архим. Агапит*. Указ. соч.). Разница между ними и этим празднословием та, что в первых содержится действительно духовный мед и глубокая мысль, а здесь — глупое и даже не смешное рассуждение, из которого хотят сделать великое событие с занесением на страницы «истории»...

²¹³ *Чарльз Д. Корниш*. Жизнь животных в фотографиях с натуры. Перев. с англ. под редакцией проф. А. Мензбира, т. I. М., изд. И. Кнебель, с. 67.

²¹⁴ Пример и врачевание сего см. в Житии преп. Досифея (*Прп. авва Дорофей*. Цит. соч., с. 16).

²¹⁵ Рассказывается в Житии прп. Арсения Великого следующее.

Уже он достиг большого духовного возраста, но осталась у него от прежней жизни в миру (как известно, он был придворный и воспитатель детей императора Феодосия Великого) дробная привычка — сидеть заложив ногу на ногу. Видели это некоторые из братьев, но никто не смел в том его исправить, потому что у всех пользовался великим благоговением и честью. Тогда один из них — авва Пимен (впоследствии — Великий) — сказал другим: «Пойдем к авве Арсению, и я сяду при нем так, как он привык сидеть, а вы обличите меня как неприлично сидящего. Я же начну просить прощения, — и страсть исправится». Все пошли и сделали, как решили. Преп. Арсений, познав, что неприлично сидеть таким образом монаху, с тех пор исправился (*Св. Димитрий Ростовский*, Четии Минен, 8 мая. М., 1898 (синод. слав. изд.), с. 207).

²¹⁶ Отец иеросхимонах Амвросий Оптинский рассказывал из своей жизни такой случай. Раз, когда он служил позднюю литургию (был он тогда молодым иеродиаконом), приехал в Оптину пустынь Малоярославецкий о. игумен Антоний, бывший скитоначальник, хорошо известный о. Амвросию.

«Во время чтения часов, — передавал последний, — входит он в алтарь. По обычаю кланяюсь ему и подхожу под благословение.

— Ну, что, привыкаете ли? — обращается ко мне смиренный о. игумен.

— Вашими святыми молитвами, батюшка, слава Богу, привыкаю, — довольно развязно ответил я.

Вдруг о. игумен переменяет тон и речь:

— Ко смирению-то...

Я и не знал, что отвечать».

Так духовные оптинские старцы и свободную речь, как знак сокровенной горделивости, ревнующих о спасении душ старались врачевать приличным замечанием, не стесняясь ни ме-

стом, ни временем (ср.: 2 Тим. 4, 2 («безвремение»). Вот при таком-то воспитании и выходят Амвросии (*Архим. Агапит*. Цит. соч., ч. I, с. 40).

²¹⁷ См.: *Попов Е.*, прот. Общенародные чтения по православно-нравственному богословию. СПб., 1901, с. 552, след. 879.

²¹⁸ *Прп. авва Дорофей*. Цит. соч., с. 238 (вопрос-ответ, п. 33).

²¹⁹ Достопамятные сказания, п. 23.

²²⁰ Там же, п. 1.

²²¹ Там же. «Об авве Пимене», п. 107; *Еп. Игнатий (Брянчанинов)*. Цит. соч., с. 294.

²²² *Прп. Иоанн*. Лестница. Слово 23, 1. Сергиев Посад, 1908, с. 150.

²²³ *Прп. Марк Подвижник*. Творения. Слово «о думающих оправдаться делами», п. 217. М., 1858, с. 84.

²²⁴ *Рейнак С.* Аполлон. История пластических искусств. М.: Кн-во «Проблемы эстетики». 1913, с. 218.

²²⁵ Эндозкзосмос — авторское словообразование, означающее в данном тексте — взаимопроникновение внутреннего и внешнего мира. От эндосмоса и экзосмоса (греч.), означающих диффузию во внутрь и вовне (endon, exo — греч., соответствуют — внутрь, во вне, и osmos — греч., толчок, давление импульс). — *Ред.*

²²⁶ *Ковалевская С.* Литературные произведения. СПб., 1893, с. 30—36.

²²⁷ *Прп. Иоанн*. Лестница. Слово 23, 2.

²²⁸ Od. III, 30, 1; изд. Schutz'a, 1880, Nauck'a, 1880.

²²⁹ Epist. 19, 23. 32 — 33; изд. Kruger'a, 1879.

²³⁰ *Прп. Иоанн Кассиан*. Писания. Кн. 12, гл. 2, 24—25; *Авва Дорофей*. О смиренномудрии // Душеполезные поучения, II. Троицкая Лавра, 1904, с. 42, след.

²³¹ См. более подробную картину душевных устроений гордецов у *прп. Исаака Сирина* (Цит. соч., 257, 328, 390 и др. Сергиев Посад, 1911; у *прп. Иоанна Кассиана* (Цит. соч., 12, 27, 29—30).

²³² Лестница. Слово 23, 14.

²³³ Например, *прп. Виталий* (см.: Четии Миней, 22 апр.).

²³⁴ Например, *св. Макарий Египетский Великий* (см.: Достопамятные сказания. СПб., 1871, с. 194—196).

²³⁵ *Прп. Исаак Сирин*. Цит. соч., с. 310—311.

²³⁶ *Ломброзо*. Гениальность и помешательство. СПб., 1892, с. 25.

²³⁷ *Прп. Иоанн Кассиан*. Цит. соч., XII, с. 32—33.

²³⁸ Отсюда — планета, «блуждающая звезда». Последнее наименование лжеучителей у ап. Иуды, 13 (ἀστὲρ ἁλούτης) — звезды блуждающие, по-славянски переведено «звезды прелестные» не буквально, а как раз понятием, смысл которого раскрывается в этом параграфе. Действительно, состояние этих еретиков — состояние прелести.

²³⁹ По: *Еп. Феофан Затворник*. Толкование на Послание к Солунянам. М., 1895, с. 253.

²⁴⁰ Лестница. Слово 7, 57. Сергиев Посад, 1908, с. 85.

²⁴¹ Там же. Слово 7, 58.

²⁴² *Еп. Игнатий (Брянчанинов)*. О молитве Иисусовой. Разговор между старцем и учеником // Аскетические опыты. Ч. I. (Собрание сочинений, т. I. СПб., 1865, с. 147).

²⁴³ Чем дальше от истины, то есть от Православия, тем нижеименованных явлений больше. Поэтому они особенно часты у католиков, разных сектантов и проч. Так, Яков Бёмэ, сапожник в Герлице (1575–1624), чудовищная прелесть которого (впрочем, не его одного) влияла на выбор тем наших религиозных мыслителей и философов (ср. учение о Софии Вл. Соловьева, свящ. П. Флоренского, прот. С. Булгакова с учением «о деве Софии» Бёмэ), однажды был озарен «божественным светом» и осенен «небесным» знанием. О другом подобном случае он так говорит: «В 1/4 часа я увидел и узнал больше, чем могло бы мне дать долготейшее пребывание в университете, ибо я увидел и познал существование всех вещей, глубину и бездну, вечное зарождение Святой Троицы» (*Boehme J. Theosophic Philosophy*, By Ed. Taylor. London, 1891. P. 425, 427; цит. по: Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. М., 1910, с. 399, прим. 1-е).

²⁴⁴ Биограф основателя иезуитского ордена Игнатия Лойолы Бартоли-Мишель говорит про него: «...Игнатий признался однажды о. Лайнецу, что час молитвенного созерцания открыл ему больше истины о небесных вещах, чем все поучения ученых докторов, взятые вместе... Однажды он ясно уразумел весь замысел Божественной мудрости, проявившейся в создании мира. Другой раз... ему было дано увидеть... глубокую тайну сущности Святой Троицы...» (*Bartoli-Michel. Vie de S. Ignace de Loyola*. P. 34–36); Цит. по: Джеймс В. Цит. соч.

²⁴⁵ Так Франциск Ассизский, по словам его лучшего биографа, однажды на молитве «почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса» — *il se sentit change tout a fait en Jesus* (*Joh. Joergensen. Saint Francois d'Assise. Sa vie et son oeuvre*. Paris, 1910. P. 446).

²⁴⁶ Католическая «святая» Тереза говорит про свое чувство «небесной» радости, что оно «пронизывает тело до мозга костей, тогда как земные наслаждения действуют только поверхностно». «Это, конечно, только приблизительное описание, — скромно добавляет она, — но я не умею выразиться яснее» (*S. Therese. Le Chateau Interieur, Y-me Demeure*, ch. I. Цит. по: Джеймс В. Цит. соч., с. 401, прим. 1-е).

²⁴⁷ Ср.: Фреймарк Г. Оккультизм и сексуальность / Пер. с нем. С. Пресса. Типичный пример в этом отношении представляет один из известнейших бесовских прощателей сравнительно нового времени И. Сведенберг (род. 29 января 1688 г.). Сын епископа, он получил тщательное и благочестивое воспитание. По образованию был учнейший человек своего времени, членом многих учебных обществ, по положению — выдающийся государственный деятель. Началом и почвой для его прелести послужила несчастная юношеская любовь, из-за которой он навсегда остался холостяком. Из оставшегося после него дневника мы узнаем, какие скрытые пружины обуславливали продолжение и конец всей этой дьявольской истории. В этом дневнике Сведенберг выступает как человек, нервная система которого была совершенно расстроена половыми излишествами, которые он сам называет свою «ночную главную страсть». Сны его полны женских образов, свое отношение к которым Сведенберг изображает с такой подробностью и откровенностью, что едва ли он, конечно, думал когда-либо о том, что эта книга может быть со временем предана гласности. Но мало того, что сны его вращаются около половых отношений, и во время бодрствования его сознание находится во власти блудных представлений, так что он не в состоянии работать. Так метался он между удовлетворением тайной страсти и молитвой, подвижничеством и религиозными размышлениями и, наконец, увидел в ночь с 6-го на 7 апреля 1744 года в полубодрственном состоянии первое видение. А потом дело пошло, как по маслу. Недостаток места не позволяет мне привести это характерное явление бесов ни полно, ни кратко. Привожу литературу, могущую для читателя восполнить этот недостаток: Леман. Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней / Пер. с нем. Петерсона, под ред. В. Линд. М., 1900, с. 255, 257, откуда я заимствовал предыдущие сведения.

²⁴⁸ Св. Исаак Сирин в 55-м слове («Послание к прп. Симеону Чудотворцу») сообщает на эту тему поучительный исторический пример из жизни ересеначальника евхитов, дотоле бывшего славным подвижником и учеником блж. Иулиана, слышавшего наставления даже от самого Антония Великого. См.: Творения. Сергиев Посад, 1911, с. 272–274.

²⁴⁹ Если Бог есть Свет, то отсюда следует, что лица, принявшие в себя Бога, не призрачно, не мечтательно, а по самому делу, начинают сами изучать из себя свет. Но как всегда диавол подражает Истине, чтобы обольстить простых или, наоборот, слишком лукавых сердцем. И он своим поклонникам сообщает галлюцинационный свет (для них самих) и прелестный для посторонних. Во всяком случае, сам преобразается в ангела света (1 Кор.) и является в свете (прп. Исаакий Печерский).

²⁵⁰ Несколько случаев этого передает Палладий, епископ Еленопольский, в своем «Лавсике», п. 30, 31, 32. Так, некто из молодых египетских подвижников Эрон, проводивший сначала необыкновенно строгую жизнь, после возгордился пред святыми отцами, впал в прелесть и ушел в столицу древнего разврата Александрию. «Там он стал посещать зрелища, конские бега и проводить время в кормежниках. Предаваясь таким образом чревоугодии и пьянству, он

впал и в нечистую похоть любострастия. От нечистой жизни открылась у него злокачественная болезнь, которая страшно мучила его полгода. Когда сделалось ему легче, он пришел в доброе чувство, вспомнил о небесной жизни, исповедал перед святыми отцами все, что с ним было, но, ничего не успев сделать, через несколько дней скончался». То же см. об одной девице-веннице Иерусалимской (Лавсаик. СПб., 1873, с. 137–140, 143–144).

²⁵¹ Этому служит увесистая книга (XVII+741+ XXIII с.) *прот. Г. Дьяченко* «Из области таинственного. Простая речь о бытии и свойствах души человеческой, как богоподобной духовной сущности. Материалы для опытной психологии и естественно-научной апологии христианства». М., 1900, и добавление к ней: «Духовный мир. Рассказы и размышления, приводящие к признанию бытия духовного мира». М., 1900 (XV+360 с.).

В этой куче сырого материала не всегда отчетливо проведена граница между естественными, прелестными и истинно духовными свойствами души, и требуется большой духовный опыт и подсказка рядовому читателю, чтобы ему самому не впасть в прелесть по прочтении этой интересной книги, составленной автором с искренним желанием спасти неверов, заблудших в потусторонний и вообще духовный мир.

²⁵² Повесть эта изложена в «Творениях» *аввы Исаии*. Сергиев Посад, 1911, с. 220–229; также в «Отечнике» *еп. Игнатия (Брянчанинова)*. СПб., 1891, с. 137–144, и в Прологе, под 27 февраля.

²⁵³ Это – главная святыня христианской Александрии, кафедральный собор, в котором находились мощи св. апостола и евангелиста Марка, покровителя и основателя Александрийской Церкви. Последствия (820) они были выкрадены венецианскими купцами (для безопасного прохода через мусульманскую таможену их положили на дно ящика со свининой) и привезены ими домой.

²⁵⁴ Многие ропшут на Бога за смерть детей, иные вообще сомневаются в благом Промысле и не находят смысла в окружающих событиях, особенно когда они близко нас задевают, но если бы они знали тайное и во всем, по крайней мере, обвиняли себя, то увидели бы страшные вещи и узнали бы, что ничего в мире нет случайного (Мф. 10, 29–30).

²⁵⁵ Ариане и феодосиане – местные еретики. Арий, знаменитый ересиарх, отрицавший единосущие Иисуса Христа, Сына Божия, с Богом Отцом, был осужден еще в 325 году на I Вселенском Соборе; феодосиане же принадлежали современной описываемому событию секте, очень многочисленной в Александрии (отрасль монофелитов-евтихиан).

Из этого места видно, какой великий грех – ересь. Если бы люди были не только верующими в Бога, но и православными, сколько бы сразу прекратилось несчастий, от которых они страдают, из-за которых ропшут и смысла которых не хотят понять!

²⁵⁶ Это не Макарий Великий, живший в IV веке, а одноименный ему святой V–VI столетий. Под руководством последнего подвизалась в мужском одеянии, под именем Дорофей, прп. Аполлинария (Четии Миней, 5 января).

²⁵⁷ Христианину надлежит больше всего и, во всяком случае прежде всего в болезнях, прибегать не к лекарствам, а к освященным врачествам, святой воде, маслу от чудотворных икон, мощей и к святым таинствам. А затем, если он маловерен, позвать земных докторов. Из того, что у нас сперва зовут к постели больного доктора и лечатся только порошками и микстурой, а священника (речь идет, конечно, про церковных людей) зовут только тогда, когда человек находится уже при смерти, выходит одно зло. Ибо такой порядок совершенно диавольский, внушаемый бесами.

Первые христиане помнили, что раз они христиане, то есть Христовы, то Христос, как Всемогуший Бог, всегда готов помогать им во всем, и земных врачей призывали разве только для того, чтобы не возгордиться. Другими словами, верили, что не они помогают, а Христос через них. Но и это было уже с наступлением упадка веры.

Вот почему среди древних христиан был распространен обычай широко пользоваться, в частности, освященным маслом, как это мы видим здесь. Как теперь «культурный» человек, отправляясь в путешествие, захватывает с собой в дорогу хинин, аспирин и т. п. из домашней аптечки, так первые христиане брали пузырек или флакон с благословенным маслом. Так, в Житии святителя Спиридона, Тримифунтского чудотворца (Четии Миней, 12 декабря) мы читаем о его внешнем виде, в котором он отправился (по вызову) и к самому царскому двору: «Был же Спиридон одет плохо, с посохом из финиковой пальмы в руке, на голове имел митру (у первых христиан она была без золота и камней, а просто вроде нашей камилавки, которую собственно здесь и надо разуместь), на груди же висел у него глиняный сосудец, по обычаю жителей Иерусалима, привыкших носить с собой елей от св. Креста Господня».

О широком употреблении этого обычая первых христиан пользоваться при всяком случае св. елеем говорят те многочисленные экземпляры сосудов из-под благословенного масла,

особенно от мошей св. великомученика Мины, которыми владеют в настоящее время многие европейские музеи (в Париже, Лондоне, Флоренции, Турине). Некоторые сосудцы с изображениями мученика художественной работы и с надписью: ΕΥΛΟΓΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΜΙΝΑ («Благословение св. Мины»). Что касается частного вопроса о том, почему именно много сохранилось экземпляров из этого святого места, то уже из настоящего рассказа можно понять, что оно пользовалось большим почитанием в древней Церкви. Действительно, церковь св. великомученика Мины около Александрии, хранящая ковчег с его мощами, была центром многочисленных паломничеств того времени (см. Житие прп. Аполлинарии, 5 января), как у нас Киев, Соловки, Троицкая Лавра и др. Многочисленность дивных чудес, происходивших здесь (см. Чегии-Минеи, 11 ноября), и была причиной и служит объяснением того бесчисленного количества сосудцев с маслом от мошей святого, которые паломники развозили по всему тогдашнему Востоку и Западу. (См.: *Dictionnaire des Antiquites chretiennes. Etc. par M. L'abbé MartignV. Paris, 1877. P. 345—346, ait Huiles Saintes*.)

Об употреблении освященного масла у первых христиан, о его благословении, об исцелениях, происходивших от него, и проч. много сведений находится в классических трудах: *Suicer'a. Thesaurus ecclesiasticus e Patribus Thaccis. Amsterdami, 1682, in folio*, под словом «Ελαιον»; также у Du-Cange'a (*Glossar «oleum benedictum» и «Ελαιον»*) и др.

И до настоящего времени обычай употребления священного масла сохранился в Церкви (ср. благословение елєя за всеобщим бдением, флаконы с маслом стеклянные, подобные древним, с надписью «из лампады от раки прп. Серафима», «от мошей прп. Сергия» и др. угодников, приобретаемые верующими в сих св. местах). Но, повторяю, он все же действует не в той степени, в какой бы должен, и это даже среди верующих. Привеза масло из св. места домой, его ставят, в лучшем случае, к иконам, и оно там чего-то «ждет» (очевидно, серьезной болезни). Внешний облик первохристианских времен, таким образом, еще уцелел, но сердцевины их, самое дело уже почти испарилось. А надо не дожидаться, когда что-либо заболит, а завести для себя порядок — ежедневно, например, или реже помазываться святым маслом (ставить, например, крестики на челе) в охранение от всякой немощи и в освящение, просвещение, натирать и помазывать большую часть тела св. маслом или внутрь его принимать. При вере и смирении человек освободится от нужды принимать врачей и получит невидимо укрощение самих своих страстей, от которых происходят все наши болезни. Сила благословенного масла всего виднее сказывается на бесноватых, для которых помазывание им все одно, что прикосновение и питание раскаленным железом.

Догматические основы этого обычая видны из практики св. апостолов (Мк. 6, 13), установивших таинство св. Елеосвящения, только отображением которого является обычное помазание. Духоносные люди и подвижники благочестия, старцы постоянно пользуются сим средством при своем обращении с людьми, больными душевно и телесно. Для удостоверения в этом достаточно прочесть любое Житие (особенно прп. Серафима Саровского, чудотворца).

258 Так как прелесть с Елисеєм случилась от гордости, то старец требует обратного — смирения. И это вещь немалая и в ней — все. О сокрушающем действии на демонов такого, по видимому, простого слова, как «прости меня, я согрешил», см.: *Ава Дорофей*. Душеполезные поучения, II. Изд. Оптиной пустыни 9-е, с. 38 и след.

259 Греч. путевая стадия (240 шагов), по Эратосфену, равна 74 саж. Следовательно, в 9 стадиях было около 1 версты с четвертью.

260 Отсюда видно, что такое Патерики и Отечники. Это живая запись живых событий, участники которых и сами были у всех перед глазами, а не сборник легенд, как думают неверы, думая, что им от этого легче, свободнее и веселее жить будет. Веселее — может быть, но не легче.

261 Вся история эта заслуживает больших психологических объяснений, которых за недостатком места я не могу дать, и, по крайней мере, серьезного, вдумчивого чтения слово за словом, с приложением к своей собственной душе. Если подобных видений, бывших Елисеєм, кто-либо не испытал, то его чувство гордости, гнева, тщеславия, сребролюбия в свою меру каждый, без сомнения, сведал.

262 Прп. Симеон Новый Богослов. О трех образах внимания и молитвы // Слова. Т. II. Слово 68-е. М., 1890, с. 180—182.

263 Joergensen. Op. cit., p. 27.

264 Стремление к «Imitatio Christio» (ср.: «Подражание Христу» Фомы Кемпийского, что, как говорит один русский философ, «по существу дела не может быть переведено иначе, как «Имитация Христа») вообще широко развито в среде католических мистиков. Этими же прелестьными началами, о которых идет у меня речь, — наклонностью и желанием подействовать на воображение — пропитана и вся церковная практика католицизма. Отсюда чувственный ха-

ракетер богослужения, драматизм, открытый алтарь (алтарь – сцена, литург – актер), пластика, чувственная музыка, эротизм и истеричность и проч. (См.: *Флоренский П.*, свящ. Столп и утверждение истины // Опыт православной Теодицеи в 12-ти письмах. М.: Кн-во «Путь», 1914, с. 723–724, прим. 400-е).

Факты коушественного копирования можно читать в кн.: *Герье В.* Франциск. Апостол нищеты и любви. М., 1908, с. 27, 114, 115. Также: *Лодыженский М.* Свет незримый. СПб., 1912, с. 88–132, откуда и заимствую фактические сведения о Франциске. Ср.: *Новоселов М.* Мистика Церкви (по сравнению с мистикой католической). Сергиев Посад, 1914, с. 56–57.

²⁶⁵ *Жебар Эмиль.* Св. Франциск Ассизский / Пер. с франц. Изд. «Дешев. библ. Суворина», с. 160–161.

Но смотри, как умирали наши величайшие святые, какое имели в момент разлучения души от тела великое чувство смирения и сознания своего недостоинства!

Когда умер св. Макарий Великий и душа его, отделившись от тела, была подъята херувимами и восходила на небо, то, – рассказывали после некоторые духоносные святые отцы, имевшие дар видения, – бесы, стоя вдалеке, кричали: «О, какой ты славы сподобился, Макарий!» Святой же отвечал: «Нет, но и до сих пор боюсь, ибо ничего в себе не нахожу, что сделал бы я благого». Потом те бесы, мытарства которых еще выше находились в воздухе, все еще не теряя надежды хоть в это время запнуть его тщеславием, кричали ему вслед: «Поистине, избежал ты нас, Макарий...» А он ответил: «Нет, еще и сейчас не прекратилась мне потребность бежать от вас!» И когда Макарий был уже внутри небесных врат и бесы, плача, кричали: «Избежал от нас, избежал», тогда только он сильнейшим голосом в ответ им воззвал: «Да, избежал ваших козней, ограждаемый силою Христа моего...» (Четии Миней, янв. 19, М.: Синод. изд., 1897, с. 416).

²⁶⁶ *Йог Рамачарака.* Раджа-Йога (Психология йогова). СПб.: Кн-во «Новый человек», 1915.

²⁶⁷ *Успенский П.* Идеи Хинтона и их приложение к жизни. – Хинтон Ч. Воспитание вообще и четвертое измерение. СПб., 1915, с. VI.

²⁶⁸ См.: там же, с. VII.

²⁶⁹ Механизм медитации (мечтательного мышления), по учению оккультистов, состоит из двух родов: активной концентрации, когда человек сосредоточивает свои мысли на каком-либо заранее определенном предмете, и пассивной, когда из поля сознания выбрасываются начисто все мысли и делают его искусственно совершенно пустым. Для обучения той и другой существуют особые правила. Весь процесс, с христианской точки зрения, являет собою типичную прелесть и во всем противоположен православному, так называемому умному деланию. «Мечтательность» ни у йогов, ни у меня, конечно, не тождественна с мечтательностью молодых девушек, греющихся о «нем» и строящих разные воздушные замки, и мечтательностью после обеда и проч.

²⁷⁰ См.: *Новоселов М.* Цит. соч., с. 36–37.

²⁷¹ *Преп. Исаак Сири.* – Объяснение смотри в разговоре известного Святогорца (иеросхимонаха Сергия) с затворником о. Тимофеем (Письма Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, ч. III. (Посмертные письма и келейные записки). М., 1913, с. 501, примечание).

²⁷² О том, как «принимали этот стыд и наказание» на себя святые, хорошо даст понять рассказ из жизни прп. Макария Великого, см. параграф «Самоукорение. Плач»; также – в жизни прп. Ефрема Сирина о навязывании ему ребенка (Творения, т. III).

²⁷³ *Св. Исаак Сири.* Слово 89-е // Творения. Сергиев Посад, 1911, с. 424.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ См. поведение аввы Аммона Египетского (след. примеч.), славного в отцах, в отношении одного брата, к которому зашла женщина. (Достопамятные сказания. Об авве Аммоне, п. 10. СПб., 1871, с. 55). *Прп. авва Дорофей* комментирует этот случай в своих «Душеполезных поучениях», VI. Троицкая Лавра, 1904, с. 86.

²⁷⁶ Про авву Аммона говорится, что он пришел в такое совершенство, что от «множества доброты не знал зла».

Приведу один пример из многих для подтверждения милующего сердца великих святых – пример, редко где цитируемый.

Когда св. Аммон сделался епископом, привели к нему девицу, зачавшую во чреве, и сказали ему:

– Такой-то сделал это, наложи на них епитимию.

Аммон, знаменовав крестом ее чрево, велел дать ей шесть пар полотенец и сказал:
— Когда придет время родить, не умерла бы она сама или дитя ее, и было бы в чем похоронить их.

— Для чего ты это сделал? — сказали обвинявшие девицу. — Наложим на них епитимию.

Но он отвечал:

— Смотрите, братия, она уже близка к смерти, что же я должен сделать?..

И отпустил ее.

Повествование («Достопамятные сказания») не говорит, были ли слова Аммона пророчеством (по ходу дела, кажется, так), но что другой мог бы павшую осудить (по крайней мере, словом), всякому ясно. Но святой подражал своему Господу, а не Его гонителям (Ин. 8, 3—11).

277 Достопамятные сказания, с. 212.

278 *Св. Исаак Сирин*. Цит. соч., с. 425.

См. еще какую заботу выказывал св. Варсонофий Великий к прп. авве Дорофею, когда последний только что поступил в монастырь (*Св. Варсонофий Великий*. Его жизнь и учение).

279 Достопамятные сказания. Об авве Пимене, п. 31, с. 278—279.

280 Лк. 21, 1—4 (о женщине вдовице). Этим и объясняются случаи (указанные в Житиях) с Пафнутием, Антонием, Макарием, что подвижник в пустыне, смолodu величайший подвижник, а ему свыше говорят: он равен какому-то мирянину (всегда мирянину). Потому что последнему некогда таких покаянных подвигов нести, но усердия у него много. И все (до последней капли), что он может сделать, он делает, и Бог его равняет.

281 Там же, п. 129, с. 306.

282 *Архим. Агапит*. Цит. соч., ч. II.

283 Достопамятные сказания. Об авве Вениамине, п. 5.

284 Там же. О матери Синклитикии, п. 15, с. 388.

285 *Св. Ефрем Сирин*. Творения, т. II. М., 1881, с. 134.

286 Ничего слишком (μὴδὲν ἄγαν) — эта пословица, которую приписывают Хилону: надписана была на Дельфийском храме. (См.: Protog. P. 343 В. См. еще: толкование Plat Menexenus, 247, Е (пер. проф. Карпова, ч. IV. СПб., 1863 и прим. 1-е). Платон говорил, прибывают ли деньги, убывают ли, человек остается верен этой пословице. Не будем ни слишком тревожиться, ни бояться, если бы надлежало и умереть в эту минуту (248.В.). Вот мысли христианские до Р. Х.! Бог не оставил язычников в совершенной тьме, но предоставил им естеством «творить законное» и доходить, возвышаться до истины...

287 Достопамятные сказания, п. 10, с. 43.

288 Испытания и падения — от неумеренностей и не царского пути. Авва Матой учил, что слабые оставляют дела легкие и скорые, а берутся за трудные, и скоро оставляют. Дьявол вкладывает помыслы пожелания именно тех вещей, которые в нашем состоянии нельзя нам совершить. Послушникам — дела безмолвников, безмолвникам — наоборот; мирским, если хорошо живут, то внушает желать скорбей безмерных (а если бы пришли, то задавили бы нас), а тот, кому они посылаются, ропщет, что трудно жить и молиться и проч. И все у них кувырком и шиворот-навыворот идет. Встанет слабенький человек, прислонится к стене, съест кусочек, бежит на службу, оттуда, не заходя домой, — в церковь, из церкви часов в 11—12 — домой, измученный, ничего есть не хочет, ложится «как убитый», не молясь, спать. Проснется ночью в 2—3 часа, начинает читать молитвы на сон грядущим. Немножко что-либо поделает и опять ложится спать. Встает, идет к ранней обедне и снова также. И это, думают, хорошо, «подвиг» несут «ради Бога». Нет, дьяволу мы волю тешим. Бог любит все в меру, а «крайности бесовщины суть». Скоро сил у него не хватает, и он часто отпадает, а иногда и совсем падает, потому что начал, не утвердившись внутренне, духовно. Также отсюда зависть, высматривание: ну-ка, придет ли кто-нибудь раньше нас в церковь и прочее тщеславие! Когда нам духоносные отцы, против воли, указывают, не слушаем. Так дьявол, найдя в человеке одно незащищенное место, делает с ним, что хочет, под видом добродетели.

289 Лествица. Слово 25, 2. Сергиев Посад, 1908, с. 162.

290 Там же, п. 1.

291 Там же, п. 52, 36.

²⁹² Софисты в это время нередко были глубоко знакомы со Священным Писанием. Во всяком случае, их никак не должно смешивать с древними софистами времен Сократа, преподававшими философию и красноречие за плату. Некоторые из софистов, то есть глубоководных светски и духовно христиан упоминаемого времени, были даже и великими подвижниками, как, например, Софроний, впоследствии патриарх Иерусалимский (†641).

Софист, о котором идет речь у аввы Дорофея, очевидно, был силен только во внешних науках.

²⁹³ *Прп. авва Дорофей*. Цит. соч., П. Троицкая Лавра, 1904, с. 45–46.

²⁹⁴ См.: *Прп. Симеон Новый Богослов*. Божественные гимны, II / Пер. с греч. иеросхимонаха Пантелеимона, доцента МДА. Сергиев Посад, 1917, с. 25.

²⁹⁵ Там же, VIII, с. 58.

²⁹⁶ Лествица. Слово 25, п. 4; *Св. Симеон Новый Богослов*. Божественные гимны.

²⁹⁷ Лествица. Слово 25, 33.

²⁹⁸ Творения, т. II. М., 1890, с. 399.

²⁹⁹ Читатель пусть не вмешивает сюда хронологию, ибо прп. Иоанн жил в конце VI века, а св. Симеон — в начале XI столетия.

³⁰⁰ Ум обычно занят на этой духовной ступени непрерывным плачем и Иисусовой молитвой, и так как все внимание на нее устремлено, то топот и игры бесов только «со вне» ему и слышатся, и то смутно, а внутрь его «клетки» (вот, что значат слова Спасителя: Мф. 6, 6) проникнуть не могут.

³⁰¹ Лествица. Слово 25, 5.

³⁰² Там же. Слово 25, 6.

³⁰³ Там же. Слово 25, 8.

³⁰⁴ Там же. Слово 25, 35.

³⁰⁵ См. параграф «Дерзость».

³⁰⁶ Лествица. Слово 25, 65.

³⁰⁷ См.: Лествица. Слово 25, 58.

³⁰⁸ См.: параграф «Внешнее поведение».

³⁰⁹ См.: Древний Патерик, 15, 98, 35. М., 1899, с. 280–281, 298. *Прп. Исаак Сирин*. Творения. Сергиев Посад, 1911, с. 45. и след.

³¹⁰ Лествица. Слово 25, 62, 71, 105.

³¹¹ В параграфе «О гордости».

³¹² Лествица. Слово 25, 32.

³¹³ Ср.: там же. Слово 22, 17.

³¹⁴ См.: Древний Патерик, п. 24, с. 278.

³¹⁵ Лествица. Слово 25, 42; ср. п. 23.

³¹⁶ Однако и тот, кто отвращается помыслов тщеславия и не соглашается с ними, но все-таки еще чувствует всю силу их, — несовершен; но, понятно, выше первого.

³¹⁷ Лествица. Слово 25, 28.

³¹⁸ Это — авва Симон, один из великих древних египетских отцов.

Один светский начальник пришел на него посмотреть. Клирики предупредили авву об этом и сказали:

— Авва, приготовься! Один начальник, услышав о тебе, идет принять от тебя благословение.

— Хорошо, приготовлюсь, — отвечал Симон.

Надев на себя платье, сшитое из многих разноцветных лоскутков, и взяв в руки хлеб с сыром, авва сел у двери и ел.

Начальник пришел со своей свитой.

Увидев старца, пришедшие посмотрели на него с презрением и сказали:

— Это-то отшельник, о котором мы слышали?!

И тотчас удалились (Достопамятные сказания. Об авве Симоне, п. 2. СПб., 1871, с. 373).

Здесь надо обратить внимание, кроме всего прочего, на проскальзывающее тщеславие клириков, желавших, очевидно, чтобы святой прибавился, но противоположным образом тому, как сделал он; на желание аввы смирить их тщеславие, на то, что великий постник стал есть сыр, то есть принял вид чревоугодника, нарушающего не только время вкушения пищи, но и выискивающего совершенно несхимническую еду (см. параграф «О времени вкушения пищи и пр.»).

³¹⁹ Лествица. Слово 25, 44.

³²⁰ Там же. Слово 23, 12.

³²¹ Там же. Слово 26, 238.

³²² Долину, как низину, лежащую у подошв гор, можно уподобить в духовной жизни смиренной душе, которую попирают ноги возвышающихся (надменных) вокруг гордецов («гор»). Однако, в результате, горы — пусты, голы, бесплодны, а долины богаты хлебом; так и в духовном смысле. У прп. Иоанна по-другому это место истолковано: трудность восхождения на горы и высота их самих приравнена к трудам подвижничества и высоте добродетелей. Но мысль — о пользе смирения души — одна и та же. Вообще, как бы ни толковать, подвижающемуся нужно при этом всегда одно наблюдать — свою душевную пользу, а не «вострение» ума.

Впрочем, и то сказать: если благодать нам помогает, она так именно и поступает, а если мы у ученых еретиков учимся бесовскому знанию, то, конечно, приобретем себе одно расстройство ума.

³²³ Этим не отрицается, конечно, вообще значение бодрствования. Сам же пророк Давид в другом псалме говорит: «Бдех и бых, яко птица, особаящаяся на зде» (на кровле) (Пс. 101, 8). Но в данном случае, о котором у него идет речь, Бог его и без постов, долулегания и всего прочего помиловал. Может быть, обстоятельства ему и не позволяли тогда внешне подвизаться. Посему, если мы немощны, вознаградим упущение подвигов смирением; если здоровы, приложим и подвижничество, чтобы лучше смирить плоть.

³²⁴ Лествица. Слово 25, 15.

³²⁵ Там же. Слово 26, 52.

³²⁶ Слово 46-е, с. 198—199.

³²⁷ Преп. авва Дорофей. Цит. соч., с. 234.

³²⁸ Слово 53-е: О том, какую честь имеет смиренномудрие и как высока степень его, с. 236.

³²⁹ Там же, с. 234—235.